

НЕТ ОТДЫХА ДЛЯ УСТАВШИХ

Кевин Уоррик Фицджеральд

НЕТ ОТДЫХА ДЛЯ УСТАВШИХ

Около 77 000 слов

Авторские права (с) 2024, Кевин Уоррик Фицджеральд

НЕТ ОТДЫХА ДЛЯ УСТАВШИХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ «Приглашение»

Шон не пробыл дома целых два месяца, когда пришло приглашение.

Это были чудесные и расслабляющие семь недель, когда он ел столько, сколько мог запихнуть в желудок, в основном сладости; не спал, смотрел поздние шоу, а потом спал до полудня; пил пиво с каждым другом, которого мог найти, если они не возражали против покупки. Он также наслаждался своим дневным сном.

Его приемные родители не возражали.

Оба предложили ему не торопиться так долго, как он захочет. Никакого давления. Он мог пожить с ними некоторое время, пока не «придет в себя», как выразился его отец. Все, включая Шона, знали, что у него не осталось много ориентиров после того, что с ним произошло, и что ему понадобится некоторое время, чтобы восстановить свои физические, эмоциональные и духовные силы и снова привыкнуть к жизни в городе с людьми.

С тех пор как он вернулся домой, единственное, чего он хотел, — это есть и спать, именно в таком порядке.

Его мать держала холодильник заполненным всеми его любимыми лакомствами, благослови ее сердце. Огромная миска из нержавеющей стали всегда была заполнена охлажденным пудингом из тапиоки. Новая упаковка Oreos и Fig Newtons появилась, когда старые упаковки были опасно близки к тому, чтобы быть очищенными. Свежая порция салата из тунца появилась, когда куриный салат закончился. Одежда, которую он держал разбросанной по всему полу спальни, исчезала, а затем таинственным образом появлялась чистой и сложенной через несколько часов.

Он не подумал об этом.

«Если это не рай, — подумал Шон, хихикая обеими руками по своему растущему животу, — то он не знает, что это такое».

Ему удалось спуститься в спортзал и потренироваться пару раз в неделю со старым приятелем по колледжу, и он пробежал пять миль два или три раза в неделю, чтобы размять ноги. После того, что он пережил, пять миль были короткой прогулкой.

Однажды днем Шон сел на диван перед телевизором с сэндвичем, набитым слоями нарезанной индейки, швейцарского сыра, салата, помидора, лука, немного острой коричневой горчицы и капельки майонеза. У него также был пакет чипсов Red Hot и высокий стакан ледяного шоколадного молока, чтобы запить все это. Он начал переключать каналы, когда его пронзила крошечная вспышка беспокойства.

За последние несколько недель он неоднократно говорил себе, что должен пойти и найти работу, но до сих пор так и не выбрался из дома, чтобы поискать ее. Несколько раз, когда он был отдохнувшим и сытым, возникало легкое желание найти работу. В основном потому, что у него не было денег. Но эти моменты длились недолго, так как прямо сейчас деньги ему не были нужны. А что, если он действительно встретит девушку, которая согласится с ним встречаться? Ему придется занять денег, чтобы сводить ее куда-нибудь, вот что. Насколько это будет неловко? Но прежде чем он найдет работу, ему понадобится машина. А единственный способ позволить себе машину — сначала устроиться на работу.

Ох, уж эти загадки современного общества.

Но как он собирался устроиться на работу, чем бы он ни занимался, имея из всех предметов только степень бакалавра по истории? Хотя он

любил историю и был рад, что изучал ее, теперь он жалел, что не специализировался на чем-то, что могло бы дать ему оплачиваемую работу.

К тому же, как он мог познакомиться с девушкой, если он никогда не выходил из дома, кроме как в спортзал, а до него можно было легко прийти пешком. Так что машина ему сейчас была не нужна.

Кроме того, его ужасала перспектива искать работу и страдать от всех этих отказов. Он вздохнул и смирился с тем, что на следующей неделе нужно будет заполнить несколько заявлений. Да, это было бы хорошо. На следующей неделе как-нибудь. Может, через неделю.

Он был бы вполне доволен тем, что сейчас ничего не делал. К тому же, по телевизору могли бы показать что-то хорошее.

Конечно, этого никогда не было.

Он закончил обедать и решил, что переключать каналы телевизора приятнее лежа. Он расположил несколько подушек так, чтобы обеспечить оптимальную поддержку поясницы, а голова была под правильным углом, затем немного присел. Да. Теперь он был готов посмотреть дневной фильм на 9 канале.

Он задремал во время вступительных титров и начал тихонько похрапывать.

Некоторое время спустя его разбудил странный писк. Он поднял голову, затем правое веко и увидел, как почта проскользнула через щель во входной двери и шлепнулась на пол в коридоре. Поскольку ему больше нечего было делать, да и сейчас он все равно не спал, он сел, потер глаза ладонями и потер пальцами ног вычищенный до последней капли крови светло-зеленый ковер с густым ворсом. Он медленно встал, подошел, взял почту и разложил ее по полочкам.

К его удивлению, там был большой белый конверт, адресованный ему из Австралии, с этой огромной, действительно красивой маркой, состоящей в основном из ярко-оранжевой и зеленой бабочки. Там был точно такой же конверт для его родителей. Он положил два журнала и остальную почту на маленький деревянный столик в фойе, разорвал конверт и вытащил большую карточку, которая была украшена белым кружевом по всему краю.

К своему полному удовольствию он нашел приглашение на свадьбу от своего брата, кровного сына его приемных родителей, который был старше на три года. Шон прочитал карточку:

Г-н и г-жа Ян Джеймс Катбертсон
приглашают вас на свадьбу их дочери
Вирджиния Линн Дарлинг Катбертсон

к

Г-н Дэниел Рэли Бойл

в

Объединяющая церковь Святого Стефана
197 Macquarie Street NSW 2000, Сидней, Австралия

в

Полдень 22 октября 2001 г.

Прием сразу после

в

Подвал джаз-клуба

Внизу была написанная от руки записка: «Рад, что ты вернулся целым и невредимым. Надеюсь, ты сможешь приехать пораньше, чтобы помочь нам устроить вечеринку».

Дэнни женится! — подумал Шон. Будь я проклят. На его лице медленно появилась широкая улыбка. Шон не видел своего приемного брата уже около двух с половиной лет, с тех пор, как Дэнни уехал на турнир по серфингу и устроился на настоящую работу, делая что-то, о чем Шон толком не рассказывал ни в одном письме, которое он когда-либо читал, и каким-то образом умудрился остаться. Он сожалел, что не может позволить себе пойти на свадьбу, так как за год не заработал ни цента.

Затем Шон почувствовал что-то еще в большом конверте. Он вытащил фотографию, записку и еще один маленький конверт. Он изучал фотографию. Дэнни обнимал симпатичную рыжеволосую девушку. Этому парню всегда везло.

В записке говорилось: «Теперь у тебя нет оправданий».

Он открыл маленький конверт, просмотрел его содержимое и не мог поверить. Дэнни включил в него билет туда и обратно на Qantas Airlines. Шон запрокинул голову и громко пропел: « Ууупи », которое разнеслось по всему дому.

Его приемная мать, Марта, прибежала из кухни, вытирая руки о желтый фартук. «Что происходит? Что-то не так?» Она невольно напонила Шону Донну Рид из шоу Донны Рид, которое выходило каждый будний день на канале 53 в 12:30. Тот же рост, та же прическа, та же улыбка, очень красивая, только немного старше.

«Дэнни женится».

«Что?!» — закричала его мать.

«Да». Шон вытащил другой белый конверт и протянул ей. «Вот ваше приглашение».

Марта просунула под клапан тщательно наманикюренный указательный палец и провела им по всей длине конверта. Она вытащила содержимое и прочитала карточку. «Ну, что ты об этом знаешь? Держу пари, что Билл и Морин получили один два».

Старший приемный брат Шона, Билл, его жена Морин и двое их детей, Тимми, десяти лет, и Линда, восьми лет, пришли тем вечером на ужин к своим родителям, чтобы отпраздновать помолвку Дэнни.

Когда все сидели за обеденным столом, но до того, как подали еду, в комнате гудели разговоры, когда Энди постучал салатной вилкой по пустому винному классу. Было о чем поговорить.

Энди, приемный отец Шона, не мог не напониить Шону о Фреде Макмюррее , когда тот снимал *«Моиx трех сыновей»* . Сходство было поразительным. Они даже одевались одинаково. Шон считал совершенно странным, что *«Мои три сына»* транслировались в час дня по будням на канале 53, что делало час Донны Макмюррей , или час Фреда Рида, или час Энди и Марты. Он никогда его не пропускал.

Все повернулись, чтобы посмотреть на Энди. Он начал: «Ладно, давайте организуемся. Дэнни, должно быть, там очень хорошо справляется», — сказал Энди. Его голубые глаза сверкнули, когда он улыбнулся. «Он прислал нам с Мартой билеты на самолет, и билеты для всех вас четверых», — он обвел рукой Билла, Морин и обоих детей. «У нас тоже билеты на пятнадцатое число, но Марта и я не можем уехать до девятнадцатого. Мы обещали отцу МакИнерни , что... ну, мы не можем его

подвести. У нас еще остается достаточно времени, чтобы добраться туда, увидеть всех, и до свадьбы, и после нее».

«Мы с Морин не можем уехать до двадцатого числа», — сказал всем Билл. «Я обещал клиенту, что закончу его дом к девятнадцатому. Раньше мы точно не закончим». Он снова откинул с глаз волнистую каштановую челку. Билл выглядел как точная копия Энди и Фреда, только вдвое моложе.

И Тимми, и Линда сгорбились на своих местах, сложили руки на груди, выпятили нижнюю губу и пронзительно закричали в знак неодобрения. Шон знал, что они хотели уйти как можно раньше.

«Я говорил с нашими кузенами, Энн и Уилфредом Самерсонами, в Сиднее сегодня днем, — продолжил Энди. — Шон, ты готов остановиться у них во время своего визита. Они заберут тебя из международного аэропорта Сиднея пятнадцатого числа».

Шон кивнул.

«Я также коротко поговорил с Дэнни». Энди посмотрел на Шона. «Он настоял, чтобы ваш обратный билет был безымянным. Кажется, Дэнни хотел бы показать вам, и я цитирую, «немного глубинки», конец цитаты».

«Я поменяю билет», — сказал всем Шон. «Звучит как взрыв».

Энди указал на Билла и Морин указательным пальцем правой руки. «Энн сказала, что у них много места, и что вы двое можете иметь свою комнату, а дети получают свою собственную комнату».

Морин и Билл лукаво смотрят друг на друга.

Энди продолжил: «Мы постараемся достать билеты на двадцатое число, чтобы поехать вместе, Билл».

"Отлично", сказала Морин. Ее длиннорукавное белое платье со всеми этими крошечными красными розами осветило комнату. Морин была похожа на пухлую Шарлиз Терон. Красивая. Целеустремленная. Сразу заслуживающая доверия. Она любила цветы. Ее большой сад был полон цветов. Она следила за тем, чтобы некоторые из них цвели каждый сезон, так что у нее всегда было много ваз, наполненных свежесрезанными цветами по всему дому в течение всего года. Ее дом всегда пах чудесно.

«Я скажу тебе вот что, Билли», — сказал Шон, «если вы с Морин не возражаете, я мог бы взять детей с собой пятнадцатого числа, а вы двое могли бы присоединиться к нам, когда сможете». Он обожал детей и с

нетерпением ждал возможности провести с ними время. «Кроме того, они ведь смогут остаться с Самерсонами, пока ты не приедешь, верно?»

Линда и Тимми резко выпрямились. Линда начала скандировать: «О, пожалуйста, о, пожалуйста, о, пожалуйста», слегка стуча кулаками по столу.

«Да, да, да», — снова и снова ныл Тимми, кивая головой так быстро, как только мог.

Билл сцепился глазами с Морин. Они молча общались пять секунд, пока Морин не улыбнулась. «Я думаю, мы могли бы справиться с тем, чтобы дом был в нашем распоряжении, в одиночестве, в тишине и без помех в течение нескольких дней», — сказала она.

Дети взорвались от радости.

Билл подмигнул жене.

Шон улыбнулся.

Всем понравилась жареная на сковороде курица с подливкой, обильно политая настоящим картофельным пюре, и свежая, приготовленная на пару спаржа, но немного места было оставлено и для домашнего персикового пирога и ванильного мороженого.

Вскоре настал этот великий день.

Шон был упакован уже несколько дней.

Утром пятнадцатого Марта отвезла Шона в дом Билла и Морин. Линда и Тимми были еще не совсем готовы. Шон стоял в вестибюле, пока дети и их родители бегали и кричали из комнаты в комнату, пока дети не оделись и не собрались. Они бросили свой багаж в багажник коричневого универсала Chevy Марты, загрузились и поспешили в аэропорт. Шон и оба ребенка обняли Марту, затем помахали на прощание и ринулись в терминал. Движение было небольшим, и у них было достаточно места, чтобы проскочить между толпами людей, направляясь к стойке Delta, чтобы проверить посылку.

Каждый из детей нес небольшой чемодан, соответствующий их размеру, и носил рюкзак. Шон нес большой чемодан и длинную, хорошо упакованную коробку длиной около шести футов и площадью шесть квадратных дюймов. В ней был богато украшенный, настоящий меч ниндзя. Прямой, с замысловато сплетенной кожаной рукояткой и ножами.

Сделанный из прекрасного металла, способного держать и сохранять тонко отточенную кромку. Шон знал, что Дэнни всегда хотел такой. Шону пришлось занять денег, чтобы заплатить за него, но он пообещал, что вернет их с первых зарплат. Это вызвало некоторые смешки.

Когда Шон и дети подошли к стойке Delta, он посмотрел направо и увидел своего соседа, мистера Келлори, в форме, который тащил чемодан поменьше, сидя на чемодане среднего размера позади него. Шон знал, что он был пилотом, но никогда не видел его в форме.

Шон подошел и пошел рядом с ним. «Здравствуйте, мистер Келлори».

«О, привет, Шон. Рад был тебя здесь встретить. Куда ты направляешься?»

«Сначала полетим в Сан-Франциско, а потом дальше в Австралию».

«Без шуток. Отсюда рейс 1367 авиакомпании Delta до Сан-Франциско? Потом рейс Qantas номер 172 до Сиднея?»

Шон посмотрел на свои билеты. «Верно. Откуда ты знаешь?»

«Какое совпадение. Это мой рейс в Сан-Франциско, и я знаю капитана, летящего этим рейсом авиакомпании Qantas».

«Ну, я знаю, что я в надежных руках».

Они тихонько рассмеялись.

«Что в длинном ящике?» — спросил его Келлори.

«Очень классный меч для подарка моему брату на свадьбу. Я собираюсь его проверить».

Келлори резко остановился. Шон тоже остановился.

Шон увидел тревогу на лице мужчины. «В этом нет ничего плохого. Я проверил правила. Они могут положить его вместе с зарегистрированным багажом, в брюхо самолета, верно?»

"Уже нет."

"Хм?"

«Национальный совет по безопасности только на прошлой неделе, после 11 сентября, ввел новые ограничения, которые являются именно ограничительными. На борту запрещено иметь какое-либо оружие. Точка. Это зажжет машины безопасности, как фейерверк на 4 июля, и будет конфисковано. Вас могут допросить. Вы опоздаете на свой рейс».

«О нет! Я думал отправить его по почте, но он мог не прийти вовремя. И поскольку я летел, я подумал...» Шон попытался взвесить свои варианты.

Есть ли где-нибудь почтовое отделение поблизости от аэропорта? До которого он мог бы дойти пешком? До того, как он сядет в свой самолет? Как это могло случиться? Он мог бы нанять такси, чтобы отвезти его обратно в дом своих родителей. Попросить их отправить его по почте. Рассказать Дэнни историю о том, что его подарок уже на почте. Как это было бы нелепо! Он был в затруднительном положении. Что делать с этим мечом? Не было простых или правильных ответов. Он огляделся. Он был ошеломлен. Ничего не приходило ему в голову. Дети смотрели на него так, будто его лицо тает, надеясь, что он примет решение в один прекрасный день.

Когда Келлори предложил со своим плохим, фальшивым австралийским акцентом: «Не беспокойся, приятель. Дай мне это. Я положу это в свой капитанский шкафчик на время полета, где это будет в целости и сохранности. И как я уже сказал, я знаю капитана, который будет летать на самолете Quantas в Сидней. Я перенесу это в его самолет и попрошу его положить это в каюту капитана на борту его самолета».

«Привет! Спасибо огромное».

«Я собираюсь отдохнуть в зале ожидания «Дельта» несколько минут перед посадкой», — Келлори протянул руку.

Шон передал ему посылку.

«Счастливого пути». Келлори улыбнулся и прошел за стойку Delta через дверь в стене.

Шон провел детей в трамвай и из него, затем через охрану к их выходу, затем они ждали своей очереди, когда была объявлена посадка. Они нашли свои места, три в ряд в автобусе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Первые два прыжка»

Шон пристегнулся и сделал глубокий вдох, когда воспоминания о том, почему он ненавидел летать, одолели его. Тот свежий зимний день казался вчерашним.

Пару лет назад, по прихоти, он решил стать парашютистом и за тридцать пять долларов вступил в местный парашютный клуб. Он посещал

тренировочные занятия каждый вторник и четверг вечером в течение трех недель по несколько часов, где показывали фильмы о людях, прыгающих с десяти тысяч футов и образующих огромные круги в небе, держась за руки во время падения. Это выглядело так весело. Они показывали слайды того, что именно произойдет и что они должны делать, когда придет их очередь прыгать. Они также повторили аварийные процедуры, на всякий случай.

Он не мог дождаться.

После трех недель занятий в классе пришло время практиковать приземление. В ветреную, холодную субботу в конце декабря они оделись во все снаряжение, в котором будут прыгать, включая цельный комбинезон, подвесную систему, состоящую из двух парашютов, один на спине, один на животе, шлем и ботинки, и по очереди спрыгнули с платформы высотой десять футов. Они жестко приземлились с этой высоты и научились переворачиваться, когда ударялись о землю. К концу дня все ученики замерзли и были в синяках, но взволнованы. Если позволит погода, они прыгнут в первый раз на следующих выходных.

Наконец наступила следующая суббота, и погода была идеальной. Было холодно, но безветренно. Небо было идеально голубым, как яйцо малиновки. Ни одного облака не было видно. Группа прыжков Шона собралась на территории кампуса и отправилась в относительно небольшой, давно заброшенный армейский аэропорт за городом. Они использовали старый, довольно обветшалый односекционный широкий трейлер для своих офисов. Все надели снаряжение и ждали своей очереди.

Пять членов клуба, которые занимались этим годами, и инструктор по прыжкам забрались в небольшой одномоторный Piper Cub. Шон и еще около тридцати человек наблюдали, как они взлетают. Другие давние члены занимались рутинными делами: укладывали парашюты, собирали взносы, выдавали квитанции и тому подобное.

Самолет совершил один круг над полем, а когда оказался над ним во второй раз, из него высадились пассажиры, один за другим.

Маленькие черные точки быстро превратились в маленькие черные точки с маленькими белыми и оранжевыми круглыми пятнами над ними. По мере того, как они дрейфовали к Земле, черные точки превратились в человеческие фигуры, а белые и оранжевые пятна оказались парашютами. Парашютисты приземлились и пошли обратно к маленькому трейлеру на

краю взлетно-посадочной полосы, полные волнения от своих переживаний. Опасения и нервозность смешивались с грубым, громоподобным волнением Шона по мере того, как разворачивались истории.

Шон поднялся со вторым грузом. Он был первым на борту, что означало, что он оказался в самом конце самолета. Четверо других, плюс инструктор по прыжкам, плотно забились в заднюю часть маленького самолета и прижались друг к другу, положив подбородки на колени. Затем самолет вырулил к концу взлетно-посадочной полосы, развернулся, остановился, рванул вперед и взмыл ввысь.

Маленький самолет, казалось, покачивался, как мотылек в аэродинамической трубе, по мере того как они набирали высоту.

Шум двигателя был громким. Каждая частичка турбулентности заставляла нервы и желудок Шона подпрыгивать. И каждый раз, когда самолет накренился, пассажиры были раздавлены вместе. Поскольку Шон был втиснут в самый конец, это было вдвойне тревожно для него, потому что он не мог смотреть наружу самолета, чтобы сориентироваться.

Но наконец самолет выровнялся, развернулся и приблизился к полю. Когда он оказался прямо над трейлером, инструктор по прыжкам выбросил небольшой манекен, который имел форму человека под парашютом и имел те же характеристики дрейфа, что и настоящий человек под парашютом. Инструктор наблюдал, как далеко он дрейфовал при текущих ветровых условиях, чтобы он мог судить, где всем следует прыгать, чтобы они приземлились около трейлера.

Через несколько миль самолет снова приблизился к полю, и пришло время прыгать. Шум ветра был таким громким, что Шон мог только наблюдать, как первые четыре человека, по одному, вылезли из самолета, держась за стойку крыла, чтобы встать на шток колеса, затем остановились. В один момент они были там, в дверном проеме. Инструктор, стоявший на коленях у открытой двери, что-то крикнул, в следующий момент парашютист исчез.

Это происходило снова и снова.

Затем настала очередь Шона. Он медленно пополз вперед, как краб брюхом вверх под тяжестью своего громоздкого оборудования, пока не сел на край открытой двери, свесив ноги из самолета. Он потянулся, схватился за стойку крыла обеими руками, осторожно поставил ноги на шток колеса и

встал, пока не оказался снаружи самолета, а ветер со скоростью шестьдесят миль в час бил ему в лицо, делая его положение в лучшем случае ненадежным. Двигатель, примерно в четырех футах перед ним и немного левее, был очень громким. Ревел прямо в его ушах.

Он внезапно понял, что после всей подготовки и ожидания он понятия не имел, чего ожидать. Неужели он действительно собирался добровольно покинуть совершенно исправный самолет? Зачем кому-то делать такую глупость? Все, что он знал наверняка, это то, что когда он начнет свободное падение, он должен будет сосчитать до пяти. Если его основной парашют к тому времени не раскроется, он должен будет потянуть за ручку запасного парашюта.

Когда он оказался в правильном положении, инструктор крикнул: «ПРЫГНИ!»

Шон не двинулся с места сразу. Он сказал себе: «Ну, я заплатил тридцать пять долларов, чтобы сделать это, и есть вероятность, что я не умру». Он сглотнул, оттолкнулся ногами, все еще держась за стойку самолета, чтобы занять горизонтальное положение относительно земли спиной вверх, уверенный, что статическая линия, соединяющая его вытяжной трос с самолетом, раскроет его основной парашют. Затем он оттолкнулся от стойки руками и пошел...

... в другое измерение.

Всю свою жизнь Шон был окружен физическими ориентирами: городами, деревьями, горами, дорогами. Он всегда знал, где он находится в мире, и всегда мог найти дорогу домой, в дом своего друга, в Хелену, Монтана, или Пекин, Китай, если на то пошло. С помощью карты он мог отправиться в любую точку планеты.

Теперь, в мгновение ока, все ориентиры, которые он когда-либо использовал, на которые рассчитывал и которые принимал как должное для ориентации в физическом плане всю свою жизнь, исчезли. Его мозг заблокировался и отказался функционировать. Не было никакой возможности, чтобы он мог досчитать до чего-либо, не говоря уже о том, чтобы потянуть ручку своего запасного парашюта. Все стало белым. Он понятия не имел, кто он, где он, где верх, где низ, что он должен делать или почему он никуда не идет. Ничего не существовало. Даже он сам. Время

остановилось. Все чувство движения прекратилось. Весь шум прекратился. Никакого ветра. Синапсы прекратили работу. Все стало несуществующим.

И он не мог даже подумать о том, в каком он состоянии, не говоря уже о том, чтобы заботиться об этом.

Он не существовал в белом, кружащемся космосе.

Несколько секунд или несколько жизней спустя, трудно сказать, что именно, толчок вернул его в чувство, и знакомая ему вселенная мгновенно возникла из небытия. Небо отделилось от земли. Верх отделился от низа.

Он посмотрел вверх. Над ним был большой, красивый оранжево-белый купол. Он закричал от радости, когда поплыл обратно к земле, управляя рычагами управления над плечами. Он развернул купол, пока весь его импульс движения вперед не был направлен против ветра, чтобы оставаться в воздухе как можно дольше. Сверху все выглядит по-другому. Совершенно новая перспектива. Совершенно круто.

Три тысячи футов кажутся высокими только сверху, понял он. Он наблюдал, как земля быстро приближается к нему. Его ноги приняли на себя большую часть удара. Его колени подогнулись, и он красиво перекатился. Он поднялся, взял парашют в руки и прошел двести футов до трейлера. Он поделился своим опытом с людьми из своего класса с тем же энтузиазмом и благоговением, которые он видел у прыгунов с первого полета.

Какой замечательный и невероятный кайф! Он был зацеплен. Он знал, что продолжит заниматься этим видом спорта, пока не станет старым профессионалом.

Шон потусовался и посмотрел, как прыгают остальные ученики его класса, а затем они все вместе отправились обратно в город.

Позже в тот же день он понял, что его опыт прыжков с парашютом вызвал глубокое духовное пробуждение; что его взгляды на Бога, жизнь и смерть изменились навсегда. Он стал более мирским, терпимым, организованным, уверенным в себе. Его способность определять и решать потенциальные проблемы до того, как они станут реальными трудностями, обострилась. С годами, с практикой, он преуспел в этом. Проблемы были заботами других ребят.

Тогда он еще не знал, что его взгляды изменятся еще больше.

В тысячу раз больше.

В следующую субботу был прыжок номер два. Он был очень похож на первый прыжок, за исключением того, что было намного ветреннее, и он приземлился на кукурузном поле примерно в миле от взлетно-посадочной полосы. Ему повезло, что он не пострадал. Кукурузные стебли были срезаны под углом примерно в восьми дюймах от земли несколько недель назад, и высохли в твердые острые шипы. Если бы он приземлился на один из них всем своим весом на мягкое место, он мог бы получить травму. Но удача была с ним, на этот раз.

Чтобы избавить его от долгой дороги обратно к трейлеру, за ним прислали машину.

Через неделю пришло время третьего прыжка.

Пока они облачались, Шон заметил, что его запасной парашют устарел на пару недель. Он знал, что по закону запасной парашют должен время от времени переукладываться лицензированным инструктором, чтобы свести к минимуму вероятность неисправности.

Он указал инструктору на парашют. Они оба согласились, что на этот раз это не имеет значения. Ничего особенного. Инструктор позаботится об этом позже. Шон даже попросил друга упаковать его основной парашют, потому что он был новичком в этом виде спорта. Она нисколько не возражала.

Шон первым поднялся на борт самолета в первый рейс в тот день. Он заполз в заднее сиденье, пока остальные набивались. Самолет взлетел, и желудок Шона, как обычно, нервно сжался при подъеме на три тысячи футов. После того, как они облетели поле и заняли правильное положение на втором заходе, первый парашютист вылез на шток колеса, и инструктор крикнул: «ПРЫГНИ».

Прыгун не двинулся с места.

Инструктор несколько раз подряд крикнул «ПРЫГНИ!», но прыгун так и не двинулся с места.

Затем парашютист медленно забрался обратно в самолет. Он и инструктор разговаривали минуту. Шон не мог слышать, что говорилось из-за всего этого шума ветра и мотора. Затем они продолжили снижаться с

полным самолетом. Маленький самолетик покачивался, как пробка в водовороте, когда они теряли высоту, заставляя желудок Шона сжаться от чего-то жестокого. Спускаться было даже хуже, чем подниматься по какой-то причине. Может быть, пилот пытался побыстрее приземлиться.

После того, как они приземлились и все выбрались наружу, инструктор подошел к Шону и сказал: «Я хочу, чтобы на этот раз ты пошел первым».

Шон спросил его: «Почему? Что случилось?»

Инструктор сказал: «У Тома возникло плохое предчувствие, и он отказался прыгать».

«Какое плохое предзнаменование», — сказал себе Шон, готовясь к посадке на следующий рейс.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ «Двойная неисправность»

Самолет был готов, его двигатель ревел. На этот раз Шон был последним, кто поднялся на борт, и сидел у открытой двери, пока маленький самолет мчался по взлетно-посадочной полосе и поднимался. Когда он достиг трех тысяч футов, он повернул обратно к аэродрому. В нужное время Шон держался за стойку и вылез на шток колеса, ветер завывал вокруг него, шум двигателя ревел в ушах. Он чувствовал себя старым профессионалом, пока ждал. Он видел аэродром и крошечный трейлер, медленно приближающиеся далеко внизу. Коровы были коричневыми точками.

По команде прыжка он отпустил и упал от самолета правильно, животом вниз, параллельно земле, и вселенная растворилась в небытии, как обычно. Затем, спустя неопределенное количество времени, Шон почувствовал этот чудесный толчок, когда основной парашют раскрылся и замедлил его падение. Он потянулся, чтобы схватить клеванты управления, и у него перехватило дыхание, и он отказался двигаться, когда заметил купол. Каким-то образом его парашют сильно запутался в собственных стропах и болтался, как спущенный воздушный шар! Он знал, что это состояние называется Мэй Уэст, в честь актрисы, потому что парашют в этих условиях может выглядеть как огромный бюстгальтер.

Он ошеломленно смотрел в течение многих долгих секунд. Он никогда не думал, что это может случиться с ним, когда-либо, но серьезная неисправность во время его третьего прыжка...

. . . невероятный.

Хотя казалось, что он летел достаточно медленно для мягкой посадки, Шон знал, что он не должен лететь на этом парашюте к земле по двум причинам. На самом деле он летел гораздо быстрее, чем казалось, и он врежется в землю с ломающей кости скоростью. А трение между нейлоновыми стропами и нейлоновым куполом может распилить купол пополам, и тогда он снова окажется в свободном падении. Кроме того, если бы он раскрыл запасной парашют, все еще двигаясь на основном парашюте, запасной парашют мог бы запутаться в основном, и тогда не осталось бы ничего, что могло бы его спасти.

Он вспомнил свою теоретическую подготовку и знал, что ему нужно делать.

Он глубоко вздохнул, сглотнул и, словно делал это уже сотню раз, потянулся, откинул крышки плащ-палатки, по одной над каждым плечом, где все стропы парашюта крепились к его обвязке в двух местах, просунул большие пальцы в маленькие кольца, которые выскочили, свел ноги вместе, слегка согнулся в талии, стиснул зубы и... потянул.

Он сорвался с основного парашюта и начал свободное падение.

Шон знал все о чем-то под названием «Система Стивена». «Система Стивена» представляла собой шнур, прикрепленный к основному парашюту, который пропускается через комбинезон и крепится к ручке запасного парашюта. Торможение от основного парашюта предназначено для того, чтобы тянуть ручку запасного парашюта в случае, если парашютист этого не сделает. Это была, как предполагалось, надежная система, но Шон не собирался рисковать. Его рука обогнала «Систему Стивена» и ручку запасного парашюта, он потянул так сильно, как только мог, освободил ручку и...

... ничего не произошло.

Ничего, вообще ничего.

Красный спазм предельного ужаса пронесся сквозь него в одно ужасное мгновение. Всепоглощающее ощущение того, что он умрет ужасной

смертью в считанные секунды, и он ничего не может с этим поделать, заполнило каждую молекулу его существа.

Его разум помутился. Он падал, как мертвый голубь, и единственное, что могло его спасти, было в маленьком мешочке на животе. Если он собирался когда-нибудь увидеть еще один закат, ему лучше что-то сделать.

Он вцепился в свой запасной парашют обеими руками и был почти немедленно вознагражден белым нейлоновым облаком, вздымающимся перед его лицом. Но он упал так низко, держа ноги вместе и согнувшись в талии, что когда запасной парашют раскрылся, обе его ноги были над головой, а запасной купол обернулся вокруг его правой лодыжки, пока только его часть не развевалась на ветру, нисколько не замедляя его падение. Он падал головой вперед, быстро, и через несколько мгновений умрет.

Он изо всех сил пытался дотянуться до своей ноги. Никак. Он узнал на собственном горьком опыте, что когда кто-то, независимо от того, насколько он молод, ловок и силен, удерживается над землей за одну лодыжку, он не может дотянуться до этой ноги. Поэтому, не теряя ни секунды, Шон полез по стропам, идущим от его живота, и начал изо всех сил тянуть запасной парашют, пытаясь освободить застрявшую ногу. Но напряжение, создаваемое сопротивлением парашюта ветру, туго обтянуло стропы вокруг ботинка.

Используя остатки сил, Шон вырвал ногу и перевернулся, пока его ноги снова не оказались под ним. Он взглянул вверх и увидел, что его запасной парашют сильно запутался, этот даже намного хуже, чем первый. В его голове промелькнула мысль, что он может и не умереть, но, вероятно, переломает все кости в своем теле. Он начал смотреть вниз, чтобы увидеть, где находится земля, и почувствовал еще один толчок. Он посмотрел вверх и увидел над собой большой, красивый, полностью раскрытый белый парашют. Он огляделся и заметил, что находится ниже верхушек соседних сосен. Он посмотрел вниз как раз вовремя, чтобы увидеть этот невероятно маленький треугольник травы, один из трех или четырех на восьмьдесят-девять акров ничего, кроме бетона, который очень быстро приближался к нему. Затем бац, он ударился о землю. Его ноги тут же подогнулись, поэтому он очень сильно ударился о задницу.

Он сел и, к своему удивлению, не сломал ни одной кости. Прямо перед собой, примерно в двадцати футах, он увидел двух девушек, стоящих рядом друг с другом; обе плакали, их руки тряслись.

«А... ар ... с тобой все в порядке?» — пробормотал один из них сквозь рыдания.

Шон огляделся, встал, ощупал себя и с широкой улыбкой сказал: «Да, хотите верьте, хотите нет, но это так».

Он взял свой парашют в руки и подошел к небольшой толпе, которая наблюдала, как он падает на Землю. Он спустился прямо вниз и приземлился всего в пятидесяти сотнях футов от трейлера, так что у всех был прекрасный вид на то, что произошло, и все они смотрели на него в ужасе и в ошеломленном молчании, как будто увидели привидение.

Шон заметил молодую женщину, которая упаковала его основной парашют, свернувшись калачиком у бетонных ступенек, ведущих в трейлер, и плакала так сильно, что не могла остановиться. Шон подошел, обнял ее и попытался утешить, но она не слушала. Он даже встал и немного потанцевал, чтобы показать ей, что с ним все в порядке, но ее плач не утихал.

Примерно в это время инструктор, который прыгнул сразу после Шона и приземлился без проблем, подошел к трейлеру и подошел к Шону. Он оглядел Шона с ног до головы с недоуменным выражением лица, затем спросил: «Чувак, о чем ты думал, когда так падал?»

Шон на мгновение замер, размышляя, затем попытался выразить словами, каково это — знать, без сомнения, что он умрет через несколько секунд. Он попытался представить себе беспомощность, совершенный ужас, но больше всего — абсолютную уверенность в смерти, которая была окутана этим ужасным моментом. Он сказал единственное, что пришло ему в голову. «Было такое чувство, будто дьявол кусает меня за задницу».

Инструктор несколько секунд переваривал ответ Шона, снова пристально посмотрел на него и сказал: «Мужик, я думал, ты точно умер».

Шон не сказал то, что думал: чувак, я тоже так думал.

Примерно через две недели Шон столкнулся со своим инструктором по прыжкам в маленьком баре. Он похвалил изобретательность Шона, его способность сохранять голову в самых экстремальных обстоятельствах и

изо всех сил старался убедить Шона выйти и прыгнуть снова. Он был очень дружелюбен. Слишком дружелюбен. Шон задавался вопросом, почему.

Шон сказал, что подумает об этом — просто чтобы успокоить его, зная, что он больше никогда не прыгнет. Через несколько дней Шон понял, почему его инструктор по прыжкам был таким милым. Он, вероятно, потерял много клиентов из-за того, что едва не случилось с Шоном. Почти тридцать человек увидели воочию, насколько опасным может быть прыжки с парашютом. А через несколько дней Шону пришло в голову, что он, вероятно, мог бы подать на этого шутника в суд и отправить его в богадельню за то, что тот отправил его с устаревшим запасным парашютом. Запасным парашютом, за который инструктор нес юридическую ответственность.

Но в тот день в баре инструктор рассказал Шону нечто невероятное.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Чудо»

Инструктор по прыжкам упомянул, что кто-то сфотографировал Шона на разных стадиях спуска, который, вероятно, должен был стать обычным прыжком, не зная, что произойдет. Он дал Шону имя парня и номер телефона. Шон нашел его, получил негативы, сделал все шесть фотографий, включая увеличенные изображения действительно хороших частей.

На первой фотографии все, что вы могли видеть, были крошечные красные и белые пятна прямо рядом друг с другом с черным пятнышком, прикрепленным прямо под ним в море синего. Второй снимок выглядел как маленькая, продолговатая красная и белая капля с немного большим пятнышком, прикрепленным к ее нижней части. На третьей фотографии вы можете ясно видеть второй парашют, безвольно волочащийся от ноги. На четвертой фотографии, ясно как божий день, он освободил свою ногу, он стоит прямо, с ногами под собой, глядя вверх на свой ужасно испорченный запасной парашют. На пятой фотографии Шон прямо над землей, его парашют все еще выглядит плохо, но очищается. А на шестой и последней фотографии показано полностью обмякшее тело всего в нескольких футах

от земли под полностью раскрытым парашютом, выглядящее достаточно близко, чтобы вы могли протянуть руку и коснуться его.

На шестой фотографии показано еще кое-что.

Запасные парашюты имеют предварительный парашют диаметром около двух футов с жесткой пружиной внутри. Это последнее, что вы упаковываете, так что когда запасной парашют раскрывается, пружина распрямляется, предварительный парашют выскакивает, захватывая воздух, вытаскивая запасной парашют. Это работает как заклинание каждый раз.

Вместо того, чтобы лежать наверху запасного парашюта, как это должно быть при нормальных обстоятельствах, предварительный парашют — иногда называемый вытяжным парашютом — свисал вниз из его середины, изнутри! Это означало, что запасной парашют был полностью вывернут наизнанку, когда он раскрылся.

За прошедшие месяцы Шон десятки раз рассказывал историю своей двойной поломки. Когда опытные парашютисты слышали, что произошло, многие не поверили бы без фотографий. Но все они согласились, что произошедшее невозможно. Перевернутый запасной парашют ни за что не раскроется на уровне сосен над землей при прыжке с высоты в три тысячи футов.

Ноль шансов из миллиона.

Всем было ясно, что только чудо спасло его жизнь.

Все это пронеслось в голове Шона, пока они выруливали на стартовую позицию на первом этапе его поездки в Австралию. Это был первый раз, когда он летел на самолете с того рокового дня двойной неисправности. Он, конечно, никогда не сядет в самолет сегодня, если бы не мог доехать до Австралии на машине, и у него не было времени провести восемь месяцев за рулем, чтобы добраться туда, если бы он мог. Поэтому на этот раз ему пришлось лететь, и только ад или приливная вода помешали бы ему увидеть Дэнни у алтаря.

Конечно, всякий раз, когда он говорил о своем страхе летать, кто-то всегда приводил статистику: «Летать безопаснее, чем водить машину», — снисходительным тоном, принятым у самодовольных людей.

Шон всегда отвечал: «О, да, когда в последний раз автомобиль падал с высоты тридцати одной тысячи футов, убивая всех двухсот сорока пяти человек на борту?» Обычно это довольно быстро затыкало их рты.

Когда самолет мчался по взлетно-посадочной полосе, Шон схватился за оба подлокотника, пока его костяшки пальцев не побелели. Оба ребенка прижались лицами к окну и выразили друг другу свое неослабевающее удивление, когда самолет оторвался от земли и начал подъем.

Шон был рад, что они сидели в хвосте самолета. Кто-нибудь слышал, чтобы самолет врезался в гору?

Через несколько минут Линда посмотрела на Шона и сказала: «Не волнуйся, дядя Шон. Летать безопаснее, чем водить машину».

Шон громко рассмеялся, снимая напряжение.

Вскоре большой самолет достиг своей крейсерской высоты, и табло ремня безопасности погасло. Шон отстегнулся, рухнул на сиденье и вздохнул. Еще один взлет и еще две посадки до Австралии.

Однако Линда и Тимми, похоже, были взволнованы.

«Почему вы двое так счастливы?» — спросил их Шон. Последнее беспокойство наконец-то ускользнуло от него.

Тимми сказал: «Мы впервые летим на самолете, дядя Шон».

«Впервые в жизни?» — спросил Шон, слегка удивлённый.

«Да. Как весело». Линда вскинула руки над головой в восторженном жесте. «Ты видела, как земля стала маленькой?» — спросила она, широко раскрыв глаза.

«Довольно удивительно, да?» — сказал Шон. «Просто как по волшебству».

В какой-то момент Тимми пробормотал: «Дядя Шон?».

"Да."

Тимми посмотрел на него и спросил: «Где ты был так долго?» угрюмым голосом. «Мы видели тебя почти каждый день. Потом ты исчез, и мы не видели тебя почти вечность».

«Да, дядя Шон», — сказала Линда. «Мы спрашивали маму и папу о тебе, но они не знали, где ты. Мы спрашивали Мими и дедушку, где ты. Они тоже не знали. Почему ты уехал?»

Вопросы леденили кровь Шона. Что он должен был сказать этим детям, что-то, что они могли бы понять? Поскольку они никогда не могли постичь

всю правду, он решил попробовать частичную правду. «Я заблудился», — сказал он, затем замолчал. «Какие-то очень плохие люди пытались сделать так, чтобы я никогда не вернулся домой».

«Почему?» — спросила Линда.

Шон откинулся на спинку сиденья. «Я не знаю, Линда. Я правда не знаю».

«Какие-то плохие люди приставали к тебе?» — спросил Тимми.

Шон кивнул. «Да, верно». Вот это парень мог понять, когда его дразнили.

«Ну, когда я вырасту», — сказал Тимми, — «я буду настолько богат, что никто больше никогда не будет ни к кому приставать. Я позабочусь о том, чтобы все задиры получили по заслугам». Он ударил кулаком по открытой ладони.

«Тебя в школе дразнят?» — спросил его Шон, радуясь, что тема сменилась.

Тимми медленно кивнул головой.

«Как бы вы хотели научиться защищать себя?»

Тимми поднял глаза. «Конечно».

Шон решил показать ему, как боксировать и драться на улице, это две совершенно разные вещи, когда они придут домой. «Я научу тебя».

"Большой."

«Ну, когда я вырасту, я стану врачом», — с явной гордостью сказала Линда. «Лучшим врачом во всем мире».

«Почему врач?» — спросил Шон.

«Я вылечу все болезни. Все до единой», — она поджала губы и кивнула.

«Все?» — спросил Шон с улыбкой.

На ее лице появилось решительное выражение. «Да. Я думаю, что все люди должны чувствовать себя хорошо все время. Особенно дети не должны болеть. Они должны быть счастливы и все время играть».

«Надеюсь, ты это сделаешь», — сказал Шон.

«О, я сделаю это!»

«Какая удача», — подумал Шон, радуясь, что им троим предстоит путешествовать вместе и разделить предстоящие бесконечные часы скуки.

Затем, во время долгого, утомительного перелета на западное побережье, Шон смог наверстать все подробности школьного обучения детей и их друзей, баскетбольной лиги Тимми, плавания Линды. Они играли в «Connect The Dots» на листе миллиметровой бумаги, который им предоставила одна из стюардесс. Линда неоднократно и ловко обыгрывала обоих мальчиков.

Чтобы попытаться найти то, в чем Тим мог бы преуспеть, Шон научил их играть в «Морской бой», игру, в которой нужно топить спрятанные вражеские корабли с помощью миллиметровки. Линда победила их обоих и в этом.

Они отказались от фильма, потому что дети не могли видеть этот маленький экран за спинками сидений. Всем троим даже удалось немного вздремнуть перед посадкой в Лос-Анджелесе. Это был приятный, гладкий, беспрецедентный полет.

Все трое высадились в Сан-Франциско и быстро перекусили в одной из закусочных в аэропорту.

Они сели на два длинных трамвая, чтобы добраться до зала ожидания, откуда вылетели Qantas , но нашли выход на посадку достаточно быстро и провели последние несколько минут перед посадкой, наблюдая за людьми. Вскоре громкоговоритель объявил, что пора садиться на самолет до Австралии.

Они были в числе последних, кто поднялся на борт и пробирался сквозь многочисленные кучки людей к самому последнему ряду в эконо-секции, где было три места, и устроились поудобнее. Шон летал несколько раз, но никогда на 747. Он был огромным. Как будто зашел в роскошный отель. С множеством сидений, рядами, все обращены в одну сторону.

Пока они ждали взлета, Шон заметил стюардессу, которая шла по проходу к задней части самолета, неся его посылку с мечом внутри. Он улыбнулся ему, когда она приблизилась, затем остановился, наклонился к нему и сказал: «Капитанский шкафчик наверху полон. Он попросил нас оставить это здесь, в шкафчике стюардессы», с самым красивым, ритмичным австралийским акцентом, который он когда-либо слышал.

«Могу ли я посмотреть?» — спросил ее Шон.

"Конечно."

Шон отстегнул ремень и последовал за ней через дверь прямо за их сиденьями в нечто вроде просторного кладового шкафа. Она отперла шкафчик от пола до потолка и положила в него пакет, затем закрыла дверь со щелчком.

Она улыбнулась Шону, он улыбнулся в ответ и сел на свое место.

Рейс в Сан-Франциско был ничем. Сравнительно. Этот рейс был красным глазом, вылет из Сан-Франциско в полночь, прибытие в Сидней в десять вечера по местному времени. Если он правильно рассчитал время.

И теперь у него было более пятнадцати часов, без остановок, в самолете, в довольно неудобном кресле, глядя прямо перед собой, не в состоянии заснуть, проводя каждую минуту в полном сознании, концентрируясь на том, как мы несчастны, гадая, сколько еще минут ему осталось сидеть здесь, прежде чем они приземлятся, съедая еду из самолета, он заказал вегетарианскую тарелку, ему пришлось пойти в туалет в самолете, он никогда раньше этого не делал, просыпаясь от холода, если ему удавалось задремать, пытаясь посмотреть плохой фильм, но лучшее, что они могли предложить, пока он не мог больше это выносить, играя в какие-то игры с детьми, пока его зрение не затуманилось, гадая, сколько минут он уже сгорел, прежде чем снова попытаться заснуть, и снова глядя прямо перед собой. Повторять до бесконечности.

Шон оглянулся. Дети уже спали. Везучие негодяи.

Шон надел наушники и выбрал канал Rock & Roll, но для него это был очень долгий день путешествия. Вскоре он уснул и ему приснилось, что он падает. Бесконечно падает сквозь пустоту небытия навсегда.

Он проснулся от толчка и взглянул на часы, надеясь, что полет почти закончился. Нет. Далеко не так. Они пролетели всего лишь чуть больше половины пути. Если бы он мог поспать еще семь часов, он бы проснулся в Австралии, и все было бы в порядке с миром, по крайней мере, пока не пришло бы время возвращаться домой. Эти приятные мысли были с ним, когда он снова задремал.

Он не мог знать, что они не продержатся долго.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Стонущий металл»

Некоторое время спустя Шон проснулся. Он не знал, который час, и как долго он спал. В самолете было тихо, если не считать кондиционеров и двигателей. Разговоров не было.

Самолет попал в зону турбулентности, затем в другую.

Нет проблем. Такое случается.

Шон устроился, но не смог снова заснуть, потому что почувствовал, что что-то не так. Он открыл глаза, сел и осмотрелся, затем выглянул в ближайшее окно. Он едва мог видеть заднюю кромку правого крыла и самый дальний двигатель под ним. Все выглядело нормально.

Потом он понял, что его беспокоило. Звуки двигателей были неправильными. За время полета он привык к глубокому гудящему гулу двигателей, но теперь они были слишком тихими, а частота тона была слишком высокой.

В этот момент нос самолета опустился на двадцать градусов. Шон услышал звук бонг и поднял глаза. Загорелся индикатор ремня безопасности. Люди вокруг него начали шевелиться, и послышался ропот активности. Шон заметил, что дети все еще спят, не подозревая, что происходит что-то странное.

Не может быть, чтобы уже пора было приземляться, не так ли? — спросил он себя, пристегивая ремень безопасности и затягивая его. Он посмотрел на часы. Нет. Они были далеко не около Австралии. Но наклон самолета подсказал ему, что они быстро снижаются, и он задался вопросом, почему.

Тут же раздался тревожный крик от кого-то в передней части купе. Шон не мог понять, кто это был и что заставило ее так ахнуть. Линда и Тимми проснулись, сели и потерли ладонями глаза от сна.

«Что происходит?» — спросил Тимми.

«Что-то не так?» — спросила Линда.

«Не знаю», — сказал Шон. «Пристегнитесь».

Они смущенно переглянулись и сделали то, что им сказали.

Шон оттолкнулся от подлокотников, чтобы поднять глаза на сиденье перед собой, пока ремень безопасности не врезался в его бедра. Он увидел множество голов,двигающихся взад и вперед, затем услышал, как мужчина

что-то воскликнул себе под нос. Шон не мог понять, что было сказано. Волна возбужденных разговоров вернулась к нему.

Что-то определенно было не так. Шон это чувствовал.

Он увидел тусклый свет в окне. Он наклонился над детьми и увидел небольшой язычок пламени, тянущийся от самого дальнего двигателя по правому борту. Он знал, что его там быть не должно.

А затем, несколько секунд спустя, когда он смотрел в окно, огромное, сорокафутовое пламя вырвалось из задней части двигателя, освещая небо. Шон от неожиданности отшатнулся. Нос самолета опустился еще на десять градусов. Правое крыло опустилось, пока самолет не накренился на тридцать градусов на правый борт. Двигатели протестующе завизжали. Ветер завыл. Пламя внезапно погасло.

Самолет сильно трясло. Крылья хлопали, как у птицы в штормовую погоду. Под правым крылом самый дальний двигатель так сильно качался, что Шону показалось, что он вот-вот отвалится.

Желудок Шона застрял в горле и раздулся до размеров баскетбольного мяча. Точно такое же ощущение, только не такое сильное, охватило его тогда, как когда он вытащил запасной парашют, и ничего не произошло. Только теперь все, что он мог сделать, это переждать и надеяться.

В проходах начался ад. Крики, вопли и стоны соревновались с двигателями и ветром за звание самых громких. Шон тоже стонал, потому что его барабанные перепонки, казалось, лопались, когда самолет стремительно терял высоту. Он открыл рот полностью и помассировал челюсти и виски, чтобы облегчить давление. Это немного помогло, но не сильно.

Дети заткнули уши пальцами, на лицах у них застыли испуганные гримасы.

Сквозь шум Шон слышал что-то, что могло быть попыткой стюардессы донести свою мысль через громкоговоритель. Забудьте об этом.

Женщина через проход начала кричать, и Шон проследил за ее указующим пальцем и увидел, как самый дальний двигатель под левым крылом тоже выстреливает огромным пламенем. Он покачал головой и схватился за подлокотники. Мы уже это сделали, угрюмо подумал он. После двойной неисправности и всего, что он пережил за последний год, умереть

вот так. Невероятно. Ему было жаль детей — умерших, не дав им возможности пожить.

Через несколько секунд второе пламя также погасло.

Бесконечные секунды самолет падал. Каждая секунда была вечностью. Ветер и пассажиры кричали. Шон думал, что его барабанные перепонки вот-вот лопнут. Он схватился за подлокотники и зевнул, чтобы смягчить нарастающее давление, и задался вопросом, как он умрет.

Убьет ли его только удар?

Выживет ли он в аварии, но получит серьезные травмы и утонет?

Развалится ли самолет еще до того, как упадет на воду?

Напряжение становилось невыносимым, когда произошло нечто невероятное. Нос самолета начал подниматься, давая ему повод для надежды.

Самолет тряхнуло, он как будто на что-то налетел. Может, на воду? Что бы ни случилось, самолет теперь летел ровно.

По интеркому раздался голос. Почти все затихли, чтобы услышать, что было сказано. «Дамы и господа». Это был мужской голос. «Мне жаль, что полет был таким тряским, но ничего не поделаешь. В настоящее время мы летим на высоте тысячи футов без всякой надежды на то, чтобы набрать хоть какую-то значительную высоту. У нас есть только частичный контроль над двумя двигателями, и у нас нет выбора. Мы твердо убеждены, что наилучшим вариантом будет посадить самолет на воду и высажить всех...»

Шон больше не слышал ни слова. Как только все узнали, что самолет собирается приземлиться, они запаниковали. Как один, они неудержимо закричали, как будто это было худшее, что могло случиться.

Лично Шон был рад. Минуту назад он надеялся на быструю смерть, теперь же у них хотя бы появился шанс выжить.

Столпотворение немного утихло, так что он едва мог слышать, как бортпроводник по внутренней связи давал аварийные инструкции. Шон уделил этому особое внимание. Он хотел убедиться, что дети благополучно добрались до плота. Он услышал что-то о выдвижных парашютах и спасательных плотках, о том, как снимать обувь, и что-то о ручной клади, но больше ничего.

Капитан вернулся. Шум стих достаточно, чтобы Шон услышал: «Радар показывает сушу по правому борту... выстройтесь в строй... немедленно

отойдите... остальные следуют за вами. Не... не тоните. Спасательных плотов достаточно для... наклонитесь и просуньте голову между... хорошо... Вот мы...»

Шон быстро проверил детские ремни безопасности. Они были пристегнуты и туго затянуты. Все трое наклонились вперед, насколько могли, и обхватили колени руками. Левая щека Шона упиралась в спинку сиденья перед ним. Он надеялся, что удар не сломает ему шею.

Через несколько секунд самолет отскочил от воды с ужасным толчком, громким хлопком и жалким, оглушительным визгом стонущего, скручивающегося металла. Шон подумал, что ремень безопасности мог разорвать его пополам. Макушка его головы ударилась о сиденье перед ним, подняв большой рубец на его скальпе.

Нос самолета поднялся и накренился вправо. Задняя часть реактивного самолета тащилась по воде, пока корпус самолета снова не врезался в катящиеся моря. Нос прорвался сквозь волну и погрузился, прежде чем снова всплыть на поверхность. Сплошная стена воды омыла стороны большого реактивного самолета, закрывающего окна. Самолет, наконец, заскользил до остановки, затем покатился вместе с тяжелыми волнами. Волны многократно плескались по всей длине корпуса самолета с жутким грохотом.

Люди выскочили со своих мест и заполнили проходы, толкаясь, пихаясь и крича, пытаясь оказаться первыми в очереди у одной из дверей. Одна стюардесса попыталась, но безуспешно, протиснуться сквозь людскую пробку. Несколько раз волна наклоняла самолет так, что люди падали друг на друга, создавая кучи извивающихся тел. Те, кто был внизу, визжали от боли. Все вскакивали на ноги, чтобы сделать все это снова, когда следующая волна ударила в самолет.

Шон расстегнул ремень, но остался сидеть. Он не собирался позволить этим идиотам растоптать детей. Они подождут, пока, по крайней мере, пока вода не начнет подниматься.

Сквозь шум Шон услышал злобное: «Эй, там! Отойдите в сторону! Берегитесь! Уйдите с дороги!»

Человеческое море расступилось, когда крошечная стюардесса повела своих коллег по проходу. Каждая женщина направилась к выходу и ловким

движением открыла дверь. Морская вода немедленно хлынула внутрь. Запах горячего, соленого воздуха пропитал салон. Стоявшие у ближайшего к Шону выхода наклонились к отверстию, вытягивали шеи, чтобы выглянуть, и ждали.

Чего они ждут? — спросил себя Шон. — Давайте выбираться отсюда.

Ах да. Плоты, должно быть, надуваются.

Через несколько минут около дюжины человек бросились вперед и выпрыгнули через ближайший выход к Шону и детям, а затем в спасательный плот.

«Нет», — закричала стюардесса, когда пассажиры проносились мимо нее. «Снимите обувь. Вы можете проколоть плот. Никаких пакетов, мэ. Перестаньте толкаться. Идите. Не бегите. Места достаточно. Там три плота». Затем она закричала: «Послушайте меня. Я могу спасти ваши жизни!»

Все проигнорировали ее, проносясь мимо. Никто не снял обувь. Многие сжимали в руках часть, если не всю, ручной клади.

«Достаточно. Вы перегрузите этот плот!» — закричала стюардесса. Еще двое молодых людей выскочили в дверь и скрылись в ночи. «Остальные, снимите обувь!»

Люди выходили из всех дверей непрерывным потоком, пока проход не стал относительно свободным, и только небольшая группа людей толпилась у каждого выхода. Те, кто оставался, терпеливо ждали своей очереди.

Шон встал. «Не двигайся. Я сейчас вернусь». Шон рванул через дверь в складское помещение дежурного и забрал свой пакет. Он помчался обратно к детям. По пути он заметил небольшую кучку людей у ближайшего выхода.

«Вверх, ребята, пошли», — сказал Шон, используя оба больших пальца. Они встали.

В этот момент нос самолета нырнул, отбросив Шона и детей на спинки сидений перед ними. Морская вода хлынула во все двери, заполнив самолет по щиколотку. По углу самолета Шон догадался, что кабина уже должна быть под водой и что этот самолет быстро тонет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Высадка»

Они втроем подошли к небольшой группе людей, столпившихся у ближайшего выхода. Вода свободно хлестала в открытую дверь и теперь была по колена. Шону не терпелось уйти, но кто-то загородил проход, и она не двигалась.

«Уходите!» — крикнула стюардесса, но женщина не двинулась с места.

Шон заметил толстую женщину, заполнившую открытый дверной проем, держась за обе стороны. Она была такой большой, что никто не мог пройти. Она кричала: «Я не могу. Я просто не могу».

Некоторые из ожидавших позади нее людей начали кричать, чтобы женщина уходила, но она просто стояла на месте.

Шон мог видеть через дверь. Самолет погрузился так глубоко, что плот был всего в трех футах от него на том же уровне, что и дверь, покачиваясь на диких волнах. Те, кто уже был в нем, пытались подтянуть его к открытой двери, чтобы женщина могла войти, но другая волна снова отталкивала его.

Шон становился все более нетерпеливым и напуганным с каждой минутой. «Снимите обувь, но оставьте ее при себе», — сказал он детям, снимая свою. Вода доходила Линде до пояса и продолжала подниматься.

Шон заметил, что остальная часть эконом-класса пуста. Остался только один плот, и дверь в него была заблокирована толстой женщиной. Самолет снова накренился. Вода поднялась.

Шон услышал встревоженное: «Дядя Шон!»

Он оглянулся. Вода доходила Линде до подмышек. Глаза ее выпячивались от страха. Она едва могла дотронуться пальцами ног до пола. Брат держал ее за руку, чтобы ее не смыло в проходе.

«Идите за мной по пятам», — сказал им Шон. Он остановился, и когда время было подходящим, он рванулся вперед, столкнув женщину через отверстие в плот. Он был намного больше, чем он думал. Он бросил подарок и свою обувь в плот и рухнул на плот позади нее, с детьми прямо за ним. Остальные люди быстро последовали за ним. Плот был примерно двадцать на десять футов и ярко-желтого цвета, рассчитанный максимум на пятьдесят человек. Примерно столько же оборванных людей сгрудились внутри него, выглядя несчастными.

Шон и еще трое мужчин, по двое с каждой из длинных сторон, схватили весла, установили их на место и начали грести. Когда они были примерно в

двадцати футах от самолета, он перевернулся и затонул среди шквала пузырей и глубокого грохота. Откат, вызванный чем-то таким большим, затонул, и плот Шона перекинуло через верх того места, где затонул самолет, но вода не плескалась по бокам плота.

«Это было близко», — пробормотал Тимми.

«Тебе не нужно было тужиться!» — возмутилась толстая дама, глядя на Шона через плот и пытаясь вернуть свои волосы на место негнущимися пальцами.

«Ты не говоришь», — сказал Шон с очень саркастическим тоном. «Если бы мы ждали тебя, мы все были бы сейчас на дне океана, запертые внутри этого самолета».

Она возмущенно фыркнула.

Шон спросил детей: «Вы в порядке?»

Оба кивнули.

Сильный ветер поднял воду в трехфутовую волну, которая хлынула через борт плота, угрожая затопить их.

«Эй, все», — крикнул Шон сквозь шум прибоя. «Вылезайте! Используйте свою обувь, руки, шляпы, все, что у вас есть».

Все сцепились и вытолкнули воду за борт, и продолжали. Но это не помогло. Новая волна хлестала через борт каждые несколько секунд.

Шон перестал грести и огляделся вокруг. Ночь была чернильно-черной. Единственным источником света были несколько звезд, которые светили сквозь тяжелые облака. Было жарко, ужасно жарко. Ветер не делал ничего, чтобы охладить воздух. Влажность была настолько высокой, что было похоже на дыхание под водой.

Он пытался увидеть остров, о котором говорил капитан, каждый раз, когда волна поднимала их наверх на зыби, но не мог увидеть ничего, кроме одного... двух... трех, шести других плотов, которые были поблизости, и ничего, кроме бесконечной воды во всех направлениях, потому что у него было всего несколько секунд, прежде чем волна швырнет их в другую впадину. Этот процесс повторялся беспрестанно. Он был дезориентирован, не был уверен, где находится направление. Маленькую Линду однажды смыло бы за борт, если бы Шон не схватил ее за запястье, когда она проносилась мимо.

После нескольких минут поиска на горизонте Шон наконец увидел остров, или, по крайней мере, его силуэт, поскольку его горы заслонили часть звезд на горизонте. И теперь он едва мог видеть многие из других плотов, покачивающихся в каком-то океане, в котором они находились, в южной части Тихого океана, предположил Шон, становясь все меньше по мере увеличения расстояния между ними.

Двое других мужчин установили весло на место и начали тянуть. Им понадобилось несколько гребков, чтобы синхронизироваться, но вскоре они уже были на пути к земле.

Они плыли хорошо, когда Шону показалось, что он что-то услышал, но он не мог точно разобрать, что именно. Они гребли дальше, и звук становился громче, словно волны разбивались о берег. Но это было невозможно. Они все еще находились в миле или двух от острова и были последней лодкой в длинной, неровной линии, направлявшейся от него в море. Большинство плотов находились намного правее них, но один шел прямо к острову.

Шум прибоя становился все громче и громче.

Что-то попыталось щелкнуть в голове Шона, но ничего не вышло.

Именно тогда, когда их плот подхватило океанское течение, несущее их в направлении того одинокого плота, в голове Шона зазвонили тревожные колокола. Он поднялся на колени, оперся на человека перед собой, чтобы сохранить равновесие, и крикнул лодке, которая была в нескольких сотнях ярдов перед ними. «Повернись, повернись», — закричал он, но ветер разнес его слова.

Товарищи Шона по лодке посмотрели на него, как на сумасшедшего. Он сказал: «Эй, там», — указывая на попутчика, — «нам надо повернуть направо. Грести будем только ты и я, пока эта штука не поплывет в другую сторону».

«Почему, что случилось?» — спросил мужчина.

«Нет времени объяснять. Поверьте мне». Остальные гребцы сделали так, как сказал Шон, и через минуту плот развернулся и направился прочь от острова.

Затем Шон услышал что-то. Это был крик? Похоже на крик, или это был ветер. Он поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как плот перед ними, тот, который он пытался предупредить, поднялся на восемь футов на

волне и снова рухнул. Ветер разнес приглушенный, глухой взрыв. Затем он увидел клубок рук и ног, бьющихся в воде, и услышал многочисленные и жалкие крики о помощи.

«О Боже, что случилось?» — спросила женщина в передней части плота, когда все головы повернулись на звук.

«Мне показалось, что я слышу, как волны бьются о берег», — сказал Шон, налегая на весло. «Я знал, что мы слишком далеко от земли, чтобы это был пляж. Там есть коралловый риф, который вырос почти до поверхности, создавая прибой. Бедные нищие».

«Мы должны попытаться помочь им», — закричал кто-то.

«Не этот плот!» — взревел Шон. «Ты что, не чувствовал течения? Если мы подойдем к этому рифу, то закончим, как они. Нам нужно обойти его в ту сторону. Смотри». Он указал направо.

Все замолчали. Они гребли от рифа минут десять или около того, повернули направо и встали в очередь за остальными плотами, которые были далеко от рифов и направлялись к острову. Еще полтора часа напряженной гребли, и их мягко выбросило на пустынный пляж. Большинство плотов пристали к берегу в двухстах ярдах друг от друга. Люди толпились вокруг, оценивали свое положение и собирали вокруг себя семью и имущество.

Плотная, зловещая стена джунглей возвышалась примерно в двадцати ярдах. Глаза Шона пытались проникнуть сквозь листву, но темнота была полной.

Шон погнал Тимми и Линду на пляж, и с подарком для брата между ног, в мокрой и рваной упаковке, они сели ждать рассвета. Они надели обувь.

Линда услышала, как кто-то говорил о походе в джунгли, чтобы исследовать их. Она спросила: «Почему бы нам не пойти в джунгли и, может быть, найти немного еды? Я голодна».

Шон покачал головой. «Я не пойду туда до рассвета, и ты тоже, маленький пельменный каракуль. Никто не знает, что там может скрываться, будь то дикий зверь или глубокая яма. Мы останемся на этом пляже, пока не станет светло, а это не может быть слишком далеко, ладно?» Он посмотрел на часы. Радиевый циферблат успокаивающе светился. «У нас всего около полутора часов до рассвета. Подождем, ладно?»

Оба ребенка кивнули и присели на песок рядом с Шоном. Он обнял каждого ребенка и крепко прижал их к себе.

Пока они ждали, особо нечего было делать, кроме как смотреть на небольшие волны и слушать, как какие-то шумные мужчины на пляже смеются, кричат и ругаются. Шон ужаснулся перспективе делить остров с кем-то таким громким и грубым.

Казалось, прошла неделя, и рассвет начал наступать, а за ним последовал невероятно красивый восход солнца. Облака наслаивались на восточном небе, которые над их головами загорались в бледно-розовый цвет, затем переходили в ярко-розовый, сливаясь с блестящим оранжевым, который превращался в электрический красный к горизонту. Это было захватывающе.

С восходом солнца температура росла в геометрической прогрессии. Шон огляделся и обнаружил, что он и дети были одни на пляже. Он решил, что вместо того, чтобы идти прямо в джунгли, как все остальные, они пройдут по пляжу немного. Первое, что им понадобится, — это пресная вода. Если на этом острове есть горы, то на нем обязательно должны быть ручьи, впадающие в океан, и они попытаются найти один.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Создан враг»

Шон, Тимми и Линда начали идти по пляжу, который состоял из очень мелкого черного вулканического пепла, так как бухта тянулась на север, а затем изгибалась на северо-восток. По пути Шон заметил невероятное разнообразие красивых морских ракушек, которые вынесло на пляж за эти годы. От крошечных до огромных. От простых до невероятно сложных. От блестяще-белых до ярко окрашенных.

Этот остров был раем для коллекционеров, но никто не мог пожинать плоды своего труда.

Или здесь жили люди? Может быть, на другой стороне острова был небольшой городок с регулярными судами снабжения. Но если это было правдой, то ракушки никто не собирал, это точно. Что заставило его подумать, что этот остров, вероятно, был заброшен.

Двадцать минут спустя они прибыли туда, где в лагуну впадал красивый ручей. Когда он разливался по пляжу, он был около двух футов глубиной, тридцати футов шириной и быстрым течением. Он становился глубже и уже вглубь острова. Шон опустил на четвереньки и сделал большой глоток из сложенной чашей ладони. Дети последовали его примеру. Вода была такой удивительно сладкой и освежающей, что он не хотел останавливаться. Он провел парой пригоршней по лицу и затылку.

Затем Шон разорвал подарок брата, достал меч и передал коробку и обертки Тимми, потому что тот не мог выносить мусор в этом прекрасном месте. Затем, используя меч как мачете, он начал прорубать тропу в джунглях параллельно правому берегу ручья. Первые двадцать ярдов подлесок был похож на кирпичную стену, затем он немного поредел. Дети замыкали шествие, держась подальше от размахивающего лезвия. Они были умны и осторожны, и никакой опасности не было.

Примерно через тридцать минут интенсивных усилий они прорвались на красивую поляну площадью четыре или пять акров. Там было много банановых и кокосовых деревьев, а в кристально чистой реке водилось множество крупных рыб. Это место идеально, подумал Шон, и оно было достаточно большим, чтобы вместить всех выживших.

«Мы, должно быть, на северо-восточном углу острова», — подумал он, оглядываясь по сторонам. Река впадала в восточную лагуну, ту, где был риф-убийца. Поток также образовывал южную границу поляны, прежде чем извиваться в горы. Коса земли с серией невысоких холмов вдавалась в воду на северо-восток на полмили, отделяя восточную лагуну от бухты на севере. Еще более низкие холмы тянулись параллельно северной бухте к западу от поляны.

Шон прислонил меч к дереву и нырнул в воду. Дети тут же присоединились к нему. Это было здорово и дало им возможность смыть соль после океанского путешествия и песок с пляжа. Они резвились и обливались друг другом, а затем энергично провели пальцами по волосам, прежде чем вылезти.

Шон был уверен, что это место, без сомнения, будет деревней. А если нет, они будут жить здесь одни; это было идеально для их нужд. Поэтому, поскольку они были первыми, кто нашел это место, он посчитал правильным застолбить самое лучшее место. Он осмотрел местность и

прилегающую местность и обнаружил пять молодых деревцев, растущих полукругом на южном краю поляны у ручья. Они были около двадцати пяти футов высотой, молодые, тонкие и гибкие. Он смотрел на них целую минуту, не понимая, что его завораживает. Медленно, у него сформировался план. Чем больше он думал об этом, тем больше он был уверен, что это сработает. Если бы он мог найти несколько простых строительных материалов...

Хм.

«Вот и все, ребята. Дом вдали от дома», — сказал Шон детям, раскинув руки и указывая на местность.

Дети не стали спорить. Они со вздохом плюхнулись под ближайшее дерево. Оба потеряли красные, усталые глаза.

«Как насчет завтрака», — предложил Шон, и две маленькие мордашки засияли при этой мысли. Он срезал кучу спелых бананов с ближайшего дерева и собрал пару кокосов. Этого будет достаточно, пока он не сможет сделать копье и заняться рыбалкой. Это было единственное, в чем он был экспертом, поскольку большую часть прошлого года ему пришлось выживать за счет земли. Затем он сможет продолжить исследование острова, чтобы узнать, что еще съедобно и спело.

Когда Шон собирался срубить верхушку кокоса своим мечом, Тимми снял с грозди банан, и из грозди выскочил мохнатый паук диаметром восемь дюймов и юркнул в ближайший подлесок, сильно напугав всех троих.

Шон быстро понял, что это неизвестное место, полное скрытых опасностей, любое количество которых может покалечить или стать смертельным. Он больше никогда не ослабит бдительность, даже на мгновение. И дети тоже. Следующие пять минут он провел, вдалбливая им необходимость осторожности.

Все трое наслаждались скромной трапезой из бананов, кокосовой мякоти и молока, прислонившись к одному из молодых деревьев в тени, залитой солнцем, когда летный экипаж самолета продрался через близлежащий подлесок и вывалился на поляну. Группа состояла из двух пилотов, одного инженера и одиннадцати бортпроводников. Все пробормотали удивление между собой, что не прибыли сюда первыми.

Затем в течение следующих пятнадцати минут большинство людей из самолета вывалились из леса. Улыбки расплзались по лицам, когда они

вошли в долину. Казалось, они единогласно согласились, не говоря ни слова, что это место теперь стало их домом.

Когда почти все утолили жажду в реке и отдыхали в тени, старший летный офицер, капитан, несомненно, друг капитана Келлори, встал на ствол упавшего дерева и помахал руками. Он сделал глубокий вдох и гулким голосом сказал: «Эй, люди. Люди! Если бы вы обратили на меня внимание». Капитан был высоким и худым, приближающимся к пенсионному возрасту. У него была примечательная седеющая борода, которая придавала ему вид задумчивого достоинства, и копна седины спереди его темных волнистых волос. Все прекратили свои дела, повернулись и посмотрели на него. «Дамы и господа, меня зовут капитан Флеминг», — сказал он с австралийским акцентом, затем указал рукой, продолжая говорить. «Это капитан Джонс, а это наш инженер, мистер Таттл. Сначала о главном, пожалуйста. Мне нужны добровольцы, чтобы собрать всех, кто еще не нашел нас».

Три подростка бросились в джунгли, крича и вопя. Через тридцать минут они вернулись с пятнадцатью отставшими.

Затем мистер Джонс, первый офицер, назвал сто пятьдесят одно имя из списка пассажиров самолета. Иногда никто не отвечал, когда называли имя. Когда первый офицер закончил, он повернулся к своему капитану. «Двадцать три человека не учтены, сэр».

«Ребята, — сказал капитан. — Нам нужно, чтобы вы вернулись в лес и нашли тех двадцать три потерянных человека».

Шон повысил голос и сказал: «Думаю, я смогу сэкономить этим ребятам немного времени, капитан. Плот разбился о риф. Между рифом и акулами все, кто был на борту этого плота, наверняка погибли».

Капитан поморщился, покачал головой и потер лоб. «Мне жаль, что обстоятельства привели нас сюда, но поверьте мне, это чудо, что мы вообще выжили».

Его прервали по меньшей мере дюжина человек, которые спрашивали, что случилось с самолетом и почему он разбился. Флеминг отмахнулся от их вопросов взмахом руки. «Я буду рад ответить на эти вопросы в другой раз, но сейчас мы должны расставить приоритеты. Я отвечаю за вашу безопасность. Поэтому, пока не будут приняты другие меры, я возьму на себя...»

В этот момент плотный, ворчливый, мускулистый мужчина среднего роста вышел вперед из толпы, за ним последовали трое дружков. Когда он заговорил, Шон узнал его голос, как самый громкий из похабников на пляже прошлой ночью. Он прервал капитана криком: «Я думаю, нам следует прямо сейчас договориться о чем-то другом!»

У Шона поднялись волосы на загривке. Он знал, что если четверо сильных мужчин, работающих сообща, решат воспользоваться своей подлостью и численным преимуществом, они смогут навязать свою волю изолированному сообществу незнакомцев. Он сразу же возненавидел и испугался этих людей.

«А теперь извините меня, сэр», — вежливо сказал капитан, даже несмотря на такую грубость. «Я...»

«О, заткнись», — заорал громкий, торопливый парень. «У людей есть только один способ выбрать себе лидеров. Тот, кто сильнее!» — закончил он свое заявление под свист и улюлюканье своих приятелей.

Капитан Флеминг невозмутимо продолжал, повысив голос, чтобы его слышали. «И это ответственность, которую я беру на себя со всей серьезностью. Мы должны...»

И снова Флеминга прервал коренастый мужчина. «Я так же квалифицирован, как и вы, чтобы быть лидером этих людей». Он повернулся: «Правда, ребята?» Его дружки зааплодировали. «Поэтому я говорю, что я правитель всех нас. Сильнейший всегда правит. Это непреложный закон природы».

Лицо Флеминга вытянулось, когда он понял, что это серьезная угроза его положению и всему населению.

Шон тоже это почувствовал. Он ощутил неконтролируемую ярость и потенциальную агрессию, заложенную в этом громком, шумном человеке. Он решил действовать. «Это справедливо, капитан», — громко сказал Шон. Все головы повернулись к нему. Он подошел к капитану и толпе и повысил голос, чтобы все могли его услышать. «Он прав, сэр».

Шон слышал, как этот задира пробормотал себе под нос: «Ладно!», когда ему показалось, что он нашел неожиданную поддержку.

«Но, но у меня есть обязательства перед всеми вами», — пробормотал капитан Флеминг, явно удивленный таким вызовом его авторитету.

«Обязательства или нет», — сказал Шон, — «люди нашего сообщества не будут и не должны следовать за тем, кого они не выбирали. Вы не согласны, капитан?»

«Ну, я...» — едва слышно сказал Флеминг.

Шон продолжил, прежде чем кто-либо успел вмешаться. «Давайте выберем мэра прямо сейчас. У нас есть два кандидата. Все, кто хотел бы, чтобы капитан Флеминг стал нашим мэром, поднимите руки».

Около пятидесяти человек подняли руки. Шон был одним из них. Большинство были слишком озадачены, чтобы понять, что происходит. «И кто из вас хотел бы, чтобы этот джентльмен, здесь, был мэром». Он указал на громкого, грубого мужчину.

Мужчина, которого Шон решил назвать «Гарри», и трое его приятелей подняли руки и смотрели сквозь толпу, чтобы увидеть, последует ли кто-нибудь их примеру.

Никто этого не сделал.

«Это четыре дюжины против четырех», — заявил Шон. «Привет всем, а теперь я представляю вам законно избранного мэра нашего молодого островного сообщества, капитана Флеминга».

Флеминг посмотрел на Шона с кривой ухмылкой и теплыми карими глазами и прошептал: «Спасибо, сынок. Я понятия не имел, чем ты там занимаешься».

Когда Шон подошел к месту, где сидели Тим и Линда, он украдкой взглянул в сторону Гарри и увидел, как Гарри сердито смотрит на него с не чем иным, как злобной ненавистью в этих маленьких глазках-бусинках. Шон ответил ему тем же взглядом, и двое мужчин сцепились взглядами на долгие мгновения. Гарри знал, что произошло, как и капитан: Шон ловко подорвал стремление Гарри к власти. Если бы взгляды могли убивать, Шон знал, что в этот момент он бы корчился в агонии. Шон также знал, что сегодня он нажил себе кровного врага, и с этого момента ему придется быть начеку.

Гарри что-то прорычал себе под нос, а затем вместе с тремя друзьями зашагал прочь и направился в лес.

Гарри и три придурка, подумал Шон. Мо, Ларри и Кёрли. О, здорово. Как раз то, что мне нужно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Волонтеры»

Мэр обратился к своим новым избирателям с новым чувством уверенности. «А теперь позвольте мне спросить, есть ли здесь врач?» Он сделал паузу и обвел толпу взглядом. Никто не вышел вперед. «Я боялся этого. Есть еще одна вещь, которую мы всегда должны помнить. Мы временно оторваны от цивилизации и всех благ цивилизации, которые мы с ней ассоциируем. Это включает, помимо прочего, больницы и врачей. Поэтому мы всегда должны быть очень осторожны со своим здоровьем. Здесь можно умереть от перелома лодыжки или пневмонии».

«Или укус паука», — подумал Шон.

В этот момент многочисленные люди засыпали мэра Флеминга вопросами. Большинство из них касались того, что случилось с самолетом и где они находятся.

Флеминг размахивал руками, пока не наступила тишина.

«Вы знаете, где мы?» — спросила его женщина, и ее голос пронзительно прозвучал сквозь толпу.

«Примерно», — ответил он.

Первый помощник и штурман подняли большую морскую карту размером примерно три на четыре фута. Шон подошел и окинул ее взглядом. Карта охватывала большую часть центральной и юго-западной части Тихого океана. Остальные столпились вокруг, пока Флеминг указывал, ориентируя всех. «Вот Гавайи, вот Австралия. Нам повезло приземлиться здесь». Он ткнул пальцем в толстую, покрытую пластиком карту. Лица вытянулись немного ближе, чтобы рассмотреть. «В цепи островов Тувалу. Как я понимаю, — продолжал капитан Флеминг, — мы примерно в двух тысячах миль к юго-западу от Гавайев, в тысяче двухстах милях к северо-востоку от Австралии и в семистах милях к северо-западу от Западного Самоа, ближайших островов, находящихся под опекой США».

Шон упал духом. Боже мой, подумал он, мы затерялись где-то вдали от цивилизации, вне досягаемости для кого бы то ни было. «Наши шансы на быстрое спасение кажутся призрачными», — пробормотал он себе под нос.

Затем другая женщина повысила голос и спросила мэра: «Простите, ваша честь, но что случилось с самолетом? Почему нам пришлось совершить аварийную посадку?»

«Я не уверен, что именно произошло», — сказал Флеминг, слегка огорченный. «Все, что я знаю, это то, что на высоте тридцати шести тысяч футов у нас началась потеря давления топлива. Затем загорелся двигатель номер четыре по правому борту. За этим почти сразу же загорелся двигатель номер один по левому борту. Затем два оставшихся двигателя полностью вышли из строя. Пока мы падали, мы сначала потушили пожары, затем нам удалось перезапустить двигатели два и три, но только частично. Я смог управлять тягой только для того, чтобы совершить мягкую посадку на воду, прежде чем они тоже полностью отказали».

Он помолчал, задумался и продолжил. «К сожалению, причина падения давления топлива и срывов пламени никогда не будет известна, поскольку черный ящик находится на дне южной части Тихого океана».

Флеминг сделал паузу, пока все переваривали эту новость. Затем он сказал: «Хорошо. Давайте организуемся. Я предлагаю разбиться на ячейки по пять-шесть человек, чья обязанность — присматривать друг за другом, следить за тем, чтобы все в вашей ячейке всегда были в безопасности, чтобы каждый из вас возвращался с рыбалки или сбора урожая, или чего-то еще. Мы постараемся проводить это в семейных группах, когда это возможно.

«И», продолжил мэр Флеминг, «если мы организуемся в рабочие группы, которые специализируются на функциях на благо общества, я верю, что мы все выиграем. Нам нужны охотники, собиратели, рыбаки, плотники, повара, землекопы, сигнальные и кухонные огнедержатели. Мой летный экипаж и я сейчас проведем собеседование со всеми, в семейных группах и индивидуально, чтобы мы могли совместно решить, в чем заключаются ваши таланты. Помните, те, кто не работает на общее благо, не будут есть из корыта общества, так сказать. Когда назовут ваше имя, пожалуйста, встретьтесь с нами здесь». Он указал перед собой и взглянул на манифест. «Можем ли мы поговорить с семьей Эбботт, пожалуйста?»

Потребовалось около двух часов, чтобы всех вызвали и распределили по рабочим группам. У Шона возникла идея. Он нашел всех детей старше

девяти лет, получил разрешение от их родителей поговорить с ними и собрал их.

Там было четверо старших мальчиков и две девочки.

Шон представился им всем по одному. Билли Томпсон был самым старшим в свои семнадцать лет. Билли был высоким и худым с волнистыми светлыми волосами до плеч.

Эрику Бледсоу, обладателю самых рыжих волос, которые Шон когда-либо видел, было пятнадцать лет, и он был весь покрыт веснушками.

Винни Троуку было пятнадцать, он был темноволосым и немного пухлым.

Росс Троук выглядел точно так же, как его брат, за исключением того, что он был на два года моложе и на три дюйма ниже.

Две девочки были идентичными близнецами, Эмили и Арианна Флетчер, имели длинные светлые волосы в локонах. Плюс Тимми и Линда, их было восемь.

«Эй, ребята», — начал Шон. «Как бы нам, всем нам, понравилось быть пожарной бригадой. Мы организуемся, собираем и запасаем дрова. Их много вокруг нее и в лесу. Мы разжигаем и поддерживаем огонь для всего сообщества. Вы бы хотели этого? Мы должны что-то делать, и это работа или голод в этом мире».

Ребёнку они улыбались или говорили: «Да», и трясли кулаком. Билли говорил: «Правильно, папочка».

«Я сделаю предложение капитану Флемингу».

Шон дождался, пока его имя назовут, и подошел к Флемингу. Прежде чем капитан успел предложить Шону работу для общины, Шон вызвался. «Я набрал восемь детей и считаю, что из нас получится отличная пожарная бригада. Мы будем собирать, хранить, разжигать и поддерживать наш общий огонь во время завтрака и ужина. Мы должны дать ему погаснуть ночью и днем, чтобы наши запасы топлива были управляемыми. Я подумал, что было бы неплохо развести там постоянный костер», — сказал Шон, указывая взмахом руки на небольшое углубление диаметром около двенадцати футов на восточном краю поляны.

Флеминг на секунду выглядел немного ошеломленным, но затем пришел в себя. «Хорошая идея».

«В непосредственной близости достаточно сухостоя, чтобы поддерживать здоровый костер сегодня вечером. Мы начнем немедленно. Затем мы прочесываем окрестности завтра, чтобы поддерживать его на оставшееся время нашего пребывания здесь. И как только мы получим хороший слой углей, нам больше никогда не придется разводить костер, пока мы на этом острове... если только не разразится еще один шторм».

«Что, вероятно, будет происходить почти каждый день», — заметил Флеминг.

«Мы сделаем все возможное».

«Я уверен, что так и будет». Мэр Флеминг искоса посмотрел на Шона, затем полез в большую кожаную сумку, достал серебряную зажигалку с выгравированными буквами «ST» и протянул ее Шону.

«Нам удалось спасти набор инструментов, который предназначен для подобных чрезвычайных ситуаций. Множество средств для разведения огня, перочинные ножи для работы по дереву, портативное радио с запасными батареями и тому подобное».

«Спасибо», — сказал Шон. «Я об этом позабочусь».

Шон погнал детей в близлежащий лес и руководил сбором большого количества сухих листьев, кучи щепок и щепок, мелкого, среднего и крупного хвороста, мелких и средних веток и пары хороших поленьев. Они несли и тащили их к углублению на краю деревни, затем он развел костер так, как его учили в бойскаутах много лет назад. Он объяснил детям систему и ее причины. Сначала он разложил подстилку из сухих листьев, затем насыпал щепки и щепки, потому что они легко загораются. Он положил сверху более мелкие и размером с палец палки. Затем он насыпал кучу мертвой древесины, используя постепенно более крупные палки и ветки, а несколько поленьев прислонили друг к другу сверху в форме вигвама, всегда оставляя достаточно места внутри кучи, чтобы обеспечить хороший поток воздуха. Засунув руку в кучу, он поджег листья зажигалкой. Крошечное пламя росло, пока не подпрыгнуло на восемь футов в воздух. Сухое дерево трещало и ломалось, когда горело.

Шон отступил назад и улыбнулся, довольный своим творением. Несколько человек подошли и похвалили его и детей за хорошо выполненную работу.

Шон собрал свою пожарную команду. Он помахал указательным пальцем перед их лицами, чтобы подчеркнуть: «Я не хочу, чтобы кто-либо из вас когда-либо оставался один. Когда вы покидаете этот лагерь, всегда имейте кого-то рядом. Если не я, то другие дети или, по крайней мере, друг друга. Постарайтесь держать как можно больше других людей вокруг себя. И если вы когда-нибудь увидите этого подлого человека или кого-то из его друзей, а меня не будет рядом, не бойтесь кричать как можно громче. Я вас услышу. Вы слышали, что сказал мэр перед штормом, о том, что нам нужно быть очень осторожными, потому что здесь нет врачей?»

Все они кивнули с серьезным, испытующим выражением лица.

«Не забывай об этом». Шон беспокоился не только о том, что они могут получить травму — сломать ногу или получить сильный порез, — но он также боялся, что Гарри и его друзья, если они выжили в шторме, могут использовать их, чтобы добраться до него, или, может быть, навредить им из чистой подлости. Он потратил несколько минут, чтобы организовать детей, чтобы они нашли дрова, затем запасли их, чтобы всегда иметь большой запас под рукой, сложенный там, у края деревни, затем следили за огнем и подбрасывали в него топливо в разное время дня, например, во время завтрака и ужина, когда это было нужнее всего. «И никогда никуда не ходите одни», — снова предупредил он их.

Затем Шон повернулся к Билли. "Ты самый старший. Я назначаю тебя главным. Каждое утро собирай нашу пожарную бригаду, и ты помогаешь собирать дрова, все разного размера. Разжигай огонь, используя угли, или начинай заново. Ты можешь это сделать".

«Может ли лед растаять в жаркий день?» — уверенно возразил Билли.

«Хороший человек». Шон улыбнулся и почти рассмеялся. Он только что делегировал Билли всю свою ответственность. Теперь Шон мог бездельничать по полной. Возможно, ему придется присматривать, если разразится сильный шторм, но в противном случае...

Когда всем назначили галс, Флеминг снова вскочил на бревно и замахал руками. «Все, пожалуйста, позвольте мне снова привлечь ваше внимание». Он сделал паузу. «Дамы и господа», продолжил мэр, когда толпа затихла. «Я считаю, что следующим делом будет выяснить, обитаем ли этот остров. Мы немедленно отправим разведывательную группу. Добровольцы, желающие обыскать этот остров, пожалуйста, подойдите».

Толпа начала расходиться, у каждого были свои личные дела. Шон спросил пятерых старших мальчиков из своей пожарной команды, не хотят ли они пойти на разведку. Все они были взволнованы. Он вежливо предложил девочкам остаться здесь. Брести по неизведанным джунглям было не для молодых девушек. Казалось, их это совсем не волновало. Линда и близнецы Флетчер были примерно одного возраста. Они мгновенно подружились и ушли сами по себе, сев в тени, разговаривая и хихикая.

Шон подошел к капитану, который разговаривал с инженером. Пятеро мальчиков последовали за ним.

«Мы добровольно поможем провести поиски на острове», — сказал Шон.

Еще четверо мужчин и две женщины сгрудились вокруг Флеминга. «Мы поможем», — предложила одна из женщин.

«Отлично», — сказал Флеминг. Он отправил двух взрослых на юг, а затем на запад. Еще двух взрослых — на север, а затем на запад. «Теперь будьте очень осторожны. Если вы встретите местных жителей, не показывайтесь», — предупредил Флеминг. «Только наблюдайте, а затем возвращайтесь и сообщайте мне, что вы найдете, хорошо?»

Они немедленно улетели.

Капитан протянул руку Шону. «Я хотел бы поблагодарить вас, молодой человек, за вашу быструю реакцию. Это был прекрасный и смелый поступок».

«Благодарю вас, сэр», — они пожали друг другу руки.

«Как тебя зовут?» — спросил Флеминг.

«Шон Эриксен . Кстати, как ты думаешь, есть ли на этом острове какая-нибудь цивилизация?»

«Если так, то у них нет аэропорта или двусторонней радиосвязи, которую они отслеживают», — сказал ему Флеминг.

Шон и мальчики отправились на запад. Они шли параллельно реке, пока она не повернула на юг, а затем двинулись в лес, а Шон прокладывал тропу своим мечом, когда это было необходимо. Эта часть леса состояла из огромных деревьев со стволами толщиной от десяти до пятнадцати футов, высотой от тридцати до сорока футов с многоуровневыми длинными ветвями. Многие из нижних деревьев наклонялись и опирались на землю, прежде чем снова загибаться вверх. Их навес в значительной степени

препятствовал проникновению солнечного света на землю, поэтому подлеска было не так много. Тень была темной, прохладной и влажной. Земля состояла из плотного ковра из листьев, покрывающих массу спутанных корней, которые змеились на уровне земли. Мальчикам приходилось внимательно следить за каждым шагом, не зная, на что они собираются наступить, чтобы не поскользнуться и не упасть или не подвернуть лодыжку.

По пути Шон заметил лианы всех размеров, свисающие с высоких ветвей до земли, что делало их опору еще более опасной. Он сделал мысленную заметку, где они находятся, чтобы снова найти эти лианы. Они просто могут пригодиться. Он не знал, почему, но идея формировалась.

Вскоре лес из огромных деревьев сменился джунглями. Здесь росло множество разных видов деревьев, и на землю попадало много солнца, а растительность здесь была настоящим взрывом. Большая часть подлеска состояла из более мелких, в основном цветущих растений, по которым было довольно легко ходить, проходить сквозь них или вокруг них. Вдоль земли росли и другие виды лиан, в основном тонкие и длинные. Только изредка Шону приходилось прокладывать себе путь сквозь густые заросли ежевики своим мечом, а не пытаться обойти их. Эти джунгли пахли чудесно, с ароматом множества разных цветов, витавшим в воздухе.

Шон увидел здесь настоящий взрыв птиц. Некоторые были маленькими. Попугаи десятками. Канарейки сотнями. Колибри повсюду. Иногда он мельком видел птицу размером с крапивника, которая была темно-фиолетового цвета, а другие были похожи на ярко-оранжевую сойку длиной около двух дюймов. Другие птицы были крупнее, некоторые намного крупнее. Повсюду были попугаи и ара. Некоторые были ярко-зелеными и желтыми, другие сплошь малиновыми. Все птицы были ярко окрашены и невероятно красивы. Десятки птиц метались с дерева на дерево везде, куда бы он ни посмотрел, и все они пели, визжали, плакали, выли, щебетали или щебетали от души.

Затем Шон понял, что не видел здесь ни одного наземного животного. Ни млекопитающих, ни грызунов. Единственными существами на земле были ящерицы, казалось, тысячи, выскакивающие из-под ног при приближении людей. Никто, слава богу, пока не проявил ни малейшего

признака агрессии. Их было так много, что если бы они напали все вместе, у людей на этом острове не было бы ни единого шанса.

Они продолжили путь. Через тридцать минут они пришли к экосистеме, отличной от джунглей или леса. Все деревья были молодыми, тонкими и около тридцати футов высотой. Он не узнал этот вид. У них были маленькие серебристо-зеленые листья, которые не мешали солнечному свету достигать земли. Между деревьями росли кусты с гроздьями маленьких красных ягод, которые почему-то казались ядовитыми. Он не собирался пробовать есть их. Между кустами росла густая трава высотой около фута. Они находились прямо к востоку от ближайшей горы, и это место было жарким, сухим и каким-то образом пахло кислотой.

В отличие от почвы в джунглях, лесу и месте, где располагалось сообщество, в этой части острова не было почвы, о которой можно было бы говорить. Деревья, кусты и травы росли прямо из твердого, давно замерзшего лавового поля, которое едва успело превратиться в почву. Даже их шаги хрустели сквозь слой старой, хрупкой, затвердевшей лавы, которая теперь в основном представляла собой воздушные карманы.

Лава?

Здесь не было ни птиц, ни ящериц, ни даже цветов.

Когда Шон остановился на небольшой поляне, чтобы вытереть пот со лба, у него созрел план. Он указал и предложил: «Эй, ребята. Может быть, лучше всего будет найти возвышенность, может, начать взбираться на эту гору, там». Он указал на ближайшую вершину: «Если нам немного повезет, мы сможем осмотреть большую часть острова с одной точки».

Без единого слова идея была мгновенно и единогласно принята.

Им удалось найти относительно пологий склон, поднимающийся через лес, который вскоре резко поднялся. Вскоре они оказались намного выше верхушек деревьев и карабкались по крутому склону ближайшей горы, которая, как предположил Шон, должна была быть вулканом, потому что земля состояла из больших валунов, мелких камней или мелкой пыли черного вулканического пепла.

Их опора была в лучшем случае неуверенной. Они неоднократно поскользывались и скользили. Иногда вся их ступня погружалась в порошкообразный пепел, когда они делали шаг. В мгновение ока пепел прилип к поту, покрывающему их тела, делая мальчиков похожими на трупы,

с ручейками множества потовых полос, стекающих по их лицам, шеям и рукам. Несколько раз, пока они поднимались на гору, Шон видел места, где лава растрескивалась, создавая трещины. Он исследовал несколько крупных трещин и обнаружил, что были созданы небольшие пещеры, возможно, достаточно большие, чтобы в них могли поместиться два или три человека, не больше. На склоне практически ничего не росло.

Им потребовалось тридцать минут упорного карабка, чтобы достичь вершины, и они оказались на гребне вулкана. Гребень полностью окружал большое сине-зеленое озеро, образовавшееся в кратере, который был, возможно, полумилей шириной, с куполом кратера, дымящимся в середине озера. Когда они перевели дух, им открылся прекрасный панорамный вид, а порывистый ветер обдувал их. Шон предположил, что они находятся примерно в двенадцати сотнях футов над поверхностью океана.

Другой, еще более крупный пик возвышался еще на пятьсот футов к западу от них, с глубокой, извилистой долиной, извивающейся между двумя горами. Была даже третья гора, еще выше к северо-западу от этой центральной горы, что означало, что этот относительно небольшой остров состоял из трех вулканических гор, образующих хребет посередине острова с бахромой шириной около мили пригодной для жизни земли, обнимающей побережья.

Затем он заметил, что линия хребта, опоясывающая озеро, была заметно ниже там, где он стоял, к югу от озера и через кратер на севере, а на востоке над ними возвышался неровный участок горы еще на триста футов, который находился между кратером и поселением.

Они могли видеть пляж примерно на две трети острова, и не было никаких признаков человеческой жизни. Так что, казалось, они были здесь одни, если только некоторые туземцы не обосновались только на части побережья по ту сторону двух гор. Но это казалось маловероятным. Почему жители этого острова цеплялись только за один крошечный участок побережья, когда они могли бы расселиться по всей остальной земле?

Шон был уверен, что ни один абориген не делил с ними этот остров, но он задавался вопросом, почему люди и другие млекопитающие никогда не мигрировали сюда. Он казался достаточно большим, с обильными запасами пищи, чтобы поддерживать довольно большую популяцию.

Станный.

Он увидел еще несколько интересных вещей, пока был там. На севере, в паре миль от берега, он мог видеть обломки корабля. Это было похоже на старое грузовое судно, возможно, времен Второй мировой войны. Больше половины его было над водой, и оно напомнило ему приземистую жабу, сгорбившуюся в воде.

На юге, вдалеке, он заметил шторм. Но это было больше, чем просто шквал или линия гроз. Он был слишком массивным для этого. Он протянулся по всей ширине океана с востока на запад. Огромные черные и темно-фиолетовые облака возвышались до самых верхних слоев атмосферы, и каждую секунду между штормом и океаном вспыхивали десятки молний, а внутриоблачные молнии освещали участки линии облаков по всему горизонту. Это было потрясающее зрелище. Красивое по-своему, но и пугающее тоже.

«Эта штука, должно быть, направляется в нашу сторону», — рассуждал Шон, когда шторм, казалось, приблизился и сократил расстояние до острова. Небо над ним внезапно заволочло облаками, пока он наблюдал, а ветер стал еще более порывистым за те несколько минут, что они стояли там, на краю кратера.

Затем Шон увидел что-то необычное внизу в долине между вулканами. Он спустился вниз и исследовал, и нашел место, где скала разорвалась, когда магма остыла и высохла, открыв отверстие в боковой части центрального вулкана. Шон вошел в отверстие, мальчики за ним, и был поражен, обнаружив большую пещеру, возможно, достаточно большую, чтобы вместить всех жителей деревни, если они не будут много передвигаться.

Это были хорошие новости.

Плохая новость заключалась в том, что, хотя на полу были некоторые относительно ровные места, большинство поверхностей, включая пол, состояли из острых краев и зазубренных вулканических пород. Чтобы сделать ситуацию еще хуже, было много небольших образований, которые выглядели как сталагмиты, торчащие из пола, и сталактиты, спускающиеся с потолка на разную длину по всей пещере.

Он посчитал это интересным, но не был уверен, почему.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Тесные пространства»

Мальчики попытались исследовать пещеру более полно, но было слишком темно, чтобы попасть в меньшие углубления в глубине. Однако они не смогли найти никаких признаков человеческого жилья в областях, которые давали достаточно света, чтобы видеть.

Через некоторое время они поплелись обратно вниз с горы, что было в десять раз легче, чем подниматься на гору. Они смылись в реке, вернулись в общину и, прибыв, обнаружили Флеминга и экипаж, сгрудившихся вокруг небольшого транзисторного радиоприемника.

«Сколько здесь станций?» — хотел узнать Томми.

«Всего один», — сказал ему Флеминг. «Сигнал, должно быть, идет из самого Западного Самоа».

«Рок-н-ролл?» — спросил Билли.

«Нет», — сказал Флеминг. «В основном прогнозы погоды».

«Черт», — сказал Билли.

«Что-то не так?» — спросил Шон у Флеминга.

«Метеостанция на Западном Самоа сообщает о циклоне 5-й категории, направляющемся прямо на нас».

«Я видел это!» — воскликнул Шон. «Выглядит отвратительно.

Флеминг кивнул. «Интересно, как мы переживем прямой удар циклона 5-й категории, не имея убежища на маленьком острове?»

«В пещере на высоте сотен футов над уровнем моря, вот как», — рассказал Шон Флемингу о пещере, которую они нашли.

Глаза Флеминга расширились. «Достаточно большой, чтобы вместить нас всех?»

"Я так думаю."

"Где это?"

«На этом острове три вулкана. Пещера находится между краями первых двух, ближайших к нам».

«Ты прав». Флеминг снова вскочил на свое бревно, замахал руками и закричал так, что все, кто мог слышать, стали его слушать.

«Люди, крупный циклон находится примерно в двенадцати-четырнадцати часах от нас, может, меньше. Шон, здесь, — он

указал на Шона всей своей правой рукой, — обнаружил пещеру. Мы должны наполнить ее достаточным количеством провизии, чтобы всем нам хватило на несколько дней, а затем отправиться туда и приготовиться к худшему».

Пока Флеминг пытался организовать людей для сбора фруктов и овощей, а также ловли и приготовления рыбы, многие выражали свои сомнения относительно того, действительно ли на остров обрушится какой-то шторм, или выражали свое открытое презрение к тому, что им пришлось заползти в какую-то пещеру.

Шон проигнорировал их всех. Он видел огромный, темный шторм, полностью заполненный молниями, и не сомневался, что он приближается сюда. Он поднял глаза. Облака над их островом стали еще темнее, а порывы ветра усиливались. Он огляделся. Поселение находилось всего в двадцати футах над уровнем моря во время прилива, что означало, что любая штормовая волна, скорее всего, очистит эту территорию и смоем их всех в море.

Пока некоторые люди вяло занимались делами, порученными им мэром, многие другие что-то бормотали друг другу, явно не зная, что делать.

Шон велел детям развести огонь.

Эти люди могут откладывать все, что им вздумается, решил Шон. Они могут подняться в пещеру или нет. Его первостепенная и главная ответственность была за Линду и Тима. Ему нужно было доставить детей в пещеру с достаточным количеством еды, чтобы им хватило хотя бы на четыре дня.

Но это будет трудный подъем для детей, решил он. Они не смогут нести с собой еду по пути вверх. Ему, возможно, придется нести их часть пути или большую его часть, так что он не сможет нести еду и в свой первый поход на гору. Если случится худшее, он сможет нести Линду на руках и посадить Тимми себе на спину. Пока парень не задушит его, он найдет в себе силы сделать это, как-нибудь. Затем, как только он укроет их в пещере, он сможет сделать два, три или, может быть, даже четыре похода, чтобы переправить туда достаточно еды, прежде чем шторм ударит по-настоящему.

Это звучало как лучший курс действий.

Шон подошел к Флемингу, который с каждой минутой становился все более раздраженным, потому что его почти никто не слушал.

«Господин мэр».

«Да, Шон».

«Многие из этих людей никогда не доберутся до пещеры, неся еду. Нам понадобится способ, позволяющий наиболее приспособленным нести много еды и совершать столько походов, сколько позволит погода».

«Вы, конечно, правы».

«Эрик Бледсо, Винни и Росс Троук , и Билли Томпсон, и я знаем дорогу к пещере. Возможно, мы могли бы провести туда несколько групп, когда вы здесь организуетесь».

«Да, это хорошая идея. Что ты собираешься делать прямо сейчас?»

«Сейчас я веду своих детей в пещеру. Как только они будут в безопасности, я вернусь, чтобы помочь переправить еду».

Флеминг внезапно оказался завален людьми, которые засыпали его вопросами о вещах, которые в данный момент казались неактуальными. Шон подошел и сел рядом с детьми, которые наблюдали за хаосом, выглядя испуганными и смущенными.

«Привет, ребята. Мы собираемся пойти исследовать окрестности, хорошо?» Он попытался добавить забавную нотку в свой голос, чтобы успокоить их.

Оба кивнули, но все еще были напуганы.

"Подписывайтесь на меня."

«Куда мы идем?» — хотела узнать Линда.

«Мы собираемся подняться на ближайшую гору. Надвигается шторм, и мы не хотим оставаться здесь внизу». Он рассказал им о шторме, который он видел, и о пещере, которую он нашел.

Шон повел детей в лес. Вместо того чтобы пойти по маршруту, по которому они с мальчиками шли ранее, следуя реке на юг, прежде чем направиться на север, они переплыли реку и направились прямо к ближайшему склону ближайшей горы, которая находилась чуть больше чем в миле, и начали подниматься по восточному склону. Им повезло. Эта часть горы была менее рыхлой и имела лучшую опору, но по мере подъема им пришлось повернуть на юг, чтобы обойти возвышающуюся восточную вершину, и войти в область рыхлого пепла. Это было утомительно, потому что ему приходилось замедлять их темп, чтобы дети могли не отставать, но

они ни разу не споткнулись, и ему ни разу не пришлось нести их на себе. Они просто брели по его следу, не жалуясь.

В какой-то момент в их спинах сверкнула огромная молния, и тут же раздался оглушительный раскат грома. Должно быть, он ударил где-то рядом с деревней, подумал Шон, и это заставило всех троих с новой энергией помчаться вверх по горе.

Когда они наконец добрались до края кратера, небо было зловеще темным, хотя было только утро, а ветер усилился до двадцати-тридцати узлов, предположил Шон, здесь, на вершине горы. Он взглянул на юг и увидел огромные облака от горизонта до горизонта и такое же количество молний, бьющих в океан, и внутриоблачные разряды, освещающие обширные участки облаков, только это казалось гораздо ближе. Тимми и Линда уставились на это, открыв рты и вытаращив глаза. Они никогда не видели такого зрелища.

Глядя на север, Шон увидел многочисленные облака разного рода, поскольку многие виды птиц покидали остров, как ему казалось, в спешке. Некоторые летели длинными, рваными V-образными формациями. Некоторые — неорганизованными толпами. Некоторые представляли собой сплошную массу, сквозь которую он не мог видеть. Все они направлялись на север, прямо прочь от шторма. Он хотел бы, чтобы он и дети могли как-то улететь и присоединиться к ним.

Большая капля дождя ударила Шону по голове, и он почувствовал, как несколько других упали ему на плечи. Эта буря приближалась с новой силой, и пришло время заняться делом.

Он повел детей вниз к пещере в долине между горами и вошел внутрь. Казалось, что она достаточно большая, чтобы вместить всех Шона, особенно если в тех темных местах сзади было немного дополнительного места. Но у него не было времени на исследование. Он огляделся и увидел относительно ровную площадку высоко вверху и справа. Шон подошел туда и подумал, что это может быть лучшим местом. Этот выступ был выше, более плоским и гладким, чем практически любое другое место в пещере. Это должно было сработать. Кроме того, над выступом было небольшое углубление, едва заметное в темноте. Он ощупал его рукой и подумал, что эта расщелина может быть лучшим местом, чтобы спрятать меч, который он

бессознательно носил с собой все это время. Он сунул его туда и не смог его увидеть вообще. Идеально.

Шон повернулся к детям. «Ладно, ребята. Мне нужно, чтобы вы остались здесь, пока я...»

«Не покидай нас!» — закричала Линда. Ее слова были такими высокими и пронзительными, что заставили Шона содрогнуться.

Он опустился на колени и обнял ее, когда она начала всхлипывать от страха. «Все в порядке, дорогая». Он похлопал ее по спине, говоря с ней. «Я сейчас вернусь. Обещаю. Мне нужно знать, что ты в безопасности, пока я сбегаю в деревню и помогу принести сюда еду. Ты же не хочешь голодать, пока длится буря, правда?» Он держал ее на расстоянии руки и вытирал ей слезы, когда она перестала плакать. «Не бойся. Я вернусь через некоторое время. И скоро сюда придут другие люди. Ты мне доверишься?»

Она кивнула, но ее нижняя губа дрожала.

«Хорошо. Теперь не волнуйся. Мы будем в безопасности, в сухости и сытыми, пока бушует этот шторм, ладно?»

Она снова кивнула, на этот раз ее нижняя губа была неподвижна.

«Оставайся на этом выступе. Не бойся. Я сейчас вернусь».

Шон обнял ее, поднял обоих детей, по одному, и посадил их на карниз. Он был не слишком высоким, около четырех футов от пола и в основном параллельным ему. Тимми мог запрыгнуть туда сам, но Линде понадобится его помощь. Он подошел к входу, повернулся и увидел, что Линда тихо плачет, а Тимми сидит рядом с ней, неподвижный, как статуя, и выглядит слишком обдуваемым, чтобы двигаться или что-то говорить.

Он мчался вниз по горе. На полпути он прошел мимо Билли, ведущего группу пожилых людей на гору. У Билли на спине был рюкзак, полный чего-то. Когда он пролетал мимо них, Шон сказал: «Билли, посмотри, как дела у детей, ладно?» через плечо.

Сквозь шум ветра он едва расслышал: «Конечно, Шон, конечно, я это сделаю».

Когда он бежал по лесу, он столкнулся с братьями Троук, ведущими группу детей к пещере. Росс и Винни, похоже, тоже несли на плечах небольшой, набитый мешок. Шон попросил братьев также заглянуть к детям. Они сказали, что заглянут.

Шон вернулся в деревню, пыхтя и отдуваясь, но горя желанием вернуться к

детям. К своему изумлению он обнаружил, что община хорошо организована и занята несколькими видами деятельности. Группа мужчин ловила и чистила значительное количество рыбы. Группа женщин жарила очищенную рыбу на костре, который он развел. Еще одна группа мужчин и женщин собирала огромную кучу спелых фруктов и овощей. А еще четверо мужчин прокалывали и резали желтые аварийные плоты перочинными ножами.

Шон подошел к месту, где Флеминг организовывал деревню. Он ответил на два вопроса от двух других людей, отдал приказы трем другим, прежде чем повернуться к Шону.

«Что я могу сделать?» — спросил Шон.

«Оставайтесь здесь пока».

Когда Шон наблюдал, как сообщество бурлит хорошо организованной деятельностью, он подумал, что, возможно, ему следовало остаться здесь и помочь сообществу, а не брать детей в пещеру таким образом. Возможно, он был слишком эгоистичен и позволил инстинктам защиты руководить его поведением. Но когда он ушел, никто, казалось, не был готов что-либо сделать, и он не собирался позволять нерешительности других людей подвергать риску благополучие детей. Но теперь, наблюдая за тем, как все работают как одна команда, он испытывал гордость, чувство принадлежности и желание стать частью этой команды.

Шон наблюдал, как мужчины лепили рюкзаки из спасательных плотов. Когда Билли вернулся в деревню, он и Шон надели по рюкзаку, наполненному бананами и другими фруктами, и отправились через лес и снова на гору. Еще сорок мужчин несли рюкзаки, все с едой, и они последовали за Шоном и Билли на гору и в пещеру.

По пути вверх начал моросить мелкий дождь.

Тимми и Линда были в восторге от того, что снова увидели дядю. Они спрыгнули с уступа, и оба быстро обнялись. И оба были разочарованы тем, что ему снова пришлось уходить, но, по крайней мере, там теперь было около сорока человек, некоторые пожилые, а некоторые и дети. И они не собирались уходить.

Мужчины вывалили свой груз еды на пол пещеры и снова начали спускаться с горы, чтобы совершить еще один забег.

По пути вниз начался сильный дождь. Ветер дул сильными порывами.

Вернувшись в деревню, мужчины наполнили свои рюкзаки фруктами, овощами и жареной рыбой и начали долгий подъем обратно на гору. По пути наверх начался сильный дождь. Шон быстро промок, но рюкзак был сшит с клапаном сверху, поэтому еда оставалась в основном сухой.

Мужчины вывалили свою ношу еды в пещеру и заметили, что некоторые из пожилых людей организовали и спрятали еду в двух больших нишах вдоль правой стены и далеко в глубине. Старшие люди немедленно принялись за работу с ношей, которую мужчины принесли на этот раз. Тимми и Линда играли с тремя другими детьми, и Шон едва удостоился пары улыбок и помаханий, когда они увидели его в этот раз.

Шон начал чувствовать себя крайне уставшим, когда они с Билли спускались с горы в последний раз. По дороге начался сильный дождь. Ливень. Ветер начал гнуть даже самые крепкие деревья. К тому времени, как они вернулись в деревню, там осталось всего несколько человек, и им пришлось кричать, чтобы их услышали сквозь шум ветра. Оставшаяся еда была упакована в рюкзаки. В основном она состояла из промокнувшей под дождем рыбы и нескольких почти помятых бананов.

Затем оставшиеся мужчины двинулись обратно через лес и вверх по горе. По мере того, как уклон становился все круче, Шон так устал, что ему приходилось концентрироваться на каждом шаге — поднять правую ногу, вынести ее вперед, поставить ее на землю — не поскользнуться — поднять левую ногу — вынести ее вперед — поставить ее на землю — не поскользнуться — поднять...

Чтобы продолжать это, требовались все силы и умственные способности, и физические усилия.

Но мысль о приближающемся к острову циклоне пятой категории и штормовом нагоне, который он, вероятно, вызовет, стала для него большим стимулом продолжать движение.

По пути на гору стало еще темнее, словно сумерки после того, как солнце уже село. Потoki дождя были такими плотными и тяжелыми, а ветер гнал их так яростно, что капли дождя были болезненными, когда падали. Это было похоже на то, как если бы вас непрерывно били по лицу мокрым полотенцем, фактически ослепляя вас. Все вместе, ветер, дождь и сгибающиеся и стонущие под напором ветра деревья звучали как

чудовищная кошка, возможно, тигрица, рычащая, кричащая и стонущая, как будто она была напугана, ликовала и страдала одновременно.

Они не могли видеть, куда они идут большую часть времени, и пытались просто продолжать идти вверх. Они постоянно поскальзывались и падали, и иногда они съезжали вниз на два фута на каждый фут подъема. В какой-то момент Билли упал и закричал от паники, когда он начал нестись вниз по склону в каскаде воды и грязи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Жесткий удар»

Шон случайно посмотрел на Билли в тот момент, когда земля ушла у него из-под ног. Билли упал назад, полностью потеряв контроль. Шону удалось упасть вперед и ухватиться ногами за запястье Билли, когда тот скользил мимо. Шону каким-то образом удалось удержаться за запястье и вытащить Билли из потока грязи и ила, когда эта часть горы каскадом спускалась вниз по крутому склону. Билли барахтался несколько секунд, пытаясь сориентироваться, и, наконец, смог ухватиться за выступ камня одной рукой, затем другой, и найти опору обеими ногами, чтобы удержаться. Мальчики смогли продолжить свой путь на гору, затем они споткнулись внутри пещеры и плюхнулись вниз, полностью измученные, тяжело дыша.

Оба ребенка подошли к Шону и сели рядом с ним. «Ты в порядке, дядя Шон?» — спросил Тимми.

Шону удалось слабо кивнуть.

Флеминг вошел в пещеру промокший и измученный. Он повысил голос. «Кто-нибудь из вас видел Билла и Генри Дайсона?» Он посмотрел на Шона и Билли. «Я так понимаю, они были прямо за вами».

Билли даже не потрудился открыть глаза, лежа и пытаясь отдышаться.

Шону удалось сесть прямо, и он ответил, тяжело дыша: «Мы ничего не видели и сами чуть не погибли».

«О, боже», — встревожился Флеминг.

«Мы были так близки», — Шон поднял правую руку, разведя большой и указательный пальцы на четверть дюйма. «К тому, чтобы быть поглощенными горой».

Флеминг ничего не сказал, подошел и встал у входа в пещеру, глядя на бурю.

Шон потянулся, чтобы коснуться плеча Линды, а затем Тимми. «Вы в порядке? Вы сухие, в тепле и накормлены?»

«О, да, спасибо, дядя Шон», — сказала Линда. «Мы ели жареную рыбу, фрукты и овощи. Наши животы были полны».

Шон усмехнулся из-за ее тона голоса; она была так уверена в себе. Он огляделся и заметил, что кто-то развел небольшой костер на другой стороне пещеры, который отбрасывал значительное количество света на все помещение. Он отдал зажигалку Винни Троуку. Он задавался вопросом, где Винни нашел немного сухих дров. В любом случае, этот огонь не собирался долго гореть в этом потоке.

Через несколько минут Шон достаточно окреп, чтобы дойти до входа. Он встал рядом с Флемингом и уставился на бурю.

«Мы скушаем по людям?» — спросил Шон.

«Да, двое мужчин. Братья Дайсон».

«Если они все еще там...» — Шон позволил этой мысли повиснуть в воздухе. «Билли и я... это чудо, что нам удалось выбраться сюда».

Флеминг повернулся и посмотрел на Шона. «О, я как раз собирался тебя спросить. А как насчет других жителей? Мы одни на этом острове? Есть ли там какие-нибудь туземцы?

Шон рассказал, что они увидели во время его первой поездки на гору. Мэр Флеминг, казалось, испытал огромное облегчение от того, что на этом острове нет жителей. Большее облегчение, чем Шон считал необходимым. «Почему? Что случилось?» — спросил его Шон.

Флеминг понизил голос. «Если на этом острове и были люди, то, скорее всего, это были каннибалы, охотники за головами. Известно, что по всему региону разбросаны люди, которые практически не контактировали с внешним миром, но все равно едят людей».

Шон на мгновение задумался над этой концепцией, и она приобрела для него смысл. Он видел документальные фильмы о людях в этой части света. Даже в таких местах, как Борнео, которое контактировало с западным человеком на протяжении ста лет или больше, некоторые племена только в первом поколении едят человечину. А эти острова на юге Тихого океана

настолько обширны и удалены, что многие из них вообще никогда не подвергались влиянию западных идей.

Шон простоял у входа в пещеру около часа, наблюдая за штормом, и какой же это был шторм. Ни один из них никогда не видел такого сильного дождя. Проливной дождь с потоками, такими плотными, что они не могли видеть на двадцать ярдов. Иногда он падал прямо вниз. Иногда он казался совершенно горизонтальным и вообще не достигал земли. Ветер хлестал его то в одну, то в другую сторону. Случайный порыв ветра сдувал дождь прямо в устье пещеры, мгновенно промочив обоих мужчин. Шторм был таким свирепым, ветер таким сильным, а дождь таким плотным, что Шону казалось, что он сорвет плоть с его костей, если он решится выйти из-под защиты пещеры.

После того, как совсем стемнело, буря стала невидимой. Но звук. Невероятный. Как вой разъяренной кошки в сотне футов высотой.

Шон вернулся внутрь и сел с детьми на выступе, который он первым нашел для них. Он прислонился к каменной стене, а дети прижались к нему. Он обнял каждого, откинул голову назад и мгновенно уснул.

Он проснулся некоторое время спустя, окоченевший, как трехдневный труп. Его зад болел как сумасшедший, поясничная область чувствовала себя так, будто ее свело, и даже затылок, который он упирал в каменную стену, чувствовал себя так, будто его пронзили ножом. Он задавался вопросом, как он вообще собирается спать в этой пещере. Хотя дети, похоже, не испытывали никаких проблем. Конечно, они использовали его как подушку.

Огонь погас до тлеющих углей, и большая часть пещеры была темной и тихой. Казалось, большая часть общины нашла достаточно удобные места, чтобы заснуть. Шон медленно выбрался из-под детей, которые не проснулись, так как рухнули там, где были. Он встал, потянулся и подошел к входу, где Флеминг все еще стоял на страже.

«Они не появились?» — тихо спросил Шон мэра.

Флеминг лишь покачал головой.

Шон чуть было не сказал что-то вроде: если их нет сейчас, то они не придут, но передумал. Нет смысла говорить очевидное. Вместо этого он сказал: «Я не видел этого Гарри и его трех дружков».

«Я бы пригласил их разделить с нами пещеру. Я думал об этом, но у меня не было ни времени, ни людей, чтобы отправить за ними разведывательную группу. Надеюсь, с ними все будет в порядке».

«И как же здесь можно раздобыть еду?» — спросил Шон.

Флеминг повернулся и указал на левую сторону пещеры. «Смотрите, миссис Поттер. Она главная. Ей помогают еще несколько женщин». Он снова повернулся, чтобы посмотреть на бурю.

Шон застал миссис Поттер еще не спящей. Она подала ему манго, половину кокоса с пинтой молока, два банана и два небольших филе жареной рыбы, все это было завернуто в банановый лист. Он ел на выступе, где дети еще спали, и смаковал каждый кусочек.

Следующее, что он помнил, он проснулся, и он и дети были в спутанной массе рук и ног, и на улице было светло. Они распутались, встали и потянулись. Шон заметил, что Флеминг все еще стоит у входа в пещеру, а снаружи все еще дует сильный ветер. Шон подошел к Флемингу и спросил: «Ты был здесь всю ночь?»

Флеминг кивнул, совершая небольшие круговые покачивания.

«Почему бы тебе не поесть и не вздремнуть? Я посторожу».

Шон думал, что Флеминг будет возражать, но вместо этого он повернулся и пошел туда, где миссис Поттер и несколько других женщин подавали завтрак длинной очереди людей.

Шон остался у входа и наблюдал за штормом. Шел дождь и дул ветер так же сильно, как и всегда, и это было завораживающе. Такая сила. Такая ярость. Энергия, которую это генерировало, была удивительной. Он вышел так далеко, как только осмелился, пока не смог вытянуть руки под дождь, и умылся. Затем он собрал немного дождевой воды в свои сложенные чашей ладони и немного выпил, прежде чем вернуться.

Затем он провел одно из самых скучных и неудобных времен, которые он когда-либо мог вспомнить. Он попытался вздремнуть, но не смог устроиться достаточно удобно, чтобы заснуть, и провел остаток дня, бродя вокруг, разговаривая с несколькими людьми и играя в крестики-нолики в пыли с детьми в течение часа или около того.

Это было ужасно.

Ближе к закату он снова съел ту же еду, провел пару часов у входа с Флемингом, наблюдая за бурей, которая все бушевала и бушевала. А потом, некоторое время спустя, он уснул на уступе.

В какой-то момент ночью шторм затих. Абсолютно тихо. Отсутствие шума ветра было настолько жутким, что все проснулись и побрели ко входу. Некоторые, включая Шона, вышли наружу. Он не выпускал детей, пока не убедился, что ничто не представляет угрозы.

Он отошел от пещеры и поднялся на край кратера на востоке, и к своему изумлению он увидел над собой звезды, миллионы. Их ясность была поразительной. Но только в относительно небольшом круге прямо над ним. Волосы на затылке встали дыбом. Он знал, что это значит. Глаз бури все еще был настолько хорошо сформирован, что в нем не было облаков. Он знал, что прорвался ливень. Глаз проходил прямо над ними прямо сейчас. Затем последовал ураган. Он каким-то образом знал, что еще ничего не видел.

Он посчитал, что им достаточно безопасно увидеть нечто столь примечательное и жуткое, что видели лишь немногие, поэтому он вернулся в пещеру, вывел детей на край и показал им звезды. Они изумились. Он поспешил с детьми обратно в пещеру, где у входа стоял Флеминг.

Шон сказал: «Шторм еще не закончился. Это всего лишь...»

«Глаз. Да», — сказал Флеминг.

«Надеюсь, никто не подумал...»

«Они так и сделали, и некоторые из них хотели вернуться в деревню, но я положил этому конец», — сказал ему Флеминг.

«О, хорошо», — выдохнул Шон.

В этот момент дыра в небе закрылась, и звезды исчезли. И несколько минут все было тихо... и спокойно.

А потом подул ветер.

Все началось с шепота и дуновения ветерка. Затем все замерло на несколько мгновений, прежде чем бриз усилился и стал постоянным. Затем он постепенно усиливался, пока не превратился в ветер.

Затем сильный ветер.

Затем ветер усилился еще сильнее.

Затем налетел штормовой ветер.

И через десять минут снова циклон. С завывающим ветром.

И вой.

И стоны

Но без дождя. Ни капли.

Странно, подумал Шон, глядя наружу из глубины входа в пещеру, что он ничего там не видит. Было просто слишком темно. Но то, что он мог слышать, пугало его до чертиков. А то, что он мог чувствовать, заставляло его нервничать и беспокоиться. Он весь чесался, как будто его кожа опухала, и он знал, что это было. Низкое атмосферное давление. Возможно, самое низкое, которое он когда-либо чувствовал.

Он сидел на выступе и обнимал детей, обнимая каждого из них, пока они дрожали под его тяжестью, зная, что он никогда не сможет заснуть, если все эти ужасные звуки будут такими громкими.

Время от времени в пещеру врывался сильный порыв ветра и, проносясь вдоль стен, издавал ужасный, глухой звук, который был почти музыкальным.

Рассвет наступил. Никто не выспался. Многие выстроились у миссис Поттер и других женщин на завтрак. Шон побрел к входу в пещеру и посмотрел на шторм. Ветер стал еще сильнее, и звук превратился в один долгий, непрерывный крик.

Этот штормовой ветер напугал Шона гораздо больше, чем штормовой дождь, который составлял северную половину циклона. Он мог видеть океан на севере и не знал, был ли он там или нет, но он казался намного выше, может быть, на пятьдесят или шестьдесят футов выше.

Может ли это быть? Или это далекий горизонт играл с ним в перспективные игры?

Он смотрел на него целую минуту. Потом две. Казалось, что он изменился? Он стал ближе?

Он увидел это. На вершине были волны, спускающиеся вниз по крутой стене воды, приближающейся прямо к острову. Шторм, должно быть, повернул на запад, а восточные ветры гнали чудовищную стену воды на юг, прямо на них. Это означало бы, что штормовой нагон полностью затопит и смоем весь остров, за исключением трех вулканических конусов. Неудивительно, что на этом острове нет млекопитающих.

Какая удача, что он нашел эту пещеру, когда это произошло. Она спасла им жизнь, это точно.

Затем, пока он смотрел на океан на севере, уровень воды, как ему показалось, поднялся еще выше.

И поднимитесь еще немного.

И поднимитесь еще выше.

Неужели его глаза обманывают его? Неужели он действительно может подняться так высоко, как кажется?

Затем он с удивлением решил, что оно действительно становится выше... и выше... и...

Боже мой!

Он осознал с ужасом, что эта стена воды, несущаяся к острову, находится всего в паре миль от берега, и... Господи... она выглядела вдвое ниже, чем там, где он находился. Если кратер был примерно в тысяче двухстах футах над поверхностью океана, а пещера была высотой в восемьсот футов, могла ли эта стена воды быть высотой в четыреста или пятьсот футов? Сомнительно. Его глаза играли с ним шутки. Должно быть. Ему казалось невероятным, что это что-то, даже что-то столь мощное, как циклон, могло на самом деле создать такую чудовищную вещь. За несколько секунд, которые ему потребовались, чтобы это осознать, стена воды сократила вдвое свое расстояние до острова и будет там через несколько секунд.

Может ли нечто столь огромное и движущееся с такой скоростью подняться по склонам вулканов и затопить пещеру?

За то время, что он задал себе этот простой вопрос, цунами уже надвигалось на них, и он решил, что оно действительно может их достичь.

Не осознавая, что он делает, он начал кричать:
«СМОТРИУУУУУУУУУУУУУУУУУУ!»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Стена воды»

Шон стоял там, у входа в пещеру, частично застыв от ужаса, частично парализованный благоговением и любопытством. Он наблюдал, как стена воды приближалась и приближалась и, наконец, врезалась в остров. Она так сильно сотрясла пол пещеры, что все, кто стоял, были сбиты с ног,

включая Шона. Он вскочил, выглянул в отверстие пещеры как раз вовремя, чтобы увидеть, как стена воды перевалила через северный край восточного вулкана и полностью затопила озеро в кратере. Большая часть воды имела достаточный импульс, чтобы проплыть прямо через весь кратер и устремиться вниз по южному склону вулкана.

Зрелище было настолько сюрреалистичным, что Шон не мог поверить, что это происходит на самом деле.

Но когда целая река морской воды отделилась от основного потока воды, который поднялся по склону вулкана, потекла вниз по долине между вулканами и направилась прямо к пещере, Шон бросил взгляд через плечо. Линда и Тим сидели вместе у уступа, играя в шашки на клочке песка, пока доска использовала несколько камней в качестве фигур, Шон отреагировал сразу же. Он побежал к детям, крича всем разминку. «Хватайтесь за что-нибудь! Прямо сейчас!»

Некоторые смотрели на него с недоумением.

Большинство его полностью игнорировали.

Когда он приблизился к бегущим детям, она крикнула: «Тим, Линда. Вставайте!» Они подняли глаза, увидели его и встали. Он схватил их, когда пролетал мимо, заставив обоих детей громко захрюкать.

В этот момент быстрая река воды хлынула через вход в пещеру. Когда он приблизился к выступу с ребенком под мышкой, вода обрушилась на него прямо перед тем, как он добрался. Ему удалось подбросить обоих детей на выступ, прежде чем его унесло потоком. Ему удалось сделать хороший вдох, прежде чем вода поглотила его, затем он снова и снова падал в бурлящем потоке, пока вода неслась его к задней стене пещеры. Он знал, что удар будет. Он приготовился к нему, напряг все мышцы, надеясь, что ничего не сломает и не будет слишком разорван на неровных краях стен. Несколько человек, таких же беспомощных, как он сам, врезались в него, падая, а он врезался в нескольких других людей, поскольку все были подхвачены мощным потоком.

Затем, бах! Он ударился о стену и снова отскочил, но, что удивительно, удар не причинил ему боли. Вода повернула его, и через щели глаз он ясно увидел, что вместо того, чтобы удариться о стену, он врезался головой в женщину с серебристыми волосами и в сине-белой полосатой рубашке, и она ударилась о стену, и он врезался в нее, а не в стену. В тот момент, когда

он увидел ее, прежде чем течение унесло его, она выглядела без сознания со сломанной правой рукой.

До этого момента вода была настолько мощной, что все, что он мог сделать, это плыть по течению, совершенно не контролируя его, и надеяться, что его не сожрут или не выбьют. Но теперь, когда течение исчерпало себя у дальней стены, оно было не таким сильным, и Шон понял, что у него быстро заканчивается воздух. Поэтому он пытался сохранить положение, чтобы определить, где верх, но он не мог хорошо видеть. Света почти не было, и соленая вода щипала глаза. Течения в объеме воды, заполняющей пещеру, все еще били его по телу, но он наконец смог сориентироваться, а затем поплыть вверх.

После пары сильных ударов его рука врезалась в потолок, едва не сломав пару пальцев. Это было чертовски больно. Он потянулся, нашел опору, поднял лицо к потолку, только чтобы обнаружить, что пещера внизу, в глубине, полностью затоплена, до самого потолка. Он подумал, что нужно плыть к отверстию, где потолок был выше, где у потолка будет слой воздуха, но в каком направлении? Он повернул голову, насколько мог, но не смог определить, где находится отверстие. Он попытался думать. Был день. Это означало, что самое светлое направление будет самым высоким направлением. К входу.

Он нашел самое яркое направление, затем, используя любые опоры, которые он мог найти на потолке, он подтолкнул себя вверх ногами к свету. Но на третьем хвате он порезал палец об острый край и случайно отпустил его, и он упал в воду.

Не обращая внимания на боли и порезы, а также на жжение в легких и глазах, которое усиливалось с каждой секундой, он поплыл к свету так быстро, как только мог, но, похоже, не добился никакого прогресса, а затем понял, что плывет против сильного течения. Его легкие были почти разорваны, когда он пинал на повышенных оборотах, плывя так быстро, как только мог. Его паника нарастала. Свет, казалось, становился ярче, когда он достиг своего абсолютного предела —

— он дышал!

Он вложил все силы, чтобы достичь потолка пещеры. Его паника поглощала его, когда он снова ударил рукой по потолку, содрав немного кожи с костяшек пальцев. Он нашел опору пальцами, подтянулся и поднял

голову и прижался губами к потолку. Его паника и отчаяние были полны. Вот оно. Вода или воздух, ожидая вдохнуть только воду. К его изумлению и полному облегчению, на потолке, где он находился, было несколько дюймов воздуха, и он жадно глотал его легкими за легкими.

Когда его дыхание почти вернулось к норме, он пополз по крыше к свету, снова используя ненадежные опоры для рук на потолке, пока не смог поднять всю голову над поверхностью воды. Он убедился, где что, и поплыл к входу. Как только вода стала только по грудь, и он смог стоять, он промчался по изгибу стены пещеры и увидел Тимми и Линду, стоящих на уступе, вода доходила им до колен. Когда они увидели его, их лица изменились с испуганных до смерти на внезапное облегчение, и они оба позвали его по имени.

«Оставайтесь там, где вы есть», — сказал он им. «Я приду к вам». Он вылез из воды и взобрался туда, где они были, и осмотрел их. К его радости, они были не только в порядке, но и едва мокрые.

«Ах, какая удача!» — пробормотал Сим. Из последних сил он забрался на выступ, тяжело рухнул вниз и прислонился к стене. Дети сидели по обе стороны от него и наклонялись, а он обнимал каждого из них, и все трое дрожали в объятиях друг друга.

В течение следующих нескольких часов пещера медленно осушалась, поскольку вода находила трещины и щели и различные другие пути выхода из пещеры. И по мере того, как она отступала, все больше и больше людей оказывались выброшенными на дно пещеры, тяжело дыша и задыхаясь. Шон хотел бы спуститься туда и помочь тем, кто в этом нуждался, но у него просто не было сил двигаться.

Тридцать минут спустя, после того как пещера полностью осушилась, Шон услышал крики, плач и вопли многих людей. Любопытствуя, он сошел с уступа, спустился к центру пещеры и увидел множество людей, лежащих вокруг, измученных, похожих на мокрых крыс. И около двадцати человек сбились в кучу около задней части пещеры, сломленные и плачущие. Он спустился туда и посмотрел.

Восемь человек лежали кучей мертвых на дне глубокой ниши.

Это было отвратительно.

Он ничего не мог сделать, кроме как посочувствовать тем, кто потерял близкого человека, и быть благодарным за то, что это не он и/или дети, лежащие там и становящиеся все холоднее с каждой секундой.

Через несколько минут Флеминг подошел и попросил Шона сопровождать его. Шон последовал за Флемингом к входу в пещеру, где собрались все три члена экипажа, шесть бортпроводников и две другие женщины, одной из которых была миссис Поттер. Они сбились в кучу, и Флеминг сказал: «Я пригласил вас сюда, чтобы узнать ваше мнение. Мы в беде. Эти мертвые тела представляют угрозу для всех нас. В таких условиях эти тела начнут немедленно гнить. Затем у нас вспыхнут тиф, холера и бог знает какие еще болезни. И когда так много людей находятся в такой непосредственной близости от этих тел, никто не будет застрахован». Он обвел глазами экипаж. «Мы постараемся заставить членов семьи взять на себя ответственность за перемещение тел, но если они по какой-либо причине откажутся, нам придется это сделать». Все мужчины и все женщины одновременно сглотнули, страх исказил их черты.

Неужели Флеминг просил его переместить эти трупы? Шон задавался вопросом. Он не знал, может ли он на самом деле прикоснуться к трупу.

«Что мы можем сделать с этими телами?» — спросила одна из женщин.

«Похороните их», — сказал Флеминг, выглядя мрачно.

«Похоронить их? Как?» — спросила миссис Поттер.

«Мне неприятно это говорить, поскольку мы имеем дело с членами семьи, но... похороните их в море», — сказал Флеминг, выглядя еще более мрачным.

Все молчали, размышляя о том, что это может значить.

Шон озвучил невысказанные мысли всех. «То есть сбросить их с горы и позволить цунами смыть их в море?»

«Да», — сказал Флеминг.

«Это будет трудно убедить членов семьи, не так ли?» — сказала одна из бортпроводниц.

«Да», — сказал Флеминг. «Но это необходимо сделать, иначе за это заплатят живые. И нам предстоит убедить их отпустить своих родственников».

При этой мысли Шон присвистнул себе под нос.

«Мы позволим этим телам лежать в гробу, дадим возможность семьям погоревать пару часов, а затем сделаем то, что должно быть сделано».

«У нас есть и другие срочные вопросы для обсуждения», — сказал Шон группе, радуясь возможности поговорить на эту тему.

«О?» — сказал Флеминг.

«Во-первых, — он повернулся к миссис Поттер. — А что насчет еды? Что-нибудь из нее сохранилось?»

«Мы потеряли около половины наших запасов продовольствия », — сказал ему Поттер. «Слава богу, я поместил большую часть в высокие ниши, когда мы только прибыли, но мы потеряли остальное. Думаю, у нас будет два приема пищи на человека в день еще четыре дня».

«Молодец», — сказал Шон, пораженный тем, что хоть что-то уцелело. «Во-вторых, мы должны подготовить живых к еще одному цунами. Если бы у одного хватило сил подняться на гору и попасть сюда, мы могли бы получить еще одно в любой момент».

«Ты прав, Шон, спасибо», — сказал Флеминг. «И нам лучше начать прямо сейчас».

Флеминг обвел взглядом экипаж. «Пойдем со мной».

Все они пошли к задней части пещеры, где утонули мертвецы, и родственники причитали, плакали и стонали над ними. Шон наблюдал, как Флеминг выразил свои соболезнования, затем попытался уговорить их помочь перенести тела их близких. Некоторые помогли, другие нет, но через несколько минут восемь тел лежали рядом друг с другом в ряд на правом склоне пещеры. Члены семьи стояли на коленях, плакали и молились, пока Флеминг говорил несколько слов, пытаясь успокоить души всех.

В это время Шон заметил тело одной из мертвых женщин и медленно приблизился к ней. У нее были серебристые волосы и рубашка в сине-белую полоску, и Шон внезапно понял без сомнений, что это была та женщина, в которую он врезался, которая смягчила его падение на стену пещеры и спасла ему жизнь. Ее правая рука была явно сломана и все еще кровоточила. там, где сквозь кожу торчала кость, и горячая вспышка вины пронзила его.

Был ли он ответственен за ее смерть? - спросил он себя.

Она умерла, чтобы он мог жить?

Конечно, он был полностью неуправляем в тот момент. Он не мог бы остановить себя или изменить ход событий, если бы захотел.

Но почему он жив, а она мертва?

Он знал, что никогда этого не узнает.

Не было никого, кто бы ее оплакивал, в точности. Люди, действительно убитые горем, похоже, не обращали на нее никакого внимания. Может быть, она путешествовала одна. Может быть, когда все это закончится и они вернутся в Штаты, все, что ее семья когда-либо будет знать о ее смерти, это то, что она не вернулась домой. И какой это будет позор.

Он решил, что попытается найти ее семью и помочь ей, если сможет узнать, кто она.

Флеминг повысил голос и обратился ко всем. «Люди! Люди, уделите минутку своего времени, пожалуйста». Все повернулись и обратили внимание на Флеминга. «У нас большие проблемы. Хотя эта пещера до сих пор спасала нам жизни, она, как вы видели, далеко не безопасна. Внезапно нам придется принять меры предосторожности, чтобы еще одно цунами не достигло такой высоты. Есть ли у кого-нибудь предложения?»

«Я случайно оказалась в той верхней части пещеры», — сказала миссис Поттер, указывая на правую сторону пещеры, которая поднималась к стене. «Когда вода спускалась через эту область», — она указала на центр пещеры, где она была самой низкой, «и там наверху», — она указала на левую сторону пещеры, где вода впервые достигла своей полной силы. «Я предлагаю нам оставаться на той стороне пещеры», — указала она. «И выходить наружу, когда можем, но когда не можем, использовать эту область, самую низкую, как туалет».

Шон прошел к центру пещеры. Он изучил ее планировку и попытался определить, как вода реагирует на топографию пещеры. Слава богу, выбранный им выступ был так высоко с правой стороны. Он спас Тима и Линду.

«Ладно», — сказал Флеминг. «Все на правом склоне. Посмотрим, все ли поместятся».

Все, кроме Шона, который перешел на левую сторону пещеры, переместились на правый склон. Это было тесно, но вмещало всех, если они не слишком много двигались.

«Ладно», — сказал Флеминг. «У нас было около трех или четырех секунд с момента первого удара до того, как вода затопила нашу пещеру. В следующий раз нам нужно будет попытаться перебраться через нужный склон как можно быстрее. Не толкайтесь, и все будет хорошо».

Может ли еще большее цунами достичь пещеры с еще большей силой и достичь уступа, где находятся дети? — спросил себя Шон. Он был ответственен за них, и их жизни могли легко зависеть от любого из его решений. Что делать?

В конце концов он решил, что нет способа узнать, что делать. Все, что он знал, это то, что дети остались наверху и сухими во время первого цунами. Поэтому они останутся на выступе.

Шон поднялся на выступ. Он по очереди посмотрел на Линду и Тимми. «Я знаю, что это будет трудно», — сказал он им самым серьезным голосом. «Но я хочу, чтобы вы оба оставались на этом выступе как можно дольше. Я буду приносить вам еду оба раза в день. Хорошо?»

Оба ребенка кивнули.

Шон вернулся в центр пещеры, пока Флеминг пытался снова привлечь всеобщее внимание.

«Кроме того, эти трупы представляют еще большую угрозу», — сказал Флеминг. «В течение двенадцати часов в этом климате они начнут разлагаться. В течение двадцати четырех часов они начнут заражать эту пещеру многочисленными болезнями. Поскольку эта ужасная погода вынуждает нас оставаться в такой непосредственной близости друг от друга и от этих трупов, что нам делать?»

«Хороший план, мэр, — подумал Шон. — Заставьте родственников принимать трудные решения».

После нескольких минут относительно тихих дискуссий вспыхнули яростные споры, когда люди по крупицам выясняли, что следует сделать, что необходимо сделать, что в конечном итоге будет сделано. Посыпались угрозы. Последовали толчки. Началась драка, пока Флеминг не встал между дерущимися. Они отступили, пока мэр пытался их успокоить —

— когда остров снова затрясся.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«Второе цунами»

На лицах всех отразилась паника, и они снова начали растягиваться.

Шон вскочил на ноги и помчался к выступу, зная, что у него осталось всего четыре или пять секунд до потопа. Он пробежал через пещеру и добрался до уступа как раз в тот момент, когда в пещеру с ревом хлынула еще одна река воды. Он схватил детей, когда ложился, и запихнул их в угол стены. Шон прижался спиной к воде и уперся обеими ногами и одной рукой во внутренний край стены уступа, чтобы не смыть себя и детей, когда вода с грохотом пронеслась через пещеру и снова ударилась о дальнюю стену. Как и в случае с первой волной, естественные образования отвели большую часть этого второго потопа к левой стороне пещеры, но он не достиг уступа. Пока нет.

Но когда первоначальный удар воды о дальнюю стену сформировал отскочившую волну, вода поднялась и достигла уступа. Ей удалось поднять всех троих с поверхности уступа и унести их прочь. Шон держался за детей изо всех сил, одной рукой намереваясь позволить своему телу защитить их, если их унесет к другой стене.

Но через несколько секунд он отбросил их обратно на склон, ведущий к выступу, поскольку вода немного успокоилась. Шон и дети бросились обратно на выступ, сели и могли слышать крики, вопли и панику от всех остальных, хотя они не могли ничего видеть со своей точки обзора.

Шон встал и огляделся, но сейчас он никак не мог добраться до другой стороны пещеры, чтобы помочь нуждающимся, без...

Он не мог плавать по поверхности воды, потому что в большей части пещеры она поднималась до потолка. Единственный способ помочь кому-либо — нырнуть под поверхность и попытаться остаться под водой до конца. Но он видел течения и насколько они были сильными, и он знал, что были всевозможные препятствия, торчащие из пола и свисающие с потолка. Было бы самоубийством пытаться сделать это прямо сейчас. Поэтому он снова сел, обнял детей, послушал крики людей и подождал, пока уровень воды упадет.

Десять минут спустя большая часть криков стихла, и Шон смог пройти часть пути и проплыть над водой остаток пути, пока не оказался на остальной части правого склона, где все остальные сгруппировались, который

теперь был выше отметки прилива. Большая часть центральной части пещеры все еще была глубокой, а задняя треть все еще была затоплена. Из того, что он мог понять из лепета, плача и разговоров тех, кто был наиболее расстроен, еще трое человек были смыты водой — вместе с первоначальными восемью, которые погибли — и пока не всплыли.

Тридцать минут спустя почти вся вода сошла, оставив после себя отвратительную кучу из одиннадцати тел, зажатых у задней стенки пещеры. Семьи новых жертв первыми подошли к куче, и к их ужасу и печали их худшие опасения оправдались. Многие разразились рыданиями.

Шон подумал, что это самое трагичное и жалкое зрелище, которое он когда-либо видел. Затем он почувствовал прикосновение к плечу и повернулся, чтобы увидеть, как Флеминг жестом велел Шону следовать за ним туда, где снова собрались весь экипаж, миссис Поттер и другая женщина. Когда они все собрались в кучу, Флеминг прошептал: «Мы должны избавиться от тел. Сейчас. Пэтти, — он посмотрел на миссис Поттер, — вы с Полой, — он посмотрел на другую женщину, — устраните помехи. Постарайтесь успокоить любого, кто возражает. Остальные из нас, — он окинул взглядом экипаж и остановил свой взгляд на Шоне, — подберут эти тела и разместят их...» Он замолчал, размышляя. «Ну, мы вытащим их из пещеры... и... решим, что с ними лучше всего сделать, когда сделаем это». Он снова оглядел кучу. «Давайте сделаем это».

Шон громко сглотнул при мысли о том, что ему придется прикоснуться к этим телам.

Флеминг спустился туда, где куча переплетенных тел была свалена у дальней стены. Он поднял руки. «Люди, мы должны сделать то, что должно быть сделано». Он понизил голос и сказал: «Мне жаль».

Экипаж подошел к куче. Джонс, второй пилот и штурман Таттл вытащили женщину, которая была наверху кучи, из-под остальных за руки. Ее было довольно легко вытащить. Двое бортпроводников схватили ее за лодыжку, и все четверо понесли ее к входу.

Флеминг жестом пригласил Шона присоединиться к нему, а сам схватил чье-то запястье и начал тянуть.

Шон не мог в это поверить. Неужели он действительно должен был переместить одно из этих тел?

Флеминг бросил взгляд через плечо, и его глаза сказали многое, но он просто сказал: «Шон. Мне нужна твоя помощь».

Шон шагнул вперед, изо всех сил старался засунуть свои чувства и страхи глубоко внутрь себя и взглянул. Запястье Флеминга принадлежало... дайте-ка посмотреть... тому парню, который носил темно-синие брюки с носками и туфлями. Так что если бы он схватил эту лодыжку в куче, там, и потянул вверх и влево, парень мог бы высвободиться из кучи, и мне не придется трогать его плоть. Шон тяжело сглотнул, наклонился, схватил эту лодыжку и потянул вверх и влево, и мужчина выскользнул из кучи. Двое других бортпроводников схватили лодыжку и запястье соответственно, и вчетвером они понесли тело к входу.

Шон ожидал, что родственник немедленно встанет перед ними и попытается остановить их, прибегнув к насилию, если потребуется, или, по крайней мере, потребует объяснить, что происходит. К его удивлению, никто не сказал им ни слова.

Они добрались до входа, где остановились остальные, уставившись на бурю с ужасом на лицах. Шон и остальные прошли мимо них с телом. «Я, возможно, знаю, что делать», — сказал Шон. «Давайте встанем у каменной стены справа. Ветер не так уж и силен примерно на тридцать футов».

Шон знал это, потому что он отказался пользоваться общественным туалетом в дальней части пещеры, как это делало все сообщество. И им повезло, что они использовали это место, потому что вся дождевая вода, которая хлынула в пещеру, вытекла из пещеры через эту нишу, так что все отходы медленно выцвели и не вернулись обратно в пещеру.

К сожалению, этот процесс шел очень медленно. Потому что за последние несколько дней пещера начала вонять, потом вонять еще сильнее, потом она определенно воняла, прежде чем стала совершенно гнилой. Так что Шон приходил сюда, когда ему было нужно. Сначала дождевая вода, а теперь ветер уносили то, что он отложил. По крайней мере, он на это надеялся.

В тот момент, когда они вышли из пещеры, сильный порыв ветра, который обнимал стену, едва не сбил их с ног. Следующий порыв ветра сбил Флеминга с ног, затем две женщины выпустили свое тело. Флеминг поднялся на ноги, женщины снова взяли за него, и они пошли вдоль

стены. Третий порыв ветра сбил всех четверых, и они все выпустили свое тело.

Шон встал на четвереньки и прищурился от ветра. Света было едва достаточно, чтобы разглядеть, где заканчивалась каменная стена у южного края кратера. Ветер ревел в полную силу — по его прикидкам, не менее ста пятидесяти миль в час — с севера на юг. Однако они были относительно защищены вдоль этой скалы. Если он сможет затащить тело на край кратера, ветер должен был унести его. Он надеялся.

Он огляделся: Флеминг задыхался, женщины выглядели напуганными до смерти.

Он знал, что ему нужно делать.

«Оставайся здесь!» — закричал он, но ветер разнес его слова, и они не достигли двух футов. Он встал, схватил тело за лодыжки и потащил его по скале к краю кратера.

Господи, это отвратительно, подумал он, когда тело царапнуло по грубому камню. Он не мог слышать, но он мог чувствовать, когда тащил труп.

Он не мог поверить, что на самом деле тащит труп в циклон среди ночи.

Когда он приблизился к открытой горе, сильный ветер сбил его с ног. Он встал на ноги и снова потащил тело, пока не оказался примерно в десяти футах от конца каменной стены, которая укрывала его от всей силы ветра. Он сглотнул, снова схватился за лодыжки этого бедняги, подпрыгнул, подпрыгнул, повернулся и подпрыгнул и со всей силой, на которую был способен, швырнул тело к краю.

Это был хороший бросок. Тело приземлилось на краю кратера под сильным ветром, пролежало неподвижно секунду, а затем исчезло на внутреннем склоне и скатилось в озеро, окружавшее купол кратера.

С его плечом, царапающим стену скалы, он пошел обратно к своим товарищам, которые наблюдали за ним с того места, где они упали. Они остановились при его приближении, и все они бросились обратно в пещеру.

Шон наклонился и прошептал на ухо Флемингу: «Если вы все вынесете тела наружу, ко входу, я донесу их до конца».

Флеминг кивнул, и Шон жестом велел второму пилоту, штурману и двум бортпроводникам следовать за ним с телом, которое они все еще несли, и

он вышел обратно в шторм. Оказавшись снаружи, Шон жестом велел им выбросить тело. Они так и сделали. Затем Шон заметил, что это была седовласая женщина в сине-белой полосатой рубашке, и его сердце упало. Он тяжело сглотнул, схватил ее за лодыжки и... на этот раз действительно коснулся плоти.

Это было отвратительно! Ее кожа была такой холодной и липкой и ... ощущалась как застывший жир.

Она отдала свою жизнь, пусть и невольно, чтобы он не получил даже синяка, и вот он бросает ее тело богине горы.

Невероятный.

Стараясь не думать о том, что он делает, он тащил ее тело вдоль стены скалы, и когда он приблизился достаточно близко к краю, он вытолкнул ее в зубы ветра, и он унес ее прочь. Чисто. Не было никаких доказательств того, что с ней произошло. Как будто ее никогда и не было.

Но когда он вернулся ко входу в пещеру, прямо снаружи было выложено еще одно тело. Стараясь ничего не чувствовать, ни эмоциями, ни разумом, ни руками, ни всем телом, и стараясь даже не видеть, кто это был, он тащил тело за телом за лодыжки вдоль каменной стены и выбрасывал их на ветер, где они лежали мгновение, прежде чем исчезнуть из виду.

Он был полностью отвращён тем, что ему пришлось сделать. Это было мерзко и отвратительно! Дважды его желудок выбрасывал своё содержимое на ветер, где оно исчезало из виду так же быстро, как и тела; и ни одно из них даже не касалось земли. Слава богу, его ни разу не отбросило обратно в лицо.

Он смог приучить себя к этому опыту настолько, что прежде, чем он это осознал, последнее тело ушло по пути первого, и Шон смог вернуться в пещеру. Ему потребовалось десять минут, чтобы его слух полностью вернулся, настолько шумным был ветер снаружи. Он просидел на выступе, прижавшись к детям, всю оставшуюся ночь, пока не провалился в беспокойный прерывистый сон, состоящий из сюрреалистических снов.

Тела. Голые. Сваленные в кучу. Гниющие. Мгновенно разбрызгивающиеся из виду.

Он проснулся, застывший как окаменевшее бревно, и обнаружил, что дети использовали его как подушку. Снова. Он лежал там, становясь все более застывшим и неудобным, и пожертвовал собой, чтобы они могли

хорошо выспаться ночью. После еще одного мучительного часа они наконец проснулись и скатились с него.

Сообщество молча завтракало. Шон принес немного еды для себя и детей, и они ели на выступе, не говоря ни слова.

После завтрака Шон вышел из пещеры и прижался к каменной стене справа. Сила ветра не уменьшилась ни на йоту. Он все еще бушевал во весь опор и был таким же громким, как и всегда. Он осторожно двинулся вдоль стены, пока не оказался в трех футах от отверстия в горе, где ветер выл со скоростью сто пятьдесят миль в час. Он попытался заглянуть вниз по горе, туда, где исчезли тела, но ничего не увидел, и он определенно не хотел приближаться и подставлять какие-либо части своего тела этому ветру. Он задавался вопросом, утонули ли эти тела в озере или они там, внизу, прямо сейчас, зацепились за корягу или висят частично внутри одной из небольших пещерных трещин, которые усеивали склон? Плавали ли они на воде и были на виду? Он не знал, сможет ли он снова увидеть их при любых обстоятельствах.

Он рефлекторно взглянул на часы. Он не был слишком удивлен, что они были мертвы.

Он вернулся внутрь и сел на выступ с детьми. Они играли в крестики-нолики на песке, пока не смогли играть в другую игру. Солнце взошло, хотя они его и не видели. Гнетущие облака были слишком густыми, но стало немного светлее.

Около полудня еще одно цунами потрясло остров, но в пещеру проник лишь небольшой поток воды, и никто не пострадал. Около полудня еще одно цунами едва потрясло остров, и на этот раз в пещеру проникла лишь струйка воды. Шон надеялся, что шторм уходит в море, а его сила уходит вместе с ним, и эти опасные цунами перестали быть угрозой. Так, во всяком случае, казалось.

Время покажет.

Буря бушевала весь день, всю следующую ночь и весь следующий день.

Ветер выл, и он визжал, и кричал, и ревел, и ревел, но в основном он визжал, и визжал, и визжал еще больше. Шон не мог поверить, что что-то может иметь столько силы и никогда не останавливаться. И все это время

все, что он мог сделать, все, что мог сделать любой, это сидеть и сидеть, и сидеть еще немного, и надеяться, что буря не будет длиться вечно.

Все эти бесконечные дни и ночи он думал, что может сойти с ума от скуки. Его разуму нечем было занять, поэтому он живо пережил, как тащил эти тела по грубой скале, и он ясно вспомнил, как они бессвязно приземлились на краю кратера, и он ясно видел их лежащими там и размытое бесцветное бесформенное, которое исчезало вниз по склону и в кратерном озере снова и снова и снова. Бесцветное бесформенное, которое когда-то было теплым человеческим существом, которого кто-то любил.

И вот, в мгновение ока, его не стало.

Навсегда.

Невероятный.

К четвертому вечеру еда закончилась.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Дом в дикой природе»

Наконец, сразу после заката пятой ночи, ветер начал завывать не так жаростно, затем он замедлился еще больше, затем он дул порывами в течение пары часов, прежде чем полностью прекратился. Во время первого затишья все вышли наружу и удивились отсутствию ветра. Но сильный порыв заставил их снова ретироваться в пещеру. Около часа лил сильный дождь с ужасными порывами, затем шторм утих и, наконец, сразу после полуночи он прекратился совсем.

«Можем ли мы наконец выбраться из этой пещеры и вернуться в деревню, дядя Шон?» — спросила Линда. Тимми кивал так быстро, как только мог рядом с ней.

«Завтра», — сказал им обоим Шон. «Мы хотим быть абсолютно уверены, что шторм закончился. Может быть откат ветра и воды, которые все еще могут унести нас в море». Дети уставились в пространство, пытаясь представить, как это может быть.

Шон не сомкнул глаз всю ночь. Он позволил снова использовать себе подушку, чтобы дети могли спокойно спать, пока он пытался понять, каким будет этот остров после такого шторма. Осталась ли там вообще еда? Будут

ли они все голодать? Или будут драться друг с другом за то, что осталось есть?

Затем он задался вопросом, что стало с Гарри и его приспешниками. Нашли ли они подходящее место, чтобы переждать шторм, или их унесло в море? К его изумлению, ему было все равно, так или иначе.

Рассвет был яркий и радостный, на небе ни облачка. Солнце грело и манило, давая всем надежду, что их испытание наконец-то закончилось. Но прежде чем позволить детям выйти из пещеры, Шон обошел весь край кратера и не увидел никакой угрожающей погоды, которая заставила бы их затаиться еще на минуту.

Слава богу.

Он также заметил, что озеро в кратере было полностью заполнено водой, вплоть до края, где цунами заполнило его, но ветер еще не сдул верхние несколько футов. Он не мог видеть никаких тел, слава богу. И он увидел что-то странное в центре озера. Это было похоже на пузырьки, много пузырьков, поднимающихся на поверхность.

Шон, дети и все остальные спустились с горы, стараясь не вызвать лавину, которая могла бы похоронить их всех под сотней футов сломанного и рыхлого склона горы. Они вернулись в деревню и осмотрели ущерб. К удивлению Шона, он не так уж сильно изменился. Да, весь растительный мусор, который был разбросан повсюду в этой области, был вынесен в море, но почти все деревья, кусты и подлесок остались нетронутыми. И даже река с ее обильной рыбной жизнью выглядела так же, как и прежде.

Станный.

Теперь Шон понял, почему на этой скале нет никакой животной жизни. Все, что не может улететь или найти какое-то другое убежище выше уровня прилива, никогда не сможет пережить шторм любого масштаба. И он предположил, что в этой части мира каждое лето, как по часам, случаются циклоны.

Флеминг воспользовался этой возможностью, чтобы вызвать списков из манифеста. Пятнадцать человек не ответили. Это были те, кто погиб, плюс Гарри и три подставных лица. Шон потратил несколько минут, проверяя семьи погибших, и обнаружил, что никто не узнал его описание женщины с серебристыми волосами, которая спасла ему жизнь. И были еще две женщины, которые умерли, но которых никто не знал. Они, должно быть,

путешествовали одни, потому что у них не было родственников на острове. Это также означало, что он не знал, кто из трех спас ему жизнь.

Все провели этот день, отдыхая и дремля, слишком уставшие, чтобы что-либо делать, включая Шона и детей. Шон был рад снова почувствовать под собой мягкий песок и легко задремал. Ближе к вечеру животы всех зашевелились, включая Шона и детей, которые были назначены в пожарный комитет. Потребовалось немного усилий, но в конце концов они насобирали достаточно сухих дров, чтобы повара могли пожарить немного рыбы.

К тому времени, как они закончили есть, уже стемнело. Затем Шон, Линда и Тимми свернулись калачиком на ночь под зарослями кустов. Все было таким новым, захватывающим, странным и опасным, что Шон задавался вопросом, что же произойдет завтра.

На рассвете в общине кипела деятельность. Собиратели покинули деревню в поисках чего-нибудь съедобного. Рыбаки изготовили рыболовные копия и вскоре на берегу плескались десятки двух-трехфунтовых рыб. Бригада уборщиков начала рыть большую траншею заостренными шестами. Они выкопали разрыхленную песчаную почву с несколькими более крупными ракушками.

Профессиональный архитектор Рэймонд Бэнди взял на себя руководство плотниками. Он и его оперативная группа нашли большой, негниющий кусок дерева, подперли его восемью толстыми ветками и сделали стол длиной двадцать футов. Они использовали перочинные ножи и начали вытачивать грубые миски и ложки.

Пожарный комитет Шона разжег огонь, пока он не загорелся, заменил использованные дрова и нашел еще много. Они сложили излишки на пустом месте к западу от деревни. Затем они спустились по полуострову, разделяющему северную лагуну от восточной бухты, нашли самый высокий холм и развели большой сигнальный костер, готовый зажечься на случай, если мимо пройдет корабль.

Через два часа после восхода солнца работа Шона была сделана, благодаря детям, и он мог заняться своими личными делами. Он вернулся в джунгли и обрезал пятнадцать тонких лоз примерно той длины, которая ему была нужна, сделав их немного длиннее, чем он считал нужным. Пять из них были длиной в три фута, десять — длиной в тридцать футов. Эти лозы были толщиной с его большой палец и на удивление гибкими.

Вернувшись в деревню, он выстрогал мечом двадцать пять деревянных кольев длиной около восемнадцати дюймов, диаметром два дюйма на одном конце и острыми концами на другом. Он сделал зарубку глубиной в полдюйма на каждом коле на один дюйм ниже толстого конца. Затем он завязал небольшую петлю диаметром около одного дюйма на одном конце всех пятнадцати лоз и затянул узлы так туго, как только мог. Он заручился помощью Тимми и Линды и двух других детей, Билли Томпсона и Эрика Бледсоу. Теперь он был готов.

Шон подошел к тем пяти молодым саженцам, которые он заметил в день их прибытия, те, что росли на расстоянии четырех футов друг от друга, образуя полукруг в сто восемьдесят градусов диаметром около десяти футов. Он взобрался на самое дальнее дерево справа, пока его вес не согнул ствол, и он не оказался на земле. Затем дети схватились за дерево, чтобы удерживать его согнутым, пока он привязывал один конец меньшей лозы в трех футах от верхушки дерева, убедившись, что есть несколько веток хорошего размера дальше к верхушке, которые не дадут дереву выскользнуть из узла. Он вставил кол в петлю на другом конце лозы и вбил кол в почву молотком, который он позаимствовал из набора инструментов самолета, образовав почти идеальную арку со стволом. Он повторил этот процесс со всеми пятью деревьями, вбивая колья в почву прямо рядом друг с другом.

Шон попросил детей принести ему все пальмовые листья, которые они смогли найти, затем он осторожно заполз на спине внутрь куполообразных стволов деревьев и обрубил все ветви, которые свисали вниз в жилое пространство, создав прекрасную гостиную. Затем он вышел наружу и обрубил ветви, которые торчали вверх, и внешняя поверхность стала достаточно гладкой.

Вскоре куча листьев выросла до достаточных размеров, и Шон приступил к задаче по покрытию внешней стороны хижины слоем за слоем пальмовых листьев, начиная с нескольких дюймов от земли и продвигаясь к вершине. Затем он воткнул один конец тридцатифутовой лозы в землю у основания боковой стены, провел эту лозу вверх и через верх хижины, привязал еще одну петлю к другому концу лозы на нужной длине, вставил кол в конец петли, натянул лозу и воткнул этот конец в землю.

Держа их на расстоянии двух футов друг от друга, Шон закрепил еще девять лоз наверху. После того, как он прорезал небольшой проем в задней части хижины между двумя стволами, через который он и дети могли пролезть, она была готова. Или почти. Линда и Тимми нашли достаточно сухой травы, чтобы сделать мягкие кровати в своем новом доме.

Затем Шон обошел свой новый дом, проверяя ветви и лианы. Он выглядел достаточно прочным, но он никогда не строил ничего подобного раньше. Может ли первая сильная гроза уничтожить всю его работу? Трудно сказать. Вероятно.

К сожалению, был только один способ узнать это наверняка.

Шон решил добавить еще двадцать лоз на вершине своего нового дома в течение следующих нескольких дней, надеясь добавить прочности и безопасности против сил природы. Каждый день он проверял кольца и забивал те, которые ослабевали. И он всегда мог добавлять все больше и больше лоз в течение месяцев, если это было необходимо.

Он отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой, и заметил, что у него есть зрители. Пара десятков человек улыбнулись ему, а некоторые разразились аплодисментами. Даже мэр Флеминг и большая часть летного состава подошли и похвалили его за проделанную работу.

Гордыня возросла. Он обрел дом в пустыне.

Они съели чудесный ужин, который принесли рыбаки и собиратели, а повара приготовили на огне, который команда Шона поддерживала весь день. Это было чудесно.

Во время ужина Шон беспокоился о том, что случилось с Гарри и марионетками. Где они? Пережили ли они штормы? Если да, могли ли они обосноваться на другой стороне острова и планируют ли там остаться?

Он надеялся, но не боялся. День, когда они не смогли повелевать своей силой и подлостью над другими, был для этих ребят, несомненно, потерянным днём. Нет, подумал Шон, если они выживут, они вернутся, когда решат, что наша концентрация ослабла.

Он прислонился к дереву и почувствовал странное ощущение, которое он почти сразу же распознал как удовлетворение. Какая удача, подумал он. Этот остров был садом. Достаточно большим, чтобы удовлетворять все их потребности бесконечно...

Мозг Шона замер, когда до него дошли все эти мысли.

Сад — да, но этот остров был еще и тюрьмой. Он и дети были полностью изолированы от друзей, семьи и всех благ цивилизации — водопровода, сменной одежды, телевизора, музыки, хороших китайских ресторанов, мороженого.

Никакого мороженого! Шон невольно застонал.

По другую сторону костра от него мужчина начал жаловаться, сначала тихо. Когда никто не обратил на него внимания, его голос повысился, пока не начал раздражать Шона. Его звали Гарольд Пинкертон, и ничто не подходило ему: остров, еда, необходимость «ночевать под открытым небом», как он выразился. Он жаловался, что не должен мириться с этими «нелепыми обстоятельствами». Он хотел, чтобы все знали, что ему никогда в жизни не приходилось сталкиваться с такими лишениями. Он как бы между прочим упомянул по крайней мере три раза, что он стоит больше миллиона долларов.

Шон хотел спросить его, что бы он предпочел: умереть и лежать на дне океана или быть унесенным волнами, но он промолчал, что было совсем на него не похоже.

Группа из десяти молодых, симпатичных женщин, путешествовавших вместе, привлекла внимание Шона. У него не было возможности заметить их в пещере. Будучи недавним выпускником колледжа, они напомнили ему стайку неразлучных девушек из женского студенческого общества. Они проводили каждую секунду своего свободного времени, разговаривая и хихикая между собой, как будто наслаждаясь множеством личных шуток. Он без проблем убедил меня оставить их в покое.

Его страхи усилились позже тем же вечером, когда он случайно проходил мимо одной из них, когда она была одна. Она была потрясающе красива, лицо, за которое можно было умереть, пара ног, которые могли остановить грузовой поезд на расстоянии мили. Длинные, прямые, светлые волосы безжизненно свисали ниже плеч. Ее толстые, чувственные губы опустились в уголках в постоянно надутые губы.

Когда она приблизилась, их взгляды на мгновение встретились.

Шон улыбнулся и сказал: «Привет».

Она подняла свой тонкий носик в воздух, и ее глаза стали холодными. Она прошла мимо, полностью пренебрегая им.

«Ну что ж, — подумал он, — я не приглашу ее на свою новоселье».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«Гора пробуждается»

Наконец-то. Ааааа .

Шон сидел, прислонившись к большой финиковой пальме прямо у своего нового дома. Ему было тепло. Сыто. Уютно. И он был доволен, зная, что Тимми и Линда спят рядом с ним в выкопанных ими местах в песке, чтобы вместить человеческое тело, внутри их новой хижины. Теперь, когда он об этом подумал, он был настолько счастлив, насколько это вообще возможно, учитывая обстоятельства, когда он оказался на тропическом острове без каких-либо удобств домашнего очага.

Он испустил долгий удовлетворенный вздох, еще глубже зарылся в свою постель из листьев... и только что задремал...

— когда остров содрогнулся.

Точно так же, как это было, когда произошло первое цунами.

Шон резко выпрямился, и его разум заработал на полную катушку. Он понял, что у него есть около пяти секунд, чтобы доставить детей в пещеру в горе, которая находится более чем в миле отсюда и на высоте тысячи футов.

Его сердце замерло, когда он понял, что примерно через четыре секунды его, Тимми, Линду и всех остальных на острове унесет в море. Если первый удар не убьет их, они утонут через несколько мгновений. После всего, что им пришлось пережить, какой путь им пришлось пройти.

Секунду спустя он услышал много голосов, большинство из которых кричали или вопили в панике. Он выбежал наружу и посмотрел вверх. Море звезд в черном океане неба.

Он решил, что лучше попытаться что-то сделать, чем не пытаться. Он знал, где примерно в десяти футах от хижины находится отрезок лианы. Он привяжет себя и детей к самой большой пальме и будет надеяться. Если они смогут добраться так далеко.

Он взглянул на север, ожидая увидеть стену воды, несущуюся к ним, что наверняка означало бы их гибель. Но вместо этого он увидел лунный свет, отражающийся от спокойной воды в северной лагуне. Он огляделся.

Огонь погас до тлеющих углей, но давал достаточно света, чтобы очертить силуэты всех членов общины, которые толпились вокруг. Криков больше не было, но в глазах у всех была паника, поскольку они задавались вопросом, что происходит.

Линда и Тимми вышли на улицу и встали рядом с дядей.

В этот момент остров снова содрогнулся от ужасного скрежещущего стоны, словно огромные валуны в мгновение ока превращались в пыль. Звук был таким громким, что у Шона болели уши. Некоторые люди теряли равновесие. Шон не терял равновесия. Он посмотрел вверх. Небо было чистым. Он посмотрел на восток. Восточная лагуна была спокойной и ровной.

Должно быть, это простые землетрясения, подумал Шон. Затем он понял, что землетрясения, способные потрясти весь остров, не могут быть добром.

Он услышал звук, который не смог сразу распознать. Звук усиливался, пока он не смог сказать, что это было. Шипение. Как будто закипела вода. Звук медленно становился все громче и громче. Много воды. Быстро закипает и под давлением.

Но откуда?

Шипение становилось все громче и громче, пока Шон не смог определить, откуда доносится звук. Он повернул голову на запад и увидел огромный столб пара, поднимающийся из конуса ближайшего вулкана, того самого, на котором он уже много раз стоял. Столб был настолько плотным, что казался непрозрачным. Он был рад, что не находится там прямо сейчас, и очень рад, что это не произошло во время циклона, когда все сообщество было там. Пар выглядел ярко-оранжевым, пока не рассеялся на тысячи футов в атмосфере. Это было жутко. Нет, более чем жутко, это было сюрреалистично, но также и по-своему красиво.

Вулкан дымился добрых тридцать минут, и все жители деревни наблюдали за ним, бормоча себе под нос, прежде чем гора наконец успокоилась.

Ну, это не так уж и плохо, подумал Шон. На самом деле, это было великолепно. Непрозрачный столб ярко-оранжевого пара шириной в полмили, который был настолько плотным и двигался так быстро, что исчез только когда поднялся в воздух на высоту не менее двадцати тысяч. Это,

вероятно, было зрелище, которого никто никогда не видел, решил он. Он подошел к детям, обнял каждого и собирался что-то сказать, чтобы успокоить их, как вдруг...

— на острове произошло еще одно землетрясение.

На этот раз он был в десять раз мощнее любого из предыдущих землетрясений. Он прозвучал так, как будто прямо в уши выстрелила пушка, на мгновение оглушив всех. Казалось, весь остров сдвинулся на три фута в одном направлении, а затем резко вернулся назад, сбив всех на землю.

Шон приземлился лицом к западу и, не веря своим глазам, наблюдал, как сплошная масса полурасплавленной породы — которая, должно быть, была четверть мили в кубе — вылетела из ближайшего вулкана и поднялась прямо в воздух, как будто в замедленной съемке. Он поднялся на ноги, не отрывая глаз от огромного снаряда, который гора выплюнула в воздух, продолжая подниматься все выше и выше. Он состоял из четырех или пяти огромных сгустков расплавленной магмы, которые, казалось, вращались друг вокруг друга, поднимаясь в воздух.

«Дети! Идите сюда», — крикнул Шон, все еще глядя вверх. Тимми и Линда были прямо рядом с ним, и каждый из них обнял Шона за талию, наблюдая за тем, что гора выбросила в воздух.

Пока Шон наблюдал, как эта штука продолжает набирать высоту, он задавался вопросом, где она собирается приземлиться. Казалось, что она летит прямо вверх, прямо сейчас, и когда она упадет, то может просто приземлиться внутри вулкана. Но он в это не верил. Эта штука определенно собиралась приземлиться где-то недалеко от острова, но пока у него не будет хоть какого-то представления о том, где это может быть, они могли бы оставаться там, где были. Они не хотели бежать под этой штукой, когда она упадет.

Он поднимался все выше и выше. Казалось, что он будет продолжать подниматься, пока не скроется из виду, но всего через несколько секунд он перестал подниматься и, казалось, завис, прежде чем начал увеличиваться. Шон наблюдал, как эта штука пролетела прямо над ними, словно собиралась приземлиться прямо на деревню. Многие начали кричать, некоторые побежали, большинство сделали и то, и другое. Шон держался за детей и не двигался, думая, что на данный момент они здесь в такой же безопасности, как и везде.

Шон наблюдал, как этот кусок расплавленной горы проплыл прямо над их головами. По мере того, как он становился все больше и больше, Шон мог хорошо рассмотреть его. Поверхность была темно-красной, все еще жидкой, едва, но также начинавшей остывать. Он мог видеть ярко-оранжевую и желтую внутреннюю часть через большие трещины.

Внезапно кусок летящей горы увеличился в небе, пока, казалось, не заслонил большую его часть, пока он не рухнул на восток, пока не плюхнулся в океан прямо у северо-восточной косы земли, которая разделяла восточную лагуну и северную бухту. Удар послал приливную волну высотой в десять футов наружу во всех направлениях. Шон увидел, как мини-цунами приближается прямо к ним через восточную лагуну со скоростью сто миль в час и будет там через несколько секунд. Он подхватил детей на руки, подбежал к гигантской пальме и обнял ее.

Но большая часть силы волны пришлась на пляж, и волна воды глубиной всего в пару метров пронеслась через деревню. Единственный реальный вред, который она нанесла, заключался в затоплении огня, который потрескивал и дымился в течение нескольких секунд, затем волна утонула в песке и исчезла.

Шон обнаружил, что сильно вспотел от нервозности, когда опускал детей. Он опустился на одно колено, чтобы посмотреть им прямо в глаза, и попытался улыбнуться. «Ух ты, это было близко, да?»

Им было не до смеха. На лицах обоих отражался ужас.

«Да, вы правы», — сказал им Шон. «Это было совсем не весело. Давайте...»

В этот момент остров начал ворчать и посылать непрерывные, едва заметные ударные волны по всему острову. По мере того, как ворчание становилось громче, ударные волны становились больше.

Шон огляделся, пытаясь сдержать панику. Что теперь? За последние несколько минут и за последние несколько дней он видел невероятные вещи, и этот остров явно еще не закончил с ними. Он уже трижды был близок к тому, чтобы убить их всех, может, на этот раз ему это действительно удастся.

Грохот усилился. Ударные волны стали более интенсивными, как по частоте, так и по интенсивности, пока Шон не подумал, что весь остров может развалиться в любую секунду...

—когда оба резко остановились—

— и наступила пауза в две секунды —

— и тут со стороны ближайшей горы раздался оглушительный рычащий рев, и остров начал вибрировать.

Все обернулись, чтобы посмотреть, как гигантский фонтан лавы хлынул из вулкана на высоту ста футов и упал обратно, когда новое извержение выбросило в воздух еще больше лавы, и она упала обратно, а гора вытолкнула в воздух еще одно извержение, и эта картина бесконечно повторялась.

Затем, несколько минут спустя, Шон увидел, как река лавы перелилась через край кратера и начала течь вниз по южному склону вулкана.

Люди запаниковали. Они кричали, кричали и начали бегать в разных направлениях, некоторые кругами, настолько они были растеряны.

Мозг Шона быстро заработал. Он подумал о старом лесу между деревней и горой. Он вспомнил возвышающуюся часть вулкана к востоку от кратера, между горой и деревней, и то, как края кратера были ниже к северу и югу. Он вспомнил новый лес, растущий на лавовом поле к югу от горы, и старый поток лавы, стекающий по северной стороне горы, и он крикнул: «Подождите!» так громко, как только мог.

Большинство людей перестали кричать, кричать и бежать и повернулись, чтобы посмотреть на него. «У меня нет времени объяснять», — сказал он во весь голос. «Я знаю, куда течет поток лавы, а куда нет. Следуйте за мной». Он знал, что прошлые извержения текли только по северной и южной частям горы, и они никогда не добирались до того места, где сейчас находилась деревня, но это не означало, что поток не доберется сюда на этот раз. И поскольку он хотел уйти как можно дальше от потока лавы, он вытолкнул Тимми и Линду из деревни и повел их вниз по косе, разделяющей восточную лагуну и северную бухту, и не останавливался, пока они не оказались на последнем небольшом холме, самом дальнем от горы и деревни.

Как оказалось, вся деревня последовала за ними, и все устроились как можно удобнее на последних трех холмах этого маленького клочка земли. С этих наблюдательных пунктов все могли наблюдать, как лава стекает по северному и южному склонам и впадает в море, где морская вода кипела и шипела, словно она была возмущена вторжением.

За ними, примерно в трехстах ярдах от моря, четвертьмильная кубическая часть горы, которая так высоко взлетела в воздух, сидела как еще один остров, с ее горной вершиной, выступающей примерно на четыреста футов в относительно мелкой воде. Верхние две трети ее были достаточно высоко над морем, чтобы Шон мог видеть тускло-оранжевый цвет сквозь трещины на ее поверхности, где скала все еще была расплавлена. Море шипело, и огромный столб пара поднимался со всех сторон ее основания, где постоянно плескались небольшие буруны.

Три дня люди из деревни жили на этой косе земли. Три дня они совершали походы обратно в лес и джунгли, чтобы собрать еду и рыбу. Три дня они спали под звездами, жарили рыбу на кострах и смотрели, как лава стекает по обеим сторонам конуса вулкана, пока, наконец, гора не успокоилась, и лава не перестала течь, и они не смогли вернуться в деревню.

К счастью, Шон оказался прав. Лава нигде не приближалась к деревне. Но должно было пройти некоторое время, прежде чем они смогли бы добыть еду или топливо на западной стороне острова, потому что потоки лавы, стекающие с северной и южной сторон вулкана, отрезали от них эту часть острова.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ «Выскабливание и лепка»

Шон, Линда и Тимми наслаждались своим новым домом. Он был большим и просторным, и детям он очень понравился. Они даже могли встать и играть в мяч с скомканными камышами.

Шон, будучи на дюйм выше шести футов, не мог подняться в полный рост. Теперь он жалел, что не встроил несколько дополнительных дюймов, когда строил его, но не собирался переделывать все это ради небольшого пространства над головой.

Когда они устроились на своих травяных кроватях на ночь, Шон рассказал детям о своих планах на завтра. «Эта трава вызывает у меня зуд и не сильно смягчает землю, если вообще смягчает. Давайте соберем немного лозы и сделаем гамаки. Мы можем сплести их вместе с

несколькими расщепленными камышами для тесьмы и набить их сухой травой, чтобы им было очень удобно. Как вам это подойдет?» Он посмотрел вниз и заметил, что оба ребенка крепко спят.

Шон сплел пальцы за головой и еще глубже прижался к кровати. Он очень беспокоился о том, что стало с Гарри и его шайкой, уверенный, что они не исчезли навсегда. Они преследовали его? Может, они сейчас снаружи хижины, готовые наброситься на него во сне? Он вздохнул и подумал, нельзя ли установить какую-нибудь систему сигнализации. Если кто-то приблизится к их хижине ночью, когда они спят...

Сон одолел его через десять секунд.

Шон проснулся поздно. Солнце было над горизонтом и прокладывало крошечные щупальца желтого света сквозь крошечные трещины в пальмовых листьях. Он потянулся, сел, выполз из хижины и неторопливо принялся за работу. Он развел огонь для завтрака, пока дети пополняли запас дров. Когда огонь разгорелся, Шон отправился бродить по джунглям в поисках лиан, чтобы добавить их к хижине и сделать гамаки, когда он наткнулся на большое упавшее бревно. Оно было десять футов в длину и четыре фута в диаметре. Кора отслаивалась сверху большими пластами, обнажая хорошую древесину снизу, но нижняя треть была гнилой. План укоренился в его мозгу и расцвел.

Он вернулся в деревню и обнаружил Билли Томпсона, сидящего на бревне и обрезающего кусок гладкой древесины небольшим перочинным ножом.

«Привет, Билли».

«Привет, Шон. Что готовишь?»

«Не могли бы вы оказать мне услугу?»

«Конечно, чисто».

«Пожалуйста, пойдем со мной».

Они подошли к упавшему бревну. Шон остановился и указал на него.

«Что ты здесь видишь?»

«Ствол дерева становится почвой. Что вы видите?»

Шон посмотрел на мертвое дерево. «Долбленое каноэ. Мы могли бы перевернуть эту крошку, взять угли из костра, выжечь внутреннюю часть и вылепить из внешней части нос и киль».

Глаза Билли расширились. "Ух ты! О, да! Это было бы очень здорово. Могу я помочь?"

«Я на это рассчитывал».

«Отлично! Что нам следует сделать в первую очередь?»

Они сняли оставшуюся кору и попытались перевернуть огромный ствол, но не смогли сдвинуть его с места. После небольшого исследования они нашли пару длинных, крепких веток размером с плечо Шона. Каждый из них засунул один конец ветки под бревно и, используя их как ломы, сумел перевернуть его на спину.

И Шон, и Билли отпрянули, когда сотни самых разных насекомых вылетели из-под бревна и затерялись в толстом ковре опавших листьев на лесной земле.

«Идеально», — сказал Шон с широкой улыбкой. «Смотри». Он погрузил жесткий указательный палец в гнилую древесину сверху. «Это лучше, чем я надеялся. Нам не понадобится много времени, чтобы выскоблить отсюда всю эту гнилую древесину».

Билли ухмыльнулся, увидев возможности. Он посмотрел на Шона и сказал только: «Да!»

«Если ты поможешь мне сжечь и отскоблить, я возьму тебя в первую поездку на нем», — предложил Шон.

«Конечно, конечно», — с энтузиазмом сказал Билли. «Давайте сделаем это».

«Ладно, начнем с главного. Давайте найдем толстую лиану, чтобы мы могли притащить эту штуку обратно в лагерь».

Они вошли в джунгли и, не пройдя и сотни ярдов, увидели нужную им лозу. Билли забрался на двадцать футов на дерево и с помощью меча Шона отрубил верхний конец. Он бросил меч Шону и спустился вниз. Шон отрезал другой конец от того места, где он рос в земле, подтащил его к бревну и положил один конец под углом девяносто градусов к центру бревна. Используя шесты, они дважды перевернули бревно, пока лоза не стала торчать с обеих сторон. Шон поднял концы лозы вверх и через бревно и связал их вместе. Затем оба мальчика схватили лозу и потянули.

Бревно не сдвинулось с места.

Они плюнули на руки, подняли лозу на плечи и потянули. Ничего не произошло.

Они вернулись в деревню, заручились помощью Эрика, Винни и Росса и попробовали еще раз. После согласованной попытки они потащились к деревне, волоча бревно через кусты позади себя. Они поставили его рядом с хижинкой Шона сгнившей поверхностью вверх. Они подоткнули под него шесты, по обеим сторонам, чтобы оно не наклонялось.

Шон вытер лоб и похлопал Билли по плечу. «Мы собираемся весело провести время, строя наш маленький корабль. Это даст нам хоть какое-то занятие, пока мы ждем спасения». Его лицо сморщилось. «Боже, как мне жарко». Он посмотрел вниз. «Вот и все». Он одолжил у Билли перочинный нож и отрезал брюки выше колен, чтобы сделать шорты. Ветерок пронесся по его штанам. «А, так-то лучше».

«Эй, выглядит удобно». Билли использовал свой перочинный нож, чтобы сделать то же самое со своими брюками. Он даже отрезал рукава рубашки. «В чем мы будем носить угли?» — спросил он.

«Ну...?» Шон не думал так далеко вперед. Его брови опустились, пока он думал. «Эй, ты помнишь все эти ракушки на пляже. Держу пари, они все еще...»

«Хорошая идея». Билли бросился бежать. Через две минуты он вернулся с четырьмя большими ракушками.

«Отлично», — сказал Шон.

Вместе, Шон, используя свой меч, а Билли, свой перочинный нож, они провели остаток утра, очищая большую часть гнилой древесины с бревна. Затем они отнесли ракушки к огню, выудили несколько углей длинными палками, сгребли их в ракушки, взяли их и положили на бревно. Они сделали несколько подходов каждый, пока верх бревна не покрылся слоем тлеющих углей и углей. Густое облако дыма за клубилось сквозь полог листьев над головой.

«Нам нужно быть бдительными, чтобы огонь не уничтожил все полено, — сказал Шон, — но с помощью пожарной бригады это будет проще всего».

Каждый день после завтрака в течение следующих нескольких недель Шон, Билли, Эрик и братья Троук, а также Тимми и Линда клали угли на бревно, оставляя их на расстоянии четырех дюймов от внешнего края, чтобы поддерживать постоянную толщину корпуса. Угли обычно прогорали к полудню. Затем каждый день после полудня Шон и некоторые из старших

детей использовали ракушки и камни, чтобы отколоть обугленную древесину, чтобы свежие угли могли продолжить работу завтра.

В течение следующей недели деревня медленно вошла в рутину. Шон и дети проснулись на рассвете, развели и закопали костер. Деревенские дети прочесал лес и заменили использованные дрова. Когда собиратели и рыбаки вернулись, был приготовлен завтрак, и община разделилась на небольшие группы и позавтракала. С помощью постоянно растущей группы волонтеров Шон добавил слой углей на каноэ.

Однажды утром Шон повел Линду и Тимми в лес, чтобы найти идеальные лианы для гамаков, но в лесу были только большие лианы, свисающие с деревьев. Они совсем не подходили. Только когда они отправились в джунгли и обнаружили несколько маленьких, растущих вдоль земли, они нашли то, что искали: лианы размером с мизинец Шона. Они были мягче и гибче больших. Они принесли их в хижину, остановившись на берегу реки, чтобы собрать немного плоского тростника.

Затем Шон попытался придумать, как сделать из них гамак. После часа разочарований он, наконец, получил систему. Он отрезал четыре более крупных лозы одинаковой длины, связал концы вместе на расстоянии восьми футов друг от друга и положил их параллельно друг другу на землю. Затем, используя меньшие длины, он переплел их внутри и снаружи четырех лоз и привязал их к внешним лозам. Затем он вплел длинные тонкие тростники между поддерживающими лозами, затем набил тростники сухой травой.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, как повесить их внутри хижины, но в конце концов ему удалось привязать тяжелую лиану к большому узлу на каждом конце гамака, а другой конец привязать к стволу дерева с одной стороны и к более крупной ветке с другой стороны хижины.

В первый раз, когда он забрался в свое новое творение, он думал, что создал второй кусочек полного комфорта на этом острове. Но в ту ночь гамак оказался настоящим мучением. Он обнаружил, что лианы врезаются в его кожу. Он не мог перевернуться, не мог спать на боку или на животе. После двухчасовых попыток задремать он сдался и свернулся калачиком на подстилке из сухой травы под гамаком.

На следующее утро Шон развалился на своей травяной кровати, глядя на гамак над собой и сетуя на сон, которого эта штука лишила его прошлой

ночью. Он решил, что сможет найти ему хорошее применение, привязав его между двумя деревьями у пляжа и проводя ленивые дни, качаясь взад-вперед в тени. Да. Это сработает.

Он был почти готов встать и начать день, когда услышал женский крик. Это был ужасный, ужасный крик, и он инстинктивно понял, что это не играющий ребенок.

Кто-то был в ужасе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Разборка»

Шон вскочил на ноги, схватил меч и выбежал наружу. Он остановился и огляделся, но не мог понять, что произошло. Женщина снова закричала, и его уши настроились на источник. Что-то происходило на северном пляже.

Около тридцати человек, все еще остававшихся в деревне, прекратили свои дела и побежали на пляж, чтобы посмотреть, что происходит. Шон промчался мимо них и прибыл вовремя, чтобы увидеть поразительную сцену. Мо зажал руки женщины за стволом кокосовой пальмы. Кёрли зажал ей рот руками, пытаясь заставить ее замолчать. Ларри стоял в стороне, наблюдая, как Гарри засунул руки женщине под рубашку, приставая к ней.

Женщина отчаянно боролась, но безуспешно. Она пинала и кусала, как могла, чтобы избавиться от человеческих паразитов.

Флеминг вышел в первые ряды толпы и закричал: «Что, черт возьми, здесь происходит!»

Гарри вытащил руки из-под рубашки женщины и повернулся к мэру. Когда он это сделал, Мо случайно отпустил одну из рук женщины, и она резко развернулась с круговым ударом правой, который приземлился прямо на лицо Гарри с гулким шлепком. Если Гарри что-то и почувствовал, то никак не показал.

Гарри прорычал: «Не твое собачье дело, старик. Убирайся отсюда, или я переломлю тебя пополам».

Женщина отдернула руку, чтобы снова ударить Гарри, но Мо поймал ее запястье, потянул за дерево и держал там.

«Ну, я делаю это своим делом», — выплюнул мэр, подражая горячности Гарри .

«Что касается тебя», — сказал Гарри самым саркастическим тоном, — «я сделаю то, что захочу. А если тебе это не понравится, что, черт возьми, ты собираешься с этим делать? Э ? Устроить мне сердечный приступ?» Он расхохотался.

Вены на висках Флеминга вздулись, когда он ответил: «Все, что смогу», — тихим голосом. Погромче он сказал: «Я не потерплю такого поведения. Ни от тебя, ни от кого-либо еще».

Гарри повернулся к женщине, положил руки ей на грудь и бросил через плечо: «Ладно, папаша, потерпи», а затем рассмеялся.

Женщина откинула с лица длинные светлые волосы, и Шон увидел, что это та самая симпатичная девушка, которая оскорбила его прошлой ночью.

Мэр Флеминг глубоко вздохнул, расправил плечи, посмотрел Гарри прямо в глаза и сказал: «Как мэр, я изгоню тебя из нашей деревни».

Шон подумал, что у мэра достаточно смелости, но будет ли этого достаточно?

« Ооо , есть угроза», — промурлыкал Гарри. «А что, если я откажусь идти? Что ты тогда сделаешь?» Он разразился взрывом смеха. «Видишь ли, мы с мальчиками разговаривали. Мы считаем, что мы — законные правители этого острова. И мой первый указ — я заберу эту маленькую девочку себе». Он запрокинул голову и рассмеялся. Высокий, мелодичный смех, как у маленького мальчика. От этого звука по телу Шона побежали мурашки.

Второй пилот и штурман Флеминга встали рядом со своим капитаном и мэром, оказывая ему поддержку.

Шон наблюдал за происходящим со стороны вместе с другими людьми, едва дыша от напряжения.

«Тогда я буду вынужден использовать...» — очень обдуманно сказал Флеминг, засунув руку под рубашку, затем громко сказал: «Это», вытащив пистолет Glock 9 миллиметров. Он снял предохранитель и направил его на Гарри.

Шон заметил, что все немного подпрыгнули, когда был добыт пистолет. Все, кроме Гарри и его дружков.

Ну вот и все, подумал Шон, решающий момент. Лучше раньше, чем позже.

Не отрывая взгляда от мэра, Гарри повернулся и двинулся к Флемингу, медленно, шаг за шагом.

Мо отпустил женщину. Она рухнула на песок, рыдая. Один из ее друзей подбежал, чтобы утешить ее, когда все три марионетки встали в ногу за Гарри, когда он двинулся к Флемингу. Они образовали небольшой клин. Когда они были в семи футах, они остановились.

Гарри спросил: «Вы когда-нибудь стреляли в кого-нибудь, капитан?» — по-видимому, спокойно, самым приятным голосом.

Флеминг ничего не сказал.

«Значит, нет», — подумал Шон.

Гарри сделал шаг вперед и остановился. Его приятели тоже. «Вы когда-нибудь убивали кого-то, кто смотрел вам прямо в глаза, капитан?»

Флеминг снова ничего не сказал.

Гарри и его друзья сделали еще один шаг вперед и остановились.

Бад Джонс, первый помощник, и Стэн Таттл, штурман, отступили на шаг, затем на другой, оставив Флеминга лицом к лицу с ними в одиночку. Джонс был выше, тоньше и старше Флеминга, а Таттл был невысоким, полным и носил толстые очки. Оба не могли оказать большой помощи в бою и знали это.

Теперь дело за нервами Флеминга, подумал Шон. Он внимательно следил, как и все остальные, за тем, что будет дальше.

Гарри и его приятели сделали еще один шаг вперед и остановились. «Я совершил преступление», — усмехнулся Гарри. «Что ты собираешься с этим делать, старый пердун?»

Никакого ответа. Рука Флеминга начала дрожать.

Гарри сделал еще один шаг вперед и прорычал: «Что ты сделаешь, если я решу отвести эту милую малышку в кусты и преподать ей вкусный урок любви?»

Флеминг не ответил. Его лицо стало ярко-розовым. Наступила долгая пауза.

Спокойным тихим голосом Гарри сказал: «Дай мне пистолет, капитан». Он протянул руку. Теперь они были в трех футах друг от друга. Флеминг не двигался.

Кёрли подошел и встал рядом с Гарри. Он тоже протянул руку к пистолету и сказал: «Нет, капитан, дайте *мне* пистолет».

Флеминг замер, лицо его стало ярко-красным.

Мо, а затем Ларри тоже протянули руки. «Дай мне, капитан ».

«Нет, я. Я об этом позабочусь».

Все четверо начали смеяться.

Лицо Флеминга стало темно-фиолетовым. Его рука так сильно дрожала, что Шон решил, что он, вероятно, не сможет попасть ни в кого из них, если выстрелит сейчас, даже если они будут стоять прямо перед ним.

Каким-то образом у Шона возникло подозрение, что Гарри намеренно организовал это событие. Он похитил девушку и заставил ее кричать, зная, что все сообщество выйдет и увидит поединок между ним и Флемингом. И как только он одолеет мэра, зная, что остальная часть экипажа ничего не сделает, они возьмут деревню за горло.

Шон был уверен в одном: если Гарри завладеет этим пистолетом, никто не сможет ему противостоять, и он, Шон, станет вторым погибшим.

Все четверо мужчин наклонились к Флемингу. Мэр сделал шаг назад. Они сделали шаг вперед; мэр сделал еще один шаг назад, и все это время они изводили его.

«Дайте мне пистолет, капитан».

«Нет, капитан, отдайте мне пистолет».

«Капитан, вы можете мне доверять, отдайте мне пистолет».

«О, господин мэр», — произнес Керли мелодичным голосом, почти напевая слова. «Дайте мне пистолет. Я найду ему очень хорошее применение. Обещаю».

Мо и Керли начали кружить вокруг мэра. Таттл и Джонс продолжали пятиться, пока не смешались с зеваками.

Всем присутствующим было очевидно, что Флеминг не собирается использовать пистолет и что эти ублюдки в любую секунду отнимут его у него.

Шон чувствовал, что должен что-то сделать. Должен был сделать это сейчас. Но что?

Он не знал, что собирается сделать, пока слова не слетели с его губ. «Капитан», — крикнул Шон. Все замерли на месте и повернулись, чтобы посмотреть на него, когда он спустился туда, где Гарри и его дружки

окружили мэра. «Мэр Флеминг, дайте мне пистолет». Он протянул левую руку. В правой он держал меч. Восемь глаз Гарри и компании пронзили его кинжалами.

Очень медленно Флеминг вложил пистолет в руку Шона. Мэр, казалось, испытал облегчение от того, что ответственность за это дело больше не лежит на нем.

Шон слегка кивнул головой и слегка улыбнулся мэру. Затем Шон повернулся, подпрыгнул, подпрыгнул и прыгнул к воде и бросил пистолет как можно дальше в бухту. Он приземлился с хлопком и исчез.

«На этом острове не будет маленьких Цезарей», — сказал Шон, не обращаясь ни к кому конкретно, а ко всем в целом, идя по пляжу к деревне.

Гарри начал смеяться, его мальчики тоже. «Большое спасибо, Баб », — сказал Гарри удаляющейся спине Шона. «Ты точно решил мою проблему!» Он развернулся и затопал к девушке, которую он растлевал, буквально облизывая губы. Его друзья были прямо за ним, готовые присоединиться к веселью. Они хихикали, хихикали и били друг друга по рукам от радости.

Девочка развернулась и попыталась убежать в лес, но в спешке споткнулась и растянулась. Когда Гарри приблизился, она попыталась пятиться на четвереньках, но не смогла найти опоры в рыхлом песке.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«Двигайся или умри»

Шон остановился и на мгновение уставился, как Гарри сократил расстояние до девушки. Он не мог в это поверить. Без сомнения, этот парень, должно быть, самый злой сукин сын, который когда-либо существовал. Какой бы страх и опасение он ни испытывал, они испарились.

Шон метнулся по песку и остановился между Гарри и девушкой. Шон приготовился, поднял меч параллельно земле на уровне талии, направив острие прямо в живот Гарри .

«Вот тут ты ошибаешься, Баб », — прорычал Шон.

Гарри остановился, и его глаза расширились на долю дюйма. Его дружки чуть не врезались ему в спину.

«Тронешь эту девушку или кого-нибудь еще на этом острове, и я отрублю тебе руку до запястья», — сказал ему Шон.

Гарри упер руки в бедра в преувеличенном жесте неповиновения и наклонился вперед над острием меча. «Это уже второй раз, когда ты осмелился помешать мне», — прошептал он. «Ты слишком рискуешь. Может, мне стоит разmozжить тебе череп».

Шон говорил медленно, тихо. «Это будет очень трудно сделать, когда в твоём черном сердце застряла стальная нога».

Ярость вскипела на лице Гарри. Вены вздулись, цвет кожи потемнел, щеки напряглись. Дыхание стало коротким, неровным.

Шон укрепил свою решимость, решив не отступить ни на дюйм и не выказывать страха, зная, что его жизнь висит на волоске.

Оба мужчины стояли, уставившись друг на друга; один высокий, худой и мускулистый, другой ниже ростом, толще и мускулистее. В течение многих долгих мгновений никто не двигался. Легкий прибой, омывающий пляж в нескольких ярдах от них, и легкий бриз, шелестящий верхушками деревьев, громко звучали в приглушенной тишине.

Наконец, губы Гарри раздвинулись в напряженной гримасе. Воздух с шипением вырывался сквозь сжатые зубы. Раздался низкий, злобный рык, затем затих.

«Просто попробуй», — прошептал Шон. «Я тоже никогда никого не убивал, смотрели ли они на меня — нет, но все когда-то бывает в первый раз». Это была неправда, но звучало хорошо.

Гримаса на лице Гарри слегка разгладилась. Он посмотрел вниз на острие лезвия, занесенное в нескольких дюймах от его живота.

Шон был готов и полон решимости. Если Гарри попытается что-нибудь сделать, он вонзил бы все два с половиной фута стального лезвия ему в живот.

Прошло еще несколько долгих мгновений. Оба мужчины смотрели друг на друга, пытаясь растопить решимость друг друга.

«Теперь отступи и держись подальше», — сказал Шон. «Или я проткну тебя насквозь, не моргнув глазом. У тебя пять секунд. Двигайся или умри». Он надеялся, что страх, разъедающий его изнутри, не отразится на его лице.

Шону ответила необузданная ненависть, пылающая в узко посаженных черных глазах.

Гарри закричал, отступил на шаг, указал пальцем на горло Шона и закричал: «Это еще не конец. Но ты закончил!» Затем он и еще трое мужчин пошли по пляжу и скрылись в джунглях.

Шон смотрел им вслед с огромным чувством облегчения. Он был на волосок от того, чтобы убить человека или быть убитым самому. Он знал, что это унижение будет гноиться и гореть глубоко внутри Гарри. Если Гарри когда-нибудь найдет его в момент слабости, ублюдок набросится и разорвет его на части.

Глаза Шона заматались, полные страха, но Линда и Тимми были на краю толпы, в безопасности. Он начал идти к ним, когда его правое колено подкосилось и погрузилось в песок. Двое детей подбежали и помогли ему встать на ноги.

Один человек начал хлопать. Через несколько мгновений большинство из тридцати человек, ставших свидетелями произошедшего, уже аплодировали. Мэр протиснулся сквозь толпу и встал перед Шоном. Флеминг широко улыбнулся ему. «Мы благодарим тебя, сынок. Все наше сообщество хотело бы выразить тебе свою признательность». Он повысил голос. «Как мэр, я объявляю сегодняшний день выходным!»

Раздался взрыв смеха и радостных возгласов.

Все повернулись и пошли по пляжу, через опушку леса на поляну деревни. Праздничное настроение воцарилось. В течение следующих нескольких часов они пировали щедростью острова. Возбужденные разговоры гудели, когда обсуждалась история произошедшего.

Шона постоянно поздравляли, благодарили и благословляли, пока ему все это не надоело, однако что-то во всех этих похвалах казалось ему странным, но он не мог понять, в чем причина.

В сумерках Шон воспользовался темнотой, чтобы вернуться в хижину. Он и дети попрощались и забрались внутрь. Как только они остались одни, дети не смогли сдержаться.

«Я так горжусь тобой, дядя Шон», — сказала Линда. «Я слышала, как миссис Паддингтон сказала, что ты спас нам все жизни».

«Ух ты, дядя Шон», — сказал Тим с избытком благоговения в голосе. «Ты точно показал этому чертовому придурку, кто тут главный!»

Шон поморщился и скривился. «Никогда не используй такой язык!» — рявкнул он. «Твой отец оторвет мне голову, если ты начнешь так говорить. Где ты слышал такие слова?»

«Все так говорили», — смущенно сказал Тимми. «Но он же бог, один из них, не так ли?»

Шон почти усмехнулся. Мальчик был прав, но он не мог ему этого сказать. Он посмотрел на обоих детей по очереди, с серьезным выражением на лице. Он так боялся, что Гарри и его друзья могут использовать их, чтобы добраться до него, или, может быть, причинить им боль из чистой подлости. Он позволил паузе затянуться, пытаясь подчеркнуть серьезность ситуации. Наконец он сказал: «Ладно, теперь слушайте. Это очень важно. Мы в беде. Наши жизни в опасности». Его взгляд впился в каждого ребенка. Дети уже слышали этот тон голоса раньше, знали, что он означает, и подняли на него глаза, уделяя ему все свое внимание. «Тот человек, с которым я сегодня дрался, хочет убить меня. Я боюсь, что он может попытаться причинить мне боль, причинив боль вам. Вы видели, какой он подлый. Ему нравится причинять боль людям».

Оба ребенка глубоко вздохнули.

Шон пошевелил указательным пальцем перед их лицами, чтобы подчеркнуть: «Я не хочу, чтобы кто-либо из вас когда-либо оставался один». Он знал, что уже читал им эту лекцию раньше, но не стеснялся повторять. «Когда вы покидаете этот лагерь, всегда имейте кого-нибудь рядом. Если не меня, то других детей или, по крайней мере, друг друга. Постарайтесь, чтобы вокруг вас было как можно больше людей. И если вы когда-нибудь увидите этого подлого человека или кого-то из его друзей, а меня не будет рядом, не бойтесь кричать как можно громче. Я вас услышу. И никогда не забывайте об этом».

Шон беспокоился не только о Гарри и его друзьях, но и о том, что они могут получить травму — сломать ногу или получить серьезный порез. «Вы слышали, что сказал мэр перед штормом, о том, что нам нужно быть очень осторожными, потому что здесь нет врачей?»

Они оба кивнули с серьезным, испытующим выражением лица.

«Мы должны быть осторожны, быть начеку. Вы понимаете?»

Оба ребенка лихорадочно закивали.

«Хорошо. Теперь давай спать и помни, никуда не ходи один».

Дети перевернулись, не сказав больше ни слова.

Шон закрыл глаза и попытался уснуть, но они снова открылись, когда его внезапно осенило странное. Он думал, что все немного переборщили в своей благодарности тем утром. Теперь он понял почему. Они, должно быть, чувствовали себя виноватыми. Виновными в том, что никто из них не предложил помочь Флемингу или ему остановить тех мужчин от изнасилования той девушки и буйства в деревне. Если бы они выступили единым фронтом, его конфронтация с Гарри могла бы никогда не произойти.

Шон содрогнулся, когда на него нахлынул монтаж ужасных возможностей. Что, если бы Гарри взял пистолет и устроил бунт среди всех. Женщины как секс-рабыни. Все угрожающие мужчины мертвы. Все не угрожающие мужчины — рабочие. Единственной утешительной мыслью было то, что его бы убили до того, как начался настоящий террор. Но как насчет детей?

Сон пришёл к нему лишь несколько часов спустя.

На следующее утро, после того как Шон разжег огонь, он попытался разрубить длинный тонкий кусок дерева своим мечом, который Билли подтащил к огню. Но он был настолько тупым, что лезвие отскочило от дерева и едва не вонзилось ему в голень.

Это было близко!

Он провел большим пальцем по краю. Он был таким тупым, что казался почти гладким.

Как мне здесь заточить прекрасный кусок стали? — задавался он вопросом. Как только Шон задал себе этот вопрос, ответ пришел ему на ум.

Проведя большую часть часа, прочесывая холмы к югу от северной лагуны, он нашел то, что хотел: кусок вулканической пемзы, который аккуратно умещался в его ладони. Он сел и несколько раз отполировал камень по всей длине лезвия, стараясь поддерживать правильный угол, чтобы обеспечить острую, отшлифованную кромку. Через несколько минут он стоял с улыбкой. Как раз то, что ему было нужно.

После завтрака Шон и несколько детей перекладывали слой углей на каноэ, пока из бревна не поднималось густое облако дыма, как обычно. Затем Шон и большинство детей провели остаток утра, плавая и загорая на солнце.

«Привет, ребята», — сказал Шон через несколько часов.

«Эй, что?» — сказал Тимми, садясь.

«Что говорит Печеньковый Монстр, прежде чем нырнуть в огромную тарелку с печеньем?»

«Корова- бунга », — сказала Линда, не поднимая глаз.

«Ладно», — Шон потер руки. «Когда я говорю «корова- бунга », это означает, что последний, кто вошел, — тухлое яйцо».

Все двенадцать детей, примерно шести-семи лет, лежащие в ряд на песчаной дюне, подняли головы и посмотрели на Шона.

Шон посмотрел вверх и вниз по шеренге и закричал: «Корова-а- банга! » Он вскочил на ноги и побежал, но не слишком быстро, к прибою, который разбивался в пятнадцати ярдах от него. Дети вскочили на ноги, помчались к воде, догнали его и нырнули. Они вынырнули и все без исключения стали показывать на него пальцами и называть его тухлым яйцом.

В тот день, когда все они вернулись на дюну, лежа, они по очереди кричали "Корова-а- банга " и мчались по пляжу и ныряли в волны. Это было славное веселье.

Весь этот день Шон следил за Гарри и его друзьями, уверенный, что в любой момент они набросятся на него. Он гадал, что они затевают. Наверное, придумывают, как отобрать у него меч. Может, мастерят лук и стрелы или копья. Разве им не нужен для этого нож? У них ведь его не было, правда? Может быть.

Но самый тревожный вопрос всегда оставался.

Пойдут ли они за детьми?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«Голосование»

Позже в тот же день Шону пришло в голову, что девушка, которую Гарри растлил, эффектная блондинка, ничего ему не сказала о том, что

произошло. Нет, спасибо, нет, почему бы тебе не заняться своими делами. Ничего. Разве ты не знаешь этого.

Ближе к концу общего ужина в тот вечер, когда уже темнело, мэр Флеминг встал и попросил, чтобы его выслушали все. Даже Гарольд перестал жаловаться достаточно долго, чтобы послушать.

«Дамы и господа», начал Флеминг, «как ваш мэр, я хотел бы попросить мистера Эриксона стать нашим шерифом, а вас — проголосовать за него на эту должность. Я боюсь представить, в каком состоянии мы все были бы сегодня вечером, если бы он не выступил вперед, чтобы помочь мне и всем нам выбраться из столь неприятного положения».

Девушка, которую Гарри чуть не изнасиловал, встала, посмотрела на Шона и сказала: «Я бы хотела поддержать эту кандидатуру. Никто не знает лучше меня, что могло бы случиться, если бы этому ужасному человеку удалось заполучить пистолет». Она села.

Почти спасибо, подумал Шон. Но она, похоже, была искренней.

«Все, кто за, пожалуйста, поднимите руки...» — сказал Флеминг. Он поднял свою.

Около двух третей собравшихся подняли руки.

«Все, кто против...», — продолжил мэр, оглядывая толпу.

Шон огляделся и не увидел ни одной поднятой руки.

Флеминг повернулся к Шону. «Единогласно. Я знаю, что зарплата мизерная, но часы работы разумные, и общество будет вам благодарно. Вы рассмотрите эту должность?»

Шон был слишком ошеломлен, чтобы среагировать поначалу. Когда его мозг наконец-то включился, он решил, что если он собирается взять на себя ответственность и риск, то он может занять эту должность. Он встал и сказал: «Спасибо, господин мэр. Я принимаю с благодарностью». Он снова сел.

Пятнадцать минут спустя, к изумлению многих, Гарри и его приятели вышли на поляну с пляжа и прошли через центр деревни. Они, казалось, были в очень хорошем расположении духа. Все наблюдали за ними. Все разговоры прекратились.

Флеминг указал на них. «Вы, четверо, уходите! Немедленно покиньте эту деревню».

Гарри широко развел руками и повысил голос, чтобы все могли его услышать. «Дамы и господа», — начал он.

Если Шон не знал, Гарри, похоже, был пьян.

«Я глубоко сожалею о своем поведении сегодня утром», — продолжил Гарри. «У меня была возможность поразмыслить над тем, что произошло, и я хотел бы, чтобы все знали, что я не позволю своим страстям снова взять надо мной верх. Даю вам слово. И чтобы показать вам, что я говорю серьезно, после ужина мы запишемся в рыболовную команду или куда-нибудь еще, где мы будем нужны, чтобы помочь наилучшим образом.

«Я хотел бы извиниться перед всеми в нашей деревне, включая мэра, и я также хотел бы извиниться перед вами, сэр», — Гарри повернулся и указал на Шона, «хотя я не знаю вашего имени. Я был груб и угрюм, и я сожалею о своих действиях и словах». Его голос стал еще мягче. «Но больше всего я хотел бы извиниться перед вами, мисс». Он указал на симпатичную блондинку. «Я жестоко обращался с вами, и мне очень жаль. Я рад, что меня остановили до того, как произошло что-то, о чем мы оба пожалели бы».

Шон был ошеломлен. Сегодня утром этот человек убил бы любого, чтобы изнасиловать эту женщину. Теперь он разыгрывает искреннюю роль, приносит неуклюжие, хотя и хорошо сыгранные извинения и ожидает, что все будут прощены. Что, черт возьми, здесь происходит? Это не может быть правдой.

«Дамы и господа деревни», — громко сказал Шон, вскакивая на ноги. «Как ваш новоизбранный шериф, я предлагаю изгнать этих четверых мужчин из нашей деревни навсегда. Слабое извинение и еще более слабое обещание не испугают всю жизнь издевательств над людьми вокруг и...»

«Откуда вы знаете, что эти люди всю жизнь издевались над окружающими, мистер Эриксен?» — перебила его женщина средних лет, сидевшая по ту сторону огня.

Прежде чем Шон успел ответить, Гарри закричал: «Да, мистер Эриксен, как вы могли такое знать?» Огонь осыпал его неровными и прыгающими оранжевыми лучами и черными тенями, придавая всей сцене сюрреалистический оттенок.

Шон посмотрел на Гарри и снова на женщину. «Мадам, я увидел в его глазах такую ненависть, которая могла возникнуть только из-за целой жизни практики. Эти люди привыкли добиваться своего, чего бы это ни стоило».

«А откуда вы это знаете?» — спросила та же дама.

«Да, откуда ты это знаешь?» — снова был Гарри.

«Мне не обязательно это знать. Я чувствую это в глубине своего существа». Шон повернулся и выплюнул эти слова в Гарри. «Но я не хочу рисковать своей жизнью, полагаясь на то, что ты раскаялся в своих поступках. Все, что тебе нужно сделать, это забрать у меня этот меч, и ты вернешься к себе прежней, как сегодня утром. А это значит, что ты изнасилуешь любую женщину, которая тебе приглянется, и убьешь любого, кто встанет у тебя на пути».

«Но я виновен лишь в небольшой грубой выходке. Никто не пострадал».

«Нет, спасибо».

«Я раскаялся».

« Чушь собачья , — пробормотал Шон. — Я достаточно уверен, что прошу провести голосование по вопросу изгнания вас четверых, здесь и сейчас».

Как только слова вылетели из его уст, Шон почувствовал горячую вспышку беспокойства. Неужели он только что совершил огромную ошибку? Конечно, люди захотят, чтобы они ушли. Не так ли?

Гарри развел руками и умоляющим голосом сказал: «Жители деревни, соседи. Я совершил ошибку. Я извинился перед всеми вами. Что еще я могу сделать? Что вы хотите, чтобы я сделал?» Он замолчал и задумался на мгновение. «Я скажу вам вот что: поставьте нас на испытательный срок. Дайте нам шанс доказать, что мы говорим то, что говорим. Если в конце... пяти дней, пятнадцати дней, как вы скажете, если мы не покажем себя вежливыми, трудолюбивыми членами общины, то выгоните нас любыми способами. Но не выгоняйте нас из нашей общины, пока у нас не будет возможности проявить себя перед вами. Что бы мы сделали? Как бы мы питались? Мы умоляем вас позволить нам остаться».

«Очень хорошая речь», — сказал Шон, поворачиваясь к своим слушателям. «Очень хорошая, действительно. Но что, если все эти громкие слова — наглая ложь. Что, если когда-нибудь в будущем ему удастся

заполучить этот меч? Тогда будет слишком поздно изгонять их. Они изгонят меня с лица Земли, а он и его дружки устроят царство террора, подобного которому никто здесь не видел и едва ли может себе представить».

«Откуда вы это знаете, мистер Эриксен ? Может быть, я просто развлекался и собирался на этом закончить», — сказал Гарри самым приятным голосом.

Шон открыл рот, чтобы заговорить, когда симпатичная блондинка встала и сказала: "Я точно знаю, что ты не собирался "оставлять это так!" Я знаю наверняка, что если бы тебя не остановили, ты бы поступил со мной так, как тебе несказанно нравится. Я призываю всех проголосовать, как предлагает шериф Эриксен , и изгнать этих людей из нас. Я, например, не хотел бы узнать на собственном горьком опыте, что эти слова - ложь, и оказаться первым, кто почувствует на себе его жестокость".

Когда она села, раздалось хриплое бормотание. Шон услышал: «Дай им шанс на успех», — неоднократно. Он видел, что некоторые, может быть, многие люди, на самом деле могли бы выступить за то, чтобы Гарри и его друзья остались в деревне. Он задавался вопросом, как кто-то в здравом уме мог поверить, что Гарри раскаялся. Разве они не видели его лица и не слышали его слов этим утром? Разве они не чувствовали ненависть и враждебность, исходящие от этого человека?

Затем Шон понял, что свидетелями произошедшего тем утром были всего около тридцати человек, а остальные только слышали эту историю.

Мэр Флеминг встал и заговорил достаточно громко, чтобы привлечь внимание. «Я говорю вам всем, что мы должны голосовать так, как предлагает наш новый шериф. Иначе мы все можем потерпеть крах». Он сел.

Молодец, господин мэр, подумал Шон. Коротко и ясно. В разговоре наступила пауза. Он решил воспользоваться ею. «Ну, у меня нет никаких сомнений. Если представится возможность, эти люди будут бесчинствовать над нами».

«У меня тоже нет никаких сомнений», — сказала молодая блондинка.

Было еще обсуждение, но, похоже, преобладал настрой «дать им шанс на успех». Шон не мог в это поверить.

«Ладно!» — крикнул Гарри. «Это демократия. Давайте проголосуем за это».

Мэр встал. Он произнес эти слова так, словно они были самыми трудными из всех, что он когда-либо произносил. «Все, кто за то, чтобы оставить этих людей в деревне, поднимите руки».

Флеминг и члены экипажа подсчитали поднятые руки.

«Все против», — сказал мэр.

Мэр и экипаж снова пересчитали руки.

Шону показалось, что проголосовало всего около трех четвертей присутствовавших, и голосование подходило к концу.

Предложение об отстранении Гарри проиграло с небольшим перевесом голосов — сорок против тридцати пяти.

Шон в ошеломленном молчании наблюдал, как Гарри одарил своих приятелей тихой улыбкой.

Итак, Гарри и компания будут частью деревни. Шон вздрогнул от этой мысли. Он подошел к своей хижине и сел у входа в отчаянии. Он посетовал на свой выбор проголосовать. Должен ли он был заставить их четверых покинуть деревню под угрозой меча? Как он мог предположить, что люди проголосуют за то, чтобы они остались?

Невероятный.

Используя камень, который он нашел в горах, Шон сел снаружи своей хижины и начал точить свой меч. Скрежещущий звон камня о сталь разносился по всей деревне, раз за разом. Он решил точить его таким образом после ужина каждый вечер и позволить звуку регулярно проникать в мысли каждого.

Теперь он был на войне. Холодной войне.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

«Маленькая Линда»

Шон очень осторожно проводил каждым ударом по всей длине лезвия. Не слишком быстро, не слишком медленно. Сначала по одной стороне, поменяйте руки, переверните меч, затем по другой стороне. После некоторой практики он смог добиться правильного звона камня на стали, как камертон, вибрирующий на правильной частоте. Примерно через каждые

десять ударов он проводил большим пальцем по лезвию. Пока никакого эффекта. Он продолжал.

Он был так поглощен своей работой, что не заметил, как к нему подошла симпатичная блондинка, пока она не заговорила. «Не знаю, заметили вы или нет, но я так и не поблагодарил вас за помощь».

«Вообще-то я заметил», — сказал Шон, поднимая глаза.

«Ну, я хотел бы поблагодарить тебя сейчас за все, что ты для меня сделал и делаешь. Так как же тебя зовут?»

«Шон Эриксен, а твой?» Он пристально посмотрел в эти красивые зеленые глаза, которые сверкали, как светящиеся изумруды в танцующем свете костра. Она, конечно, прекрасна, подумал он.

«Стефани Энгаллс». Она наклонилась и пожала ему руку.

«Рад познакомиться, Стефани». Шон заметил на ее шее золотое ожерелье с тремя маленькими треугольниками, соединенными вместе, и ему пришлось бороться с собой, чтобы его улыбка не превратилась в смех. Он был прав. Она и ее подруги были девушками из женского студенческого общества. Забавно, как после четырех лет в колледже девушки из женского студенческого общества, кажется, выделяются.

«Так куда же вы направлялись до крушения?» — спросила она с убийственной улыбкой.

«Австралия. Мой брат женится... наверное, уже женился. Интересно, какая сегодня дата».

«Жаль, что вы это пропустили».

«Да. Какой позор. Я уверен, что это была чертовски крутая вечеринка. Думаю, наши семьи уже думают, что мы мертвы».

Она посмотрела вдаль с обеспокоенным выражением, затем сосредоточилась на Шоне. «Почему ты не путешествуешь с женой?»

«Что? О, я понимаю, что ты имеешь в виду. Я не женат. Дети — моего брата. Они мои племянник и племянница. Просто так получилось, что мы поехали вместе. Куда ты направлялся?»

«Мой отец оплатил мне и моим девятирým друзьям поездку на каникулы в Новую Зеландию».

«Ух ты!» Шон был ошеломлен тем, сколько это стоило.

Она увидела его изумление. «Да», — сказала она, — «хорошо иметь богатого отца». Они оба громко рассмеялись. «Так что, полагаю, мне пора идти». Она ушла, чтобы присоединиться к своим друзьям.

Шон смотрел ей вслед, стараясь не пялиться, но все равно пялясь. Когда она скрылась из виду, он сделал глубокий вдох, медленно выдохнул и вернулся к заточке меча, вспоминая последний раз, когда он встречался с девушкой из женского студенческого общества. На втором курсе, когда его дважды в один и тот же день подставила одна и та же девушка. Он покачал головой с легкой понимающей улыбкой, вспомнив свою клятву себе: никогда, никогда, никогда больше не встречаться с девушкой из женского студенческого общества. Никаких проблем.

Стефани была достаточно красива, чтобы растопить масло на расстоянии, но девушки, которые так хорошо выглядят, всегда были вне его лиги. Зачем биться головой о камень, подумал он.

Рано утром следующего дня что-то громкое и резкое разбудило Шона. Предположив, что на него напали, он протянул руку, схватил рукоять меча, который всегда держал на расстоянии вытянутой руки, и с рычанием выпрямился, выставив меч перед собой, чтобы отразить нападение. Ему потребовалось несколько секунд в темноте, чтобы понять, что он один с детьми. Оба сидели и оглядывались.

«Что это был за шум?» — спросила Линда. Было так темно, что Шон не мог видеть ее, кроме как трехмерную тень.

Молния озарила небо, и над островом прогремел еще один оглушительный раскат грома. Дождь быстро последовал за этим. Он начался с нескольких крупных капель, которые падали с перерывами. Затем, словно открыли кран, дождь полился сплошной чередой. Ветер усилился, пока не завыл сердитым ревом.

Шон прижался к задней стенке хижины, обняв каждого ребенка, надеясь, что их дом не унесет ветром. В какой-то момент им пришлось отойти на два фута вправо, когда крыша дала течь, и небольшой поток падающей воды ударил его по затылку.

Он задавался вопросом, что случится, если колья, удерживающие верхушки деревьев, не выдержат. Может ли хлыст оторвать им головы? Стоит ли им выходить на улицу?

Нет. Он решил, что если колья отпустят, то деревья выпрямятся над их головами. Центробежная сила оттолкнет колья от них. Это могло бы ошеломить, но не было потенциально опасным. Он надеялся.

Хижина захлопнулась и затряслась, пальмовые листья сломались, в нескольких местах протекала вода, которая постоянными струями образовывала небольшие лужицы, утопавшие в песке, но большая часть помещения оставалась сухой.

«Теперь я понимаю, что чувствовали три поросенка», — сказала Линда тонким, мышинным голоском.

Шон и Тимми рассмеялись.

Прошел проливной дождь, сверкнула молния, прогремел гром и завыл ветер. Шон задавался вопросом, не нашел ли еще один циклон их крошечный остров-дом. Неужели цунами, направляющееся к ним, собирается смыть их всех в море? Стоит ли им направиться в пещеру?

Нет. Не было никаких признаков, говорящих о приближении еще одного циклона. Никаких зловещих черных облаков, собирающихся в течение последних дня или двух. Никаких порывов ветра. Птицы вернулись и больше не летели на север большими облаками. С ними в деревне все должно быть в порядке. Это был просто противный шквал.

Он надеялся.

Буря бушевала почти два часа, прежде чем окончательно утихла. Шон и дети, по большей части, остались на высоте и сухими. Колья, удерживающие верхушки деревьев в земле, выдержали, как и соломенная крыша.

Рассвет уже наступил, когда ветер стих, а дождь превратился из ливня в морось и, наконец, прекратился. Они выползли из своей хижины, чтобы осмотреть ущерб, и, к своему удивлению, обнаружили, что он был минимальным. Некоторые из внешних пальмовых листьев были разорваны и измельчены и нуждались в замене, но лозы, удерживавшие их на месте, не имели повреждений. Шон проверил колья. Некоторые были ослаблены, но ни один не выскочил. Он вбил ослабленные обратно в землю ногой. Когда члены общины приступили к своим ежедневным делам, Шон увидел, как выглядят люди после сильного шторма без укрытия. Все были грязными и несчастными, вяло занимались своими делами. Не одна пара глаз с

тоской или завистью смотрела на Шона и детей, а также на их почти водонепроницаемую хижину.

Шон и деревенские дети провели напряженное утро, пытаясь высушить немного дров, чтобы снова разжечь огонь, что было нелегкой задачей. Все дрова промокли. Наконец, благодаря упорству и выкладыванию пучка листьев для просушки в один слой, они уговорили разжечь небольшое пламя, и, используя его тепло, вскоре у них было достаточно сухих дров, чтобы приготовить завтрак.

«Мы дадим солнцу высушить достаточно древесины, чтобы она могла работать дальше», — сказал Шон толпе детей вокруг него, массируя поясницу. Солнце взошло, и было жарко. Джунгли кипели, и тяжелый туман сгустился, как будто опустился туман. В воздухе пахло теплой плесенью.

Тридцать минут спустя они съели легкий завтрак. Затем Шон захотел пойти исследовать. Тимми и Линда попросили пойти с ними. «Почему бы и нет», — сказал Шон.

«Куда ты хочешь пойти?» — спросила Линда.

«Ну, дайте-ка подумать», — Шон почесал подбородок указательным пальцем правой руки. «Мы видели восточную лагуну. Мы видели северную бухту. Я немного побывал в глубине страны и на ближайшем вулкане. Так что давайте посмотрим, где заканчивается северный пляж, идя на запад, ладно?»

«Почему бы и нет», — сказала Линда с самой милой улыбкой, которую когда-либо могла выдать маленькая девочка. По крайней мере, так это видел дядя Шон.

Они одолжили у ткачей пару недавно сплетенных корзин, наполнили их достаточным количеством вкусоностей, чтобы хватило на весь день трем голодным людям, и отправились в путь. Сначала черно-коричневый пляж, казалось, тянется вечно. Поскольку бухта была защищена кольцом рифов, волны медленно и тихо накатывали на берег, пока они шли. Как и на пляже восточной лагуны, на каждой сотне ярдов были десятки морских ракушек. Сотни на каждой миле. Большинство из них были довольно простыми, двустворчатыми, похожими на моллюсков. Но другие были самых разных размеров от менее дюйма до более фута в длину. Некоторые были гладкими, а другие имели гребни. Некоторые были невероятно замысловатыми. У многих были разные типы рогов и выступов, шипов и рук.

Большинство были не совсем белого цвета, от ослепительно-белого до тускло-белого, бежевого и хаки. Некоторые были пятнисто-оранжевого, желтого и розового, а некоторые были даже светло-голубыми, а другие — темно-зелеными. Некоторые были настолько странными, что Шон никогда их раньше не видел. Иногда они образовывали такой плотный ковер на песке, что людям приходилось осторожно пробираться сквозь них, чтобы избежать возможности порезаться.

После сорокапятиминутной прогулки они вспотели и нуждались в перерыве. После долгого расслабляющего погружения в воду они снова отправились в путь. Еще через час они оказались в месте, где прямо у берега рос лес. Шон вытащил меч из ремешка, который он прикрепил к поясу, чтобы не носить его все время в руке, и повел их в лес, держа меч в правой руке, на всякий случай. Но, как оказалось, ему не стоило беспокоиться.

Еще через тридцать минут исследования леса они пришли к месту, где лава стекала по северной стороне конуса и впадала в море. Они приблизились к краю реки застывшей лавы. Они могли подойти довольно близко, примерно на десять футов, прежде чем жара останавливала их. Полуночно-черный. Волнистый. Морщинистый. Казалось, что он прохладный и достаточно твердый, чтобы по нему идти, но Шон знал, что расплавленная лава все еще может быть под поверхностью, прямо под тонким пятном, и он не собирался подпускать детей к нему. Так что, поскольку они зашли так далеко, как только осмелились, пришло время возвращаться.

Они вернулись на пляж и были всего в пяти минутах ходьбы от деревни, когда Линда закричала от боли, схватилась за правую нижнюю часть спины и упала на песок, корчась от боли и крича во все легкие.

Шон налетел на нее. «Линда, что случилось? Линда, ты меня слышишь». Он схватил ее за плечи, чтобы удержать и привлечь ее внимание. «Линда, где болит? Что случилось?»

Ее глаза были крепко зажмурены, когда она билась о землю. Высокий, пронзительный визг разорвал вечернюю тишину.

«О, Боже Всемогуший», — пробормотал Шон.

Не зная, что делать, он осторожно поднял ее, побежал обратно в хижину и посадил ее внутрь, стараясь сделать ее как можно более удобной.

Некоторые жители деревни пришли посмотреть, в чем дело, среди них был мэр Флеминг и летный экипаж.

«К сожалению, у нас нет врача», — сочувственно сказал Флеминг. «Что с ней? Есть идеи?»

«Ничего», — сказал Шон, заламывая руки. «Ей слишком больно, чтобы говорить. Я не думаю, что она вообще что-то слышит. Ей плохо».

Собралась толпа, пока продолжались крики. Шон описал им симптомы. Несколько человек предложили свою помощь. Отчаянно нуждаясь в совете, Шон повел небольшую группу в хижину. Линда неудержимо кричала, когда она металась, ее глаза были крепко зажмурены. Каждый из них бросил на нее короткий взгляд, не прикасаясь к ней. Одна женщина осторожно прощупала ее живот. Все вышли из хижины, качая головами.

Многие толпились вокруг хижины, готовые оказать любую помощь; и все это время Линда кричала в агонии. Ее вопли были словно лезвие бритвы, царапающее душу Шона, и он все глубже и глубже падал в какую-то темную, ментальную яму. Разочарование росло с каждым мгновением.

Шон и несколько его друзей сидели за ужином, обсуждая, что можно сделать для нее. Никто не предложил ничего конкретного. В какой-то момент Шон стукнул кулаком по длинному деревянному столу, выбив нетронутую еду из грубой деревянной миски.

Миссис Паддингтон хлопнула его по руке. «Она теперь в руках Божьих, Шон», — сказала она уверенным тоном. «Мы, смертные, вне игры».

«Я не могу этого исключить!» — сказал Шон, вставая со своего места. «Мы должны что-то сделать!» Он вздохнул и сел. Он ткнул большим пальцем в сторону хижины, где Линда все еще стонала регулярными, всхлипывающими вздохами. «Я не знаю, как долго она сможет это выдержать».

После ужина Линда издала крик, более ужасающий, чем обычно, и наступило несколько секунд тишины. Шон и еще несколько человек обменялись удивленными взглядами, затем бросились в хижину, уверенные, что ее состояние изменилось.

Они были правы. Она больше не издавала звуков, потому что потеряла голос от всех этих криков. То, что она сейчас издала, было самым ужасным звуком, который Шон когда-либо слышал. Это было гортанное шипение, булькающий не-крик. Дыхание Шона остановилось от этого звука. Столько

агонии от такого маленького, прекрасного существа. Шон не мог выдержать больше ни минуты. Он сжал кулаки и взревел, уверенный, что сходит с ума.

Это ужасное шипение Линды длилось недолго. Вскоре после этого она медленно застонала. Это был еще более жалкий звук. Шон задавался вопросом, как долго она могла бы проходить через такую агонию, и жалость к ребенку переполняла его, как и его собственная беспомощность.

Его тело содрогалось, но что он мог сделать?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«Высшая степень страдания»

Отчаянно нуждаясь в передышке, Шон вышел из деревни и пошел по пляжу, пока не перестал ее слышать. Он сел на песчаную дюну и наблюдал, как прибой танцует и играет на пляже. Его желудок скрутило от беспокойства и страха за эту прекрасную маленькую девочку.

Примерно через час он побрел обратно в деревню, низко опустив голову. Он слышал Линду, еще находясь на краю общины. Она все еще была в агонии.

К нему подошел мужчина лет тридцати, одетый в яркую красно-желто-оранжевую гавайскую рубашку, и сказал: «У этой девочки лопнул аппендикс».

«Кто ты и откуда ты это знаешь?» Шон видел его раньше, но они не встречались.

«Дэн Харт», — он протянул руку, которую Шон пожал.

Дэн сказал: «Я провел два года в медицинской школе, прежде чем бросил учебу, чтобы стать ветеринаром. Самая ужасная боль, которую человек может вынести, не теряя сознания, — это лопнувший аппендикс. Это похоже на то, что у нас здесь».

«Значит, ты можешь нам помочь?» — взмолился Шон.

Харт покачал головой. «Даже если бы мы вернулись в Штаты, в лучшую больницу, я бы не смог ей ничем помочь. Я не врач, даже не сертифицированный ветеринар, пока. Даже если бы на острове был квалифицированный хирург, что можно было бы сделать без рентгеновского аппарата, стерильных инструментов, швов, современных лекарств?»

«Можем ли мы что-нибудь для нее сделать?»

Дэн поник плечами и покачал головой.

«Это смертельно?» — Шон почти пропищал эти слова, потому что боялся узнать правду.

«Без лечения, в таких условиях...» Дэн оставил вопрос без ответа, сунул руки в карманы брюк, повернулся и пошёл прочь.

Что, черт возьми, он знает? — думал Шон, топая к хижине. Он мог ошибаться. Но в глубине души Шон боялся, что Дэн прав, и она не сможет выздороветь сама. Лопнувший аппендикс. Внутри брюшной полости. Перитонит? Он убил Гудини в течение двадцати четырех часов.

Всю ночь Шон прижимался к Линде, обнимал ее и старался утешить, как мог. Бедная, несчастная малышка была белой как полотно, скользкой от пота и дрожащей. Ее голосовые связки были полностью повреждены. Теперь из ее горла вырывался ужасный булькающий шепот, почти как на чужом языке. Он провел ночь, разговаривая с ней, крепко прижимая ее, нежно покачивая. Она, казалось, не слышала его и не замечала его рук вокруг себя. Она только стонала, дергалась и немного дергала ногами. В предрассветные часы она успокоилась и, возможно, немного поспала. Шон надеялся, что завтра с ней все будет в порядке.

Ничего не изменилось в ее состоянии на следующее утро, за исключением того, что к ней вернулся голос, и она снова смогла плакать. Но это длилось недолго. Она быстро закричала и начала хрипеть, стонать и кашлять. Насколько ему известно, она ни разу не открывала глаза с тех пор, как заболела.

К середине утра Шон подумал, что он определенно сошел с ума. Он не знал, как долго он сможет это терпеть. Ее боль была его болью. Ее агония — его.

Около полудня рассудок Шона растаял. Шон умолял Дэна Харта прооперировать ее. Почти-ветеринар, конечно, отказался. Шон умолял его прооперировать, умолял сделать что-нибудь, что угодно!

Когда Дэн сказал нет, Шон проклял его. Дэн опустил голову и ушел.

Шон ходил за ним по пятам около минуты и кричал на него.

Наконец Дэн оттолкнул его, убежал в джунгли и скрылся.

Шон был вне себя от горя. Он ходил кругами, бормоча, планируя, как избавить ее от страданий, думая, что это единственное гуманное, что можно

сделать. В порыве ярости и разочарования он направился к хижине с этой целью, затем понял, что не думает о расчистке. Он начал ходить, не в силах взять ситуацию под контроль.

После наступления темноты, когда он ходил взад и вперед, протапывая колею на песке, и слушая жалобные вопли Линды более полутора суток, а маленькая Линда пережила столько же времени в невероятных мучениях, и после того, как Шон все это время провел без еды и сна, его чувствительность оборвалась.

Это должно закончиться сейчас же! — сказал он себе. Он знал, что должен сделать. Вырубить ее, чтобы она могла немного отдохнуть.

Он поднял камень размером с кулак, вошел в хижину и наклонился над девушкой. Она свернулась в позе эмбриона, ее тело содрогалось в спазматических конвульсиях, сдавленный стон вырывался из сомкнутых губ. Длинные струйки слюны стекали по ее щеке, образуя небольшую лужицу на песке возле ее лица.

Шон нежно положил руку ей на плечо. Она не двинулась с места. Камень выскользнул из его пальцев. Он поднял ее и обнял. «Линда?» Слезы текли по его щекам.

Никакого ответа.

Шон закрыл глаза. «Пожалуйста, Боже, помоги ей». Он сделал глубокий вдох, задержал дыхание, открыл глаза, изучил крошечную девочку в своих объятиях и... ударил ее кулаком за ухо. Он никогда ничего подобного раньше не делал, так что, конечно, он все испортил. Ее голова ужасно закружилась, и она продолжала стонать и задыхаться. Он ударил ее снова, на этот раз немного сильнее, и, хотя она стала намного тише, ее тело начало дико биться, глаза были открыты, но невидящие. Шон задохнулся и чуть не вырвало.

Он ударил ее в третий раз, еще сильнее, и она упала, затем лежала неподвижно и, к счастью, наконец затихла. Горячий спазм ужаса пронзило его, когда он подумал, что, возможно, убил ее. Он приложил ухо к ее рту и услышал ее дыхание; неглубокое, но слышимое.

Шон выдохнул с огромным облегчением. Он подхватил ее на руки и, прижимая к себе, плакал, пока не уснул.

Она просыпалась дважды, крича. И дважды он ударил ее кулаком по одному и тому же месту за ухом, и дважды она теряла сознание, и еще

дважды он прижимался к ней и плакал, проваливаясь в беспокойный сон, полный извращенных кошмаров.

Сразу после рассвета она проснулась с криком, но только на мгновение. Шон перевернул ее и внимательно за ней наблюдал. Она глубоко вздохнула ему в лицо, и он нечаянно вдохнул, но она так и не вдохнула. Она умерла с мирным выражением на лице.

Шон кричал от боли и ревел, пока его не сломило истощение.

Он позволил ей лежать в гробу в хижине один день, хотя бы для того, чтобы убедиться, что она мертва, а не в коме. Некоторые люди зашли и провели там минуту, чтобы выразить свое почтение.

На следующее утро Шон вырыл могилу, и все, даже Гарри и его друзья, пришли на похороны. Мэр Флеминг взял на себя смелость сказать несколько слов утешения на месте. Шон все время рыдал, не слыша ничего.

Смерть — это не самое худшее, что может случиться, — повторял он себе во время церемонии. По крайней мере, она наконец-то избавилась от своих страданий.

Единственной утешительной мыслью была уверенность в том, что сейчас она на небесах, сидит на коленях у Бога и побеждает его в соединении точек на листе миллиметровой бумаги.

Шон вернулся в хижину и попытался уснуть. Ни за что. Его разум был поглощен этим жалким воем. Он метался, он ворочался. Несколько часов спустя он наконец задремал, и этот жалкий стон наполнил его сны. Он проспал остаток дня, вышел на ужин и множество соболезнований и проспал остаток ночи. Он проснулся на следующее утро, измученный до костей и глубоко грустный. Он хотел бы как-то ударить себя по затылку и оставаться без сознания целый год.

Следующие несколько дней он погрузился в дела, стараясь быть максимально занятым, чтобы его мысли не могли вернуться к Линде — что он и так делал. Из всех людей на этой планете, почему это должно было случиться именно с ней? — спрашивал он себя сто раз в час. Почему кто-то такой чистый и невинный, как Линда, должен был умереть так ужасно? Он не мог этого понять. Каждое моргание на сотую долю секунды вызывало ее образ перед его мысленным взором. Не раз он грозил кулаками небу и беззвучно кричал: БОЖЕ ТЕБЯ ПРОКЛЯЛ!

Через несколько дней он, наконец, смог вспомнить счастливые времена. Он видел, как она бегала и играла в прибое, хихикая своим очаровательным смехом. Он улыбнулся, вспомнив, как она связала шнурки на ботинках брата, когда он спал на дюне, и как Тимми полетел, когда он попытался догнать ее после того, как она вылила на него кокос, полный морской воды. Он громко рассмеялся, вспомнив ее пятый день рождения, в реальном мире, когда она так разозлилась на Тимми, что вытащила горсть торта пальцами и бросила ее через стол, попав ему прямо в глаз.

Эти воспоминания помогли ему выкинуть ее страдания из головы, по крайней мере на некоторое время.

Несмотря на его душевные муки, следующие несколько дней были очень продуктивными. С помощью деревни, особенно Билли Томпсона и братьев Бледсо, они добились значительного прогресса в долбленном каноэ. Огонь почти завершил свою работу, и дети стали очень искусными в выдабливании обгоревшей древесины перочинными ножами. К концу недели корпус был довольно равномерным по толщине в четыре дюйма сверху донизу. Он был почти готов, но все еще требовалось несколько доработок.

Однажды днем, пока Шон пытался вырезать прямой киль на дне своим мечом, Тимми подошел к Билли, чтобы одолжить перочинный нож. Шон поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Тим случайно прошел прямо перед другом Гарри, Мо. С равнодушным «Берегись, малыш», Мо оттолкнул Тима в сторону, заставив его покатиться в огонь, через него и вылететь с другой стороны. Парень встал и начал отряхиваться.

Шон взбесился. Он кипел от ярости и жаждал драки. Он двинулся на Мо с мечом в левой руке. Когда он был в нескольких футах от него, Мо оглянулся и увидел, что Шон идет на него, но отреагировал слишком медленно. Шон нанес сильный правый удар ниже груди Мо. Воздух вырвался из легких быстрым рывком, и он упал, как мешок с мокрой кукурузой. Он приземлился на бок и свернулся в клубок, задыхаясь, пытаясь отдышаться.

Шон воткнул меч в песок и перевернул Мо на спину, затем перенес большую часть своего веса на живот Мо правым коленом. Воздух, который Мо удалось вернуть в легкие, вырвался наружу.

Шон схватил его за горло, наклонился над ним так, чтобы смотреть Мо прямо в глаза, и прошипел: «Ты знаешь, что ты только что сделал?»

Мо кивнул, как мог.

«Ты знаешь, с кем ты это сделал?»

Мо снова кивнул, в глазах его был страх. Его губы скривились в безмолвном рычании.

«Теперь слушай внимательно. Я скажу тебе это только один раз. Я уже потерял племянницу в этой поездке. Я не потеряю своего племянника. С этого момента я возлагаю на тебя личную ответственность за этого мальчика. Если с ним что-нибудь случится, независимо от того, причастен ты к этому или нет, я убью тебя. Если он поскользнется с холма и поранится, я выпотрошу тебя. Если он упадет в яму, и даже если ты в это время будешь на другой стороне острова, я найду тебя и всажу свой меч тебе в сердце. Ты меня понял?»

Мо кивнул, хмыкнул и ахнул.

«Ты собираешься начать молиться за безопасность этого мальчика?»

Мо искренне кивнул.

Шон еще несколько секунд смотрел в глаза другого мужчины, а затем надавил всем весом колена на живот Мо, когда тот встал. Он поднял меч с песка и подошел, чтобы убедиться, что с Тимми все в порядке.

Мо задыхался и отплевывался целых две минуты, прежде чем снова обрел дыхание. Затем он поднялся на ноги и пошатнулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

«Пир и первое плавание»

Шон помог Тимми отряхнуться. Парень был немного ошеломлен и очень напуган, но в остальном невредим. Шон огляделся, чтобы убедиться, что Гарри или кто-то из двух других мужчин не подкрадывается к нему в попытке свести счеты и...

—Шон услышал ужасный грохот в чаще позади себя, и его разум заработал вхолостую. Вот оно, подумал он, уверенный, что его атакуют. Он развернулся, держа меч наготове, чтобы защитить себя, но сразу же ничего и никого не увидел. Грохот в чаще продолжался. Что-то там было, но...

Внезапно огромный, волосатый, темно-коричневый кабан прорвался сквозь густой подлесок примерно в тридцати футах от нас, хрюкая и визжа. Его длинные, загнутые вверх бивни казались острыми как бритва. Маленькие, черные, бусинки глаз смотрели прямо перед собой. Увидев Шона, он изменил курс и на полной скорости бросился прямо на него.

Шон замер, пораженный. Не думая об этом, он поднял меч высоко над головой и стал ждать. Когда дикая свинья достаточно сократила расстояние, он подпрыгнул и взмахнул мечом со всей своей силой, намеренно оторвав ноги от земли. Меч пролетел по воздуху, сверкнув на солнце, и вонзился за левым ухом зверя. Кабан издал резкий визг и вырвал меч из рук Шона, когда его инерция полностью унесла его под собой.

Шон сделал сальто в воздухе, пытаясь увернуться от этих смертоносных бивней, и приземлился на спину, опустошив легкие мощным потоком воздуха. Ошеломленный и дезориентированный, он с трудом поднялся на ноги, резко развернулся голыми руками, чтобы встретить еще одну возможную атаку, но увидел, что животное замерло, уткнувшись мордой в песок. Шон наблюдал, как свинья несколько раз пнула левую заднюю ногу, а затем замерла, а ее жизненная сила вытекала из огромной раны на шее, которая продолжалась до самого черепа. После еще одного быстрого рывка ноги свиньи перестали двигаться. Затем Шон полностью развернулся на каблуке левой ноги, убедившись, что ему больше ничего не угрожает. Когда он убедился, что больше никаких непосредственных угроз для него нет, он повернулся к свинье лицом, сделал глубокий вдох, и его выдох, должно быть, длился целых десять секунд.

Пока он стоял там, ошеломленный, в нем циркулировало множество эмоций. Облегчение от того, что свинья умерла, а не он. Рад, что он провел все эти часы, затачивая меч в последнее время. Пораженный тем, что он нашел жизненно важное место первым взмахом меча. И удивление тем, как эта штука пережила циклон и цунами.

Он подошел, поставил ногу на голову кабана и вырвал меч. Затем, оглядевшись, он крикнул: «Тимми, где ты, сынок?»

«Сюда, дядя Шон», — раздался тихий голос. Парень подошел и встал рядом с дядей.

«Хороший мальчик», — сказал Шон. Он положил руку на плечо мальчика.

Деревенские жители столпились вокруг в удивленном благоговении. Долгое время они стояли и смотрели. Потом кто-то пробормотал: «Ну, черт возьми. Правда, прокляну», с сильным южным акцентом.

Шон повернулся. Это сказал человек, которого он называл Ларри, один из дружков Гарри .

«Хочешь сегодня на ужин жареную свинину?» — спросил его Шон.

Брови Ларри взлетели вверх. «Конечно, разве ты не знаешь этого».

«Тимми, дай мне свой перочинный нож».

Тимми положил его на ладонь дяди. Шон открыл нож, бросил его и воткнул в песок рядом со свиньей. «Если ты приготовишь тушу, мы сможем жарить ее остаток дня».

«Мы оттащим его в лес, снимем шкуру, высушим и разделаем», — сказал Ларри.

«Смотри, не потеряй этот нож. Принеси его мне, когда закончишь, ладно?» — Шон добавил немного резкости в голос, чтобы Ларри не мог не понять, что он имел в виду. «Не заставляй меня искать его».

Ларри кивнул в знак понимания.

Шон мог сказать по его глазам, что он понял. Насколько знал Шон, все ножи на острове были распределены в основном среди плотницкой бригады, и он хотел, чтобы так и оставалось. Он определенно не хотел, чтобы нож или любой другой металл попал в руки врага.

Ларри и еще двое мужчин обвязали заднюю ногу свиньи лианой и потащили ее прочь.

Шон подошел к нескольким женщинам, которые были членами команды поваров, и спросил: «Как вы думаете, вы могли бы придумать какой-нибудь соус для поливания, и в большом количестве?»

Они улыбнулись, и один из них сказал: «Мы сделаем все возможное».

Затем Тимми, Билли Томпсон, Шон и двое мужчин из бригады плотников отправились в джунгли. Им не потребовалось много времени, чтобы найти то, что они искали, обрубить это до нужного размера и притащить обратно в деревню. Они прочно воткнули две крепкие ветки в форме буквы Y в песок по обе стороны от костра. Затем они обрезали ветки поменьше с прямой, толстой, твердой ветки, чтобы использовать их в качестве шампура, и заострили один конец.

Кабан появился у костра около полудня. Шон был поражен проделанной с ним работой. Он был полностью выпотрошен, без головы и кожи; ноги были оторваны ниже лодыжек. Это было похоже на огромную узловатую мышцу. «Очень профессиональная работа», — сказал Шон. «Вы, ребята, действительно знаете свое дело».

«Изучил искусство разделки туш у своего старика», — сказал один из мужчин, помогавших Ларри, который не был близким другом Гарри. Шон не мог вспомнить, чтобы видел его когда-либо раньше.

«Как тебя зовут?» — спросил его Шон.

«Кларенс». Его лицо исказилось в том, что можно было бы назвать ухмылкой. Кларенс был высоким, болезненно худым, с заостренным лицом и орлиным носом.

«Приятно познакомиться, Кларенс». Они пожали друг другу руки.

Затем Ларри передал Шону нож Тимми, вычищенный и со сложенным лезвием. Шон кивнул в знак благодарности с легкой улыбкой и вернул его Тимми.

Им шестерым потребовалось сорок минут, чтобы проткнуть свинью вертелом. Шон использовал свой меч как зонд для прокалывания с обоих концов, прорезав дыру в шее, грудной клетке, грудной клетке и нижней части спины. Это было совершенно отвратительное и вонючее дело. Обильно сочилось много крови, почти заставляя Шона постоянно чувствовать себя несчастным.

Им потребовалось четверо, чтобы поднять тушу над огнем и на Y-образные шесты, хрюкая во время всей процедуры. Даже одетая, эта жуткая штука была невероятно тяжелой. Шон предположил, что она должна весить двести фунтов, легко.

Они немного разожгли огонь и стали ждать. Шон надеялся, что к ужину усилия будут оправданы, и не прошло много времени, как вся деревня начала чудесно пахнуть. После нескольких часов готовки женщины принесли несколько галлонов какого-то соуса в пустых кокосах и начали щедро размазывать его по туше. Весь день люди проходили мимо огня, проверяя, как идут дела, пока повара поворачивались и регулярно поливали его соусом.

Позже тем вечером вся деревня наелась жареной свининой. Это было божественно. Повара придумали какой-то соус из фруктового сока, который

придал мясу сладкий, пьянящий вкус, который довольно хорошо справился с маскировкой дикого привкуса мяса. Шон ужасно устал от одной только рыбы, и он был не одинок.

Весь следующий день вся деревня объедалась свининой. Какое-то время казалось, что нет предела количеству мяса на этих костях, но в конце концов тушу разделали начисто. Шон подумал, что все рады видеть, как эта штука наконец-то съедена поздно вечером следующего дня, но она была прекрасна, пока была.

Затем, в течение следующих нескольких дней, Тимми, Билли и Шон нанесли последние штрихи на каноэ. Они выдалбливали его до тех пор, пока корпус не стал толщиной около трех дюймов, за исключением балки, которую они оставили немного толще. Бока были довольно плоскими и ровными, а нос и корма были заостренными. Оно было около восьми футов в длину и два с половиной фута в ширину внутри в самом широком месте. Шон очень гордился их творением.

Затем Шон попытался придумать способ присоединить широкий плоский кусок дерева к крепкой палке, но он не смог сделать соединение между двумя частями достаточно прочным, чтобы выдержать нагрузку, необходимую для движения каноэ по воде. Поэтому он расколол несколько бревен вдоль и выстрогал их в грубую форму весла. Это была тяжелая, утомительная работа. Сухожилия в пальцах Шона, казалось, замерзали от усилий, но в конце концов он сделал три грубых весла.

Предложение Шона окрестить их новый корабль «Линда» было единогласно принято мальчиками. Он провел один день, кропотливо вырезая ее имя по обеим сторонам носа. Он даже втер немного золы из костра в ее имя, чтобы сделать его темнее и выделить на фоне остального корпуса.

Наконец, наступило утро, чтобы совершить первое плавание. Пока трое из них, Тимми, Билли и Шон, тащили его к кромке воды, их бомбардировали взрослые, желающие прокатиться. Шон задавался вопросом, где были все эти люди, когда они вкладывали все эти изнурительные часы, необходимые для создания этой штуки. Он вежливо сказал всем, кто спрашивал, что дети, которые помогали ее строить, будут первыми, кто прокатится на ней. Большинство сморщилось и ушли.

Они втроем спустили ее в северную бухту и спустили в воду. Билли на носу, Тимми посередине и Шон на корме, чтобы помогать грести и управлять, они отправились в путь. Шон был единственным, у кого был какой-то опыт гребли на каноэ.

Это был серый, пасмурный день. Сильный бриз поднял сильный зыбь, которая подбрасывала каноэ, но поначалу вода не переливалась через борта. Шон решил, что они останутся в бухте первые несколько раз, чтобы привыкнуть к тому, как она управляется. Он боялся, что может разразиться шторм, заперев их в море. Если каноэ наполнится водой, оно может перевернуться, что может оказаться фатальным.

После нескольких минут практики все трое вошли в ритм и начали работать в команде. Больше не нужно было стучать веслами вместе, и они могли плыть в желаемом направлении. Еще несколько минут, и Шон научил их гребку «J», чтобы они могли продолжать плыть по прямой.

Linda была водонепроницаемой, но это было лучшее, что можно было о ней сказать. Она ехала низко в воде с тремя людьми на борту и реагировала в лучшем случае вяло. Она не выиграла бы ни скорости, ни поворотов, но после некоторой практики они могли бы доставить ее туда, куда им было нужно. Но отсутствие настоящего киля заставляло их скользить боком в воде.

Они вернулись в деревню усталые, но торжествующие, и провели остаток дня с перевернутой лодкой, рубя и откалывая более выраженный киль. Шон был рад, что они оставили эту дополнительную древесину на дне. На следующее утро он просверлил отверстие диаметром один дюйм в корпусе на носу, на четыре дюйма ниже планширя, с помощью перочинного ножа.

После ужина Шон провел несколько часов со своим камнем, затачивая свой меч, как он делал это каждый вечер. Скрежет *камня* о сталь разносился по деревне. Тимми сидел рядом с ним, со своим собственным камнем, который он нашел сам, затачивая перочинный нож, который дал ему мэр Флеминг. Шон заметил, что вся эта рубка дров и овощей, рубка лозы, изготовление каноэ и бесчисленное множество других применений, которые он нашел для него, наносили урон его мечу. Только благодаря постоянным усилиям с камнем он мог поддерживать его хоть какую-то остроту. Он задавался вопросом, не станет ли он в конечном итоге слишком

тонким, чтобы быть полезным, если они останутся на острове достаточно долго. Если так, то это будет тот день, когда он станет уязвимым, и Гарри сделает свой ход к власти. Он не доверял этому человеку и его скользкой риторике, уверенный, что он только ждет своего часа, чтобы нанести удар.

Но, к изумлению Шона, Гарри и трое его дружков сдержали свое слово и стали полезными членами деревни. Они были рыбаками и помогали снабжать деревню едой, и, за исключением Мо, который протолкнул Тимми через огонь, они больше не доставляли неприятностей. Но Шон все еще был подозрителен.

После того, как он еще несколько раз ударил камнем по мечу, вечерняя буря заставила его спешно забежать в хижину.

На следующее утро Шон, Тим и Билли снова вышли на каноэ в северную бухту и провели почти весь день, тренируясь вместе. На этот раз «*Линда*» управлялась гораздо лучше. Она больше походила на каноэ, чем на плот. Они практиковали упражнения по гребле, например, разгоняя ее до максимальной скорости, затем останавливая ее в воде как можно быстрее, а затем двигаясь назад. Они практиковали крутые S-образные кривые, делая восьмерки и все, что мог придумать Шон, чтобы они стали достаточно опытными, чтобы вытащить ее из бухты. У него было что-то особенное на уме.

Он еще ничего не сказал, но он хотел исследовать то старое кораблекрушение, которое он видел, когда был на вершине восточного вулкана. Поэтому за ужином тем вечером Шон рассказал детям о своем плане исследовать заброшенный корабль. Лица мальчиков засияли.

«Мы можем сделать это завтра, дядя Шон?» — Тимми невнятно пробормотал, пытаясь выговорить слова побыстрее.

«Да, пойдем завтра. Перламутр!» Билли хлопнул в ладоши.

«Ну, посмотрим. Это будет зависеть от погоды. Но мы скоро пойдем. Хорошо?»

Оба мальчика хором закричали: «Да!».

В ту ночь Шону снились пираты, бороздящие просторы Испанского Мейна, галеоны, ломящиеся от золота инков, невероятные залпы пушек между военными кораблями, множество молодых моряков со сломанными костями, потерянными конечностями и проколотыми органами, плавающих лицом вниз в воде.

Когда он проснулся на следующее утро от мощных, ярких и жестоких снов, вместо того, чтобы быть сонным, его глаза резко открылись, и он мгновенно проснулся и был в сознании, что было для него очень странно. Дома он всегда валялся в постели от десяти до тридцати минут каждое утро, прежде чем встать. Затем он полз с сонными глазами в гостиную, плюхался в свое любимое кресло и проводил еще двадцать минут, пока не становился бодрым и бодрым, прежде чем начать день.

Но сегодня все было совершенно иначе. Он весь дрожал от необъяснимой энергии. Он задавался вопросом, что это было и почему это пришло к нему. Он поднялся со своего ложа из травы и зарычал, разминая свои сонные мышцы. Затем он зарыл свой меч под слоем песка, потому что не очень хотел брать его с собой в каноэ, когда они отправились на разведку к кораблю.

Когда он вышел из хижины, его встретил самый чудесный день, который он когда-либо помнил. Воздух был достаточно прохладным, чтобы бодрить, но достаточно теплым, чтобы помочь кровотоку. Но что было таким завораживающим, так это бодрящий аромат легкого ветерка, который дул вокруг него. Он пах богато и живо, с оттенком цветков магнолии, или это была жимолость, или жасмин, или все три. Это было особенно странно, потому что он не видел ни одного из них на острове. Он впервые почувствовал себя по-настоящему живым. Все его чувства были сверхчувствительны. Его проблемы казались ничтожными, далекими.

Он моргнул, затем уставился прямо перед собой. К его полному изумлению, воздух казался вязким, как будто он плыл сквозь него с каждым шагом. Цвета всего: цветов, деревьев, песка, моря, преломлялись в воздухе, усиливая их оттенок. Со всем этим цветом в воздухе — он мог фактически видеть воздух, как он кружился и закручивался вокруг него. Следы зеленого, желтого, красного, синего и оранжевого струились в пространстве. Осязаемые цвета, которые он мог пробовать на вкус и смаковать. Как будто ночью барьер был снят с его чувств, и впервые он смог увидеть то, что было там все это время.

Он чувствовал себя так, словно кто-то или что-то преподнесло ему чудесный дар.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Безумие»

Воздух также усиливал каждый звук. Когда кричала птица, или шелестели листья, или трещал огонь, волны звука усиливались жидким воздухом, и его тело одновременно ударялось во всех направлениях их ударами. Так много информации достигало его разума так быстро, что он не мог усвоить ее достаточно быстро, и его чувства перегружали его мозг. Все эти образы стали обузой, тяжелым грузом. Они увязали в нем, умственно и физически. Он мгновенно устал и хотел лечь и держать голову обеими руками, пока все происходящее не прекратится.

Что, черт возьми, происходит? — спросил он себя. — Я, наверное, схожу с ума.

Затем, внезапно, как будто миллион круглых колышков аккуратно вставлены в миллион круглых отверстий, его разум снова оказался под его контролем. Он огляделся вокруг и, к своему небольшому удивлению, больше не мог видеть воздух или чувствовать звуки. Но этот опыт немного изменил его. Его чувства стали острее; он стал более осознанным. Ничто не ускользало от его внимания. Уверенность взлетела. Что-то в том, как он воспринимал мир, было немного другим, и он не имел ни малейшего понятия, что это могло быть.

Внезапно он стал одержим... может ли это быть любовью? Он любил всё и всех, даже Гарри и Мо, Ларри и Кёрли. Он любил человечество и прекрасные вещи, которые оно совершило: искусство, танец, скульптуру, музыку, особенно музыку. Он любил то, как...

Чувства любви исчезли так же быстро, как и появились. Их в одно мгновение сменила ненависть. Злобная всепоглощающая ненависть ко всему и всем, особенно к Гарри и его друзьям. Он ненавидел их и всех, кто когда-либо приложил руку к причинению боли другому человеку.

Или отравить нашу прекрасную мать-Землю.

Он думал обо всем том загрязнении, которое было выброшено на планету за все время управления планетой человечеством, особенно в прошлом столетии, и особенно за последние сорок лет. Как люди могут быть такими глупыми и невежественными?

Неожиданно это чувство ненависти исчезло, и у него не осталось ничего, кроме жалости. Он жалел всех, кто был представителем жалкого вида, называемого человеком. Глупое и невежественное существо, не способное использовать более десяти процентов своего мозга. Подобно дрожжам в пивной бочке, он был уверен, что люди обречены размножаться и выделять отходы до такой степени, что это отравит насмерть каждого представителя этого вида.

Шон был уверен, что коровы на бойне, которых ведут по желобу, чтобы получить гвоздь в голову, были благороднее всего человечества. По крайней мере, у них не хватает интеллекта, чтобы понять, что происходит, но человек все равно выбрал ядовитый путь. Шону было очень жаль существ, которые делили Землю с человеческой культурой дрожжей, потому что они были истинными жертвами; уничтоженными из-за беспечности, подлости и глупости, но больше всего из-за жадности.

Кого волнует, если человечество пойдет по пути странствующего голубя? Но почему он должен утащить за собой на дно всю остальную планету, когда он уйдет? Человечество должно...

В этот момент его непреодолимое путешествие в мир эмоций исчезло, как капля чернил в Тасманийском море, и Шон взглянул на очень озадаченное лицо Тимми.

«Дядя Шон, с тобой все в порядке?» — застенчиво спросил мальчик.

Шон покачал головой, надеясь прояснить ее. «Наверное». Его голос звучал странно даже для его собственных ушей. Он был настолько полон неуверенности, что дрожал.

«Я волновался», — сказал Тимми. «Ты так долго стоял там, уставившись в пространство. И твое лицо выглядело очень странно».

«Как долго?» Шон понятия не имел, который сейчас час.

«Примерно пять минут. Я разговаривал с тобой, но ты мне не ответил. Я беспокоился и закричал. Ты не пошевелился. Потом я схватил тебя за руку и потряс ее, а ты даже не почувствовал».

Шон услышал беспокойство в голосе Тима. «Я понятия не имел. Я думал, что это может быть часами. Ну», он посмотрел в эти очаровательные глаза, затем потер руки. «Ты готов доплыть до этого корабля на каноэ и отправиться на разведку?»

«Да!» — недвусмысленно сказал Тимми.

Шон посмотрел мимо мальчика и увидел, как Билли идет к ним. «Билли, ты готов поплыть и исследовать этот корабль?»

Он ответил: «Да!» с таким же энтузиазмом, как и Тимми.

«Ладно. Давайте позавтракаем, соберем обед и пойдем».

Мальчики с жадностью проглотили свой завтрак и к тому времени, как Шон закончил завтракать, упаковали три обеда. Затем они спустились на северный пляж, перевернули каноэ, убрали снаряжение и столкнули его в воду. Они забрались в лодку, начали грести, синхронизировались и направились прямо на север из бухты.

Пока они плыли по воде, Шон пытался понять, что с ним случилось этим утром и почему? Он перебирал в памяти все, что видел, обонял, слышал, чувствовал и пробовал, и странный спектр эмоций, которые нахлынули на него. Он ломал голову много долгих минут, а затем перед его мысленным взором возникло лицо Линды. Эта нежная, милая, красивая, чувствительная, вдумчивая, пытливая и умная девушка смотрела прямо на него и улыбалась. Воспоминание о ней в ужасных муках на протяжении всех этих часов пришло к нему непрощено. Каким-то образом он знал, что то, что случилось с ним ранее, напрямую связано с ней.

Но как? И что еще важнее, почему?

Он задавался вопросом, какая связь может быть, но ничего не приходило ему в голову. Ну, он продолжал пытаться выяснить это и надеяться, что связь между ними в конце концов всплывет.

Пока они гребли, Шон сказал: «А теперь, ребята, давайте направимся прямо туда». Он указал всей своей правой рукой. «Насколько я помню, с вершины горы в первый день здесь, мы пройдем мимо всех этих мерзких рифов в ту сторону. Теперь, если я начну выкрикивать приказы, немедленно выполняйте мои приказы. Это может быть опасно, если мы будем неосторожны. Но если мы сохраним голову, у нас не возникнет проблем с прохождением». Он перешел на пиратский акцент кокни: «Правильно, приятели?»

«Правильно, капитан», — хором ответили они, подражая его пиратскому акценту.

Сохраняя свой акцент, Шон добавил: «Мы бы не хотели оказаться в шкафчике Дэйви Джонса, не правда ли, приятели?»

«Да, примерно так, капитан», — ответил Тимми.

«Вы можете поспорить, что суетитесь, Хозяин », — ответил Билли.

Шон улыбнулся. У него была самая дружная команда ковбоев, которая когда-либо плавала... гребла по испанскому... полинезийскому Мейну.

«Ну, ладно, мои сердечные, давайте держать глаза открытыми на случай неприятностей», — сказал Шон, и оба мальчика кивнули головами, не оборачиваясь. «Особенно ты, на носу, Билли. Если ты не увидишь, а мы врежемся, мы пойдем ко дну».

«Ничто не ускользнет от этих орлиных глаз, капитан », — заверил его Билли.

Они гребли и гребли, казалось, никуда не двигаясь. Находясь в середине бухты, было трудно сказать, как быстро они движутся. Он поднял глаза и был ослеплен тем, насколько ярким и синим было небо. Он никогда раньше не видел такого оттенка синего. Он подумал, что каким-то образом синева неба отражается синевой воды, возвращаясь к небу, которое снова преломляет ее вниз. И синева усиливалась, отскакивая вверх и вниз, словно запертая между двумя параллельными зеркалами.

Тут и там облака, словно пряди ангельских волос, сотканые из измельченных алмазов, усеивали небо. К изумлению Шона, в центре каждого было нежное лицо Линды, с любовью глядящее на него.

И он заплакал.

Он не мог сдержаться. Слезы навернулись на глаза и потекли по щекам. Он интуитивно знал, что она общается с ним, где бы она ни была, пытаясь что-то ему сказать. Что именно, он не мог сказать. Но он продолжал слушать, напрягаться, чтобы услышать ее, надеясь вскоре настроиться на ее волну.

Его разум вернулся к реальности, когда в его мысли проник какой-то шум. Потребовалось мгновение, чтобы настроиться на звук.

Серфинг!

В этот момент Билли крикнул: «Риф! Прямо по курсу».

Шон приказал: «Всем остановиться!» Трое мальчиков гребли назад, пока каноэ не замерло на воде.

Шон сказал: «Держите ее ровно, ребята», — когда он поднялся и посмотрел так далеко, как только мог. Там было много кипящей воды, это точно, но они все еще были на приличном расстоянии, слишком далеко, чтобы получить ясный обзор.

«Давайте подтолкнем ее немного ближе», — сказал Шон. «Но смотри внимательно туда, Билли».

«Да, капитан. Впереди — выветренный глаз. Не бойтесь».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Корабль»

Они медленно проплыли немного дальше. Вскоре ревущий шум воды, обрушивающейся на кораллы, стал явным. Они снова остановили каноэ. Шон увидел по крайней мере восемь-десять рифов в непосредственной близости от них, образующих почти прямую линию, параллельную пляжу, с быстрыми течениями, проносящимися между ними, которые были достаточно сильны, чтобы унести небольшое каноэ к быстрой гибели. Ближайший выход в открытое море был примерно в ста ярдах слева.

«Давайте повернем налево, ребята. Похоже, туда все пойдет гладко», — указал Шон.

Оба мальчика повернулись туда, куда он указал.

Билли погрузил весло в воду и повернул нос. Все трое гребли несколько минут и остановились. Шон еще раз взглянул и изменил направление на несколько градусов. Прodelав эту процедуру еще три раза, Шону удалось провести их через рифы, и они, наконец, достигли внешних вод за ними. Шон пристально посмотрел на корабль, на безопасный выход и на то место, где эта леска выходила на берег, чтобы вспомнить окольный путь, по которому они плыли, и позже в тот же день найти дорогу обратно в бухту.

Однако, оказавшись во внешних водах, Шон не учел, с каким типом беспокойной воды они столкнулись. Маленькое каноэ поднималось и опускалось. Нос так сильно хлестал по белым барашкам волн, что Шон боялся, что «*Линда*» развалится. Вода переливалась через борт, пока Тимми не пришлось большую часть времени вычерпывать воду кокосовой скорлупой. В какой-то момент Шон подумывал прекратить экспедицию, но как только они прошли мимо тонкой косы земли, окаймляющей северную бухту, и мальчики увидели место назначения, ветер и волны немного стихли, и теперь им не хотелось поворачивать назад.

Они гребли в унисон, чтобы сохранять прямой курс. Это работало достаточно хорошо. Но по мере того, как шли минуты, Шон становился скользким от пота. Солнце светило ярче, чем он когда-либо мог вспомнить. Он отчаянно жалел, что у него нет шляпы и пары очков. Они гребли и гребли еще немного, но это, казалось, не имело никакого значения. Даже после девяноста минут упорной гребли по беспокойному морю, корабль оставался на горизонте, вне досягаемости.

Если смотреть с вершины вулкана, то остров и корабль разделяла, казалось, лишь небольшая полоска воды. Но реальное расстояние оказалось, может быть, пятью или шестью милями, предположил Шон.

Через два часа мальчики отдохнули пятнадцать минут. Теперь корабль определенно казался больше. Еще через час корабль вырос еще больше. Теперь уже не слишком далеко. Немного позже они осторожно приблизились к кораблю, не желая разделить его судьбу. Выкрикивая приказы, Шон направил каноэ медленно вперед. Когда они отошли примерно на триста ярдов, Шон приказал каноэ остановиться. Корабль был похож на огромное грузовое судно. С такого расстояния эта штука выглядела древней. Ржавчина покрывала каждый квадратный дюйм открытой поверхности.

Корабль накренился примерно на двадцать градусов влево. Нос поднялся на риф; корма была почти полностью погружена, но доступ на главную палубу оттуда не был возможен, поскольку ее самый низкий уровень все еще был слишком высок, чтобы подняться. За надстройкой возвышалась единственная огромная дымовая труба. Четыре больших крана, по два с каждой стороны, возвышались над грузовыми трюмами, словно готовые после всех этих лет опуститься и вытащить хранящиеся товары из глубин ее трюмов. Шон мог видеть некоторые остатки надписей на носу, но погода и ржавчина стерли почти всю краску, и он не мог разобрать название.

Шон приказал им обойти корабль, чтобы посмотреть, где можно взять его на abordаж. Держась подальше от рифа-убийцы, они обошли корабль, пока не обошли левый борт, где несколько лестниц спускались по внешнему корпусу и уходили в воду.

Они остановились у металлической лестницы. Шон надежно привязал «*Линду*» к мертвому кораблю через отверстие в носу прочной «веревкой»,

сделанной из переплетенных трех тонких лоз. Он проверил узел, затем еще раз проверил, чтобы убедиться, что он тугой, и они не потеряют каноэ. Последнее, что им было нужно, это проделать весь этот путь сюда только для того, чтобы их каноэ уплыло на них. Они наверняка умрут от холода в течение нескольких дней после того, как окажутся в ловушке на этом корабле, если будут неосторожны. Учитывая расстояние, рифы, акул и течения, о том, чтобы доплыть домой, не могло быть и речи.

Затем Шон сказал: «Ладно, ребята, слушайте. Мы здесь, чтобы отправиться на поиски приключений, исследовать что-то новое, развлекаться, но опасности реальны. Кто-нибудь из вас знает, что такое столбняк?» Шон всмотрелся в каждое лицо.

«Что-то связанное с ржавым металлом», — сказал Билли, пожав плечами.

«Ты прав», — сказал Шон. «Если мы порежемся ржавым металлом, из которого сейчас сделан этот корабль, мы можем подхватить столбняк или столбняк, как его называют, и умереть ужасной смертью. Я не хочу тебя пугать, но будь начеку. Никаких ободранных колен, порезанных пальцев, ударов головой или локтей. Будь осторожен, куда кладешь руки. Следи за просветом, когда мы проходим через дверные проемы. Верно? Теперь, самой опасной частью этого путешествия могут стать эти лестницы. Они выглядят довольно шаткими. Делай, как я».

Шон осторожно ступил на самую нижнюю ступеньку, которая была выше ватерлинии, и начал медленно подниматься. Подъем был сложным. Корабль наклонялся к ним, а ступеньки были под странным углом, почти прямо вверх. Шон схватился за перила, наступил и проверил прочность первой ступеньки, прежде чем положить на нее весь свой вес. Она даже не скрипнула. Он поднял руку, снова схватился за перила и попробовал следующую ступеньку. Он поднялся, проверяя каждую и двигаясь рука за рукой, осторожно, чтобы не провести руками по перилам, боясь острого края. Оба мальчика подражали его действиям.

«Посмотри сюда», — предупредил Шон на полпути, указывая вниз. «Эта ступенька гнется и может не выдержать моего веса». Все обходили ее стороной.

Наконец они достигли вершины и вышли на главную палубу. Шон приложил руку к глазам, потому что солнце было резким, а блики яркими, почти болезненными. Постоянный бриз, дувший с юга, ощущался чудесно.

Палуба была пуста от кончика носа до того места, где надстройка возвышалась на 30 ярдов, словно островной утес посреди океана. Трехфутовый поручень окаймлял палубу по всему периметру судна. Большая ее часть была все еще цела после всех этих лет.

Пока Шон стоял там, он ощутил глубокое чувство опустошения и одиночества. Он почувствовал, как поток боли исходит прямо из пустого металлического корпуса, как будто он был живым и плакал о своей судьбе. Высокий, скорбный вопль заполнил его мысленный слух.

Шон зажмурился и потряс головой, чтобы прочистить ее. Он сделал глубокий вдох, а затем огляделся, наполовину ожидая, что корабль, или, по крайней мере, его часть, начнет двигаться. Он подождал минуту, чтобы увидеть, произойдет ли что-нибудь.

«Давайте поедим», — сказал Билли. «Я умираю с голоду».

«П-правильно». Сказал Шон. Они подошли и сели на палубе в тени надстройки и съели сытный обед из копченой рыбы, нарезанного таро, кусков папайи, полосок кокосовой мякоти и сладкого молока, чтобы запить все это. Шон и Тимми полюбили кокосовое молоко. Это было единственное, что можно было пить, помимо воды.

В середине обеда Шон огляделся, уверенный, что за ними наблюдают. Ощущение было настолько сильным, что он встал и обшарил глазами надстройку, но ничего не увидел, ни движущегося, ни неподвижного.

«Что-то не так?» — спросил Билли с набитым ртом.

«Думаю, нет», — Шон снова сел, но зуд на затылке оставался жарким.

«Я думаю, у нас есть около двух часов на исследование, прежде чем мы продолжим путь к острову», — сказал Шон через некоторое время. «Последнее, что мы хотим делать, — это пытаться преодолеть эти рифы в темноте». Он подумал о том обреченном плоту в ночь авиакатастрофы и обо всех тех людях, которые погибли.

После обеда Шон посмотрел за борт, чтобы убедиться, что каноэ все еще на месте (оно было на месте), а затем спросил свою команду: «Итак, что бы мы хотели посмотреть, пока мы здесь, а, ребята?»

«Мост», — тут же воскликнул Билли.

«Давайте спустимся и посмотрим, сможем ли мы найти какие-нибудь сокровища в трюмах», — сказал Тимми, широко раскрыв глаза от волнения.

Шон усмехнулся. «Ну, дружище », — сказал он, стараясь не рассмеяться. «Не возлагай слишком больших надежд. Моряки забрали бы с собой все сокровища, когда покинули этот корабль, не думаешь?»

От волнения Тимми издал глубокий стон, а Шону стало жаль, что он разбил надежды малыша.

«Но, — поспешил возразить Шон, повысив голос, — возможно, только капитан знал о сокровищах, хранящихся глубоко в трюмах, и он погиб, когда корабль потерпел крушение, и они все еще там, ожидая, когда мы их найдем».

Это невероятно воодушевило Тима.

Они обошли надстройку по правому борту, пока не нашли узкую лестницу, ведущую вверх. Они поднялись по четырнадцати ступеням, вышли на небольшую площадку и попробовали дверь. Она была заржавела. Дорожка уходила направо, но они продолжили подниматься по узкой лестнице налево еще на четырнадцать ступенек. Они прибыли на открытую платформу напротив переборки с двумя дверями. Стена со множеством окон в ней смотрела вперед направо от переборки.

«Это, наверное, мост», — пробормотал Шон.

Шон попытался заглянуть в ближайшее окно. Стекло было таким грязным, а внутри было слишком темно, чтобы что-либо разглядеть. Он попробовал дверь. Она не поддавалась. Он плюнул на руки, схватил ручку и потянул изо всех сил. Дверь скрипнула и медленно поддалась, пока не открылась примерно на двадцать градусов. Затем Шон уперся правой ногой в стену и потянул, осторожно, чтобы не вылететь, если дверь внезапно поддастся. Она медленно открылась с глубоким визгом. Когда она открылась достаточно широко, все трое мальчиков проскользнули в щель и попали в другой век.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Мост»

По условиям Шон был уверен, что они были первыми людьми на этом мосту с тех пор, как он был заброшен много лет назад. Сочетание плесени, грибка и ржавого металла создавало едкую вонь. Воздух был таким вонючим и затхлым, что было трудно дышать.

Колесо диаметром четыре фута стояло в центре, обращенное вперед. Вдоль всего фасада, под рядом трехфутовых окон, выходящих на море, располагалось множество циферблатов, приборов и датчиков, установленных в шкафу, покрытом пылью. В нактоузе скрывался компас. На трех двухдюймовых трубах, проходящих через палубу, было три мундштука. Большой круглый прибор для сигнализации скорости двигателя имел две латунные ручки, по одной с каждой стороны, образуя единое целое сверху. Шону было интересно, как это называется. Телеграф? Может, он где-то это слышал. Осколки чашек и блюдо лежали в свободной куче в углу. На задней стене был еще один набор датчиков под рядом из четырех телефонов.

Шон, заинтригованный, стер пыль с нескольких датчиков на задней стене. Один мог быть давлением воды, другой — оборотами, но он не был уверен. Все надписи давно стерлись, так что не было ничего, что указывало бы на язык или национальность судна.

Тимми попробовал повернуть колесо. Оно не сдвинулось с места. Мальчики открыли шкафы. Свободные кучки того, что когда-то могло быть бумагой, лежали сваленными в кучу влажными, заплесневелыми холмами.

По обе стороны задней стены были открыты двери в другую комнату. Шон шагнул внутрь и оказался в рубке связи. Билли последовал за ним. Старое радио, похожее на то, что он видел в бесчисленных военных фильмах, все еще стояло на металлической полке на задней стене. Пара наушников, кожа которых давно сгнила, лежала на полу. Билли ради забавы щелкнул несколькими переключателями на радио. Все покрывал толстый слой красной пыли.

Шон попытался представить, каково это было в ту роковую ночь, когда она налетела на риф. Он увидел, как корабль попал в ужасный циклон, самый сильный шторм, обрушившийся на этот район за последнее десятилетие. Его корпус прорезал гигантские впадины в море, волны разбивались о палубу. Молния расколола ночное небо, за ней быстро

прогремел гром. Дождь хлестал по окнам мостика. Дворники плохо справлялись.

Капитан едва видит море перед собой. Он выкрикивает приказы. Первый помощник и остальная команда делают все возможное, чтобы выполнить их. Промокшие от дождя матросы снуют на мостик и обратно, передавая капитану отчеты о состоянии судна. Младшие офицеры отвечают на телефонные звонки. Радист посылает сигнал бедствия. Измотанные люди на штурвале, тщетно пытающиеся проложить курс между этими островами и рифами.

Ему показалось, что он все еще их слышит.

«Рулевое управление не реагирует, капитан. Эти волны должны быть высотой в шестьдесят футов. Винты находятся над водой двадцать процентов времени».

«Нам нужно больше мощности». Он приложил рот к одному из мундштуков и закричал: «Машинное отделение. Больше мощности. Больше мощности!»

Он слышит: «Котлы на сто десять процентов, капитан». — по трубе.

Без предупреждения, этот неизбежный момент смерти наступил, когда корабль врезался в риф с ужасающим, режущим кости, металлическим разрывом, который заставил команду распластаться. Вода затопила нижние уровни. Запертые члены экипажа кричали, тонули

В один момент корабль несется вперед на полной скорости, сохраняя равновесие, вселяя в команду большие надежды, а в следующий момент он застывает на месте, и смерти достаточно одного удара сердца, чтобы разорвать его внутренности в клочья.

Капитан поднимается с палубы, прижимает руку ко лбу, по лицу течет кровь, он кричит в трубы: «Машинное отделение, доклад! Машинное отделение! Доклад!»

Жалобный голос объявляет: «Трюмы затапливаются. Машинное отделение в катастрофе. Много жертв. Никакой надежды на спасение».

«Всем покинуть корабль! Всем покинуть корабль!» — кричит капитан, зная, что его корабль потерян.

Возникают паника и смятение, когда оставшиеся члены экипажа спешат покинуть корабль и спасти свои жизни.

Может быть, этот корабль перевозил нацистское золото в Японию или переправлял шпионов в Австралию, подумал Шон. Фантазировать было весело.

Дети тем временем играли со всеми инструментами, проверяли циферблаты. Они по очереди были капитаном и отдавали приказы, а также первым помощником и выполняли их.

Шон протер чистое пятно на одном из передних окон и заглянул в него. Со своей точки обзора он прекрасно видел раздавленный нос, риф-убийцу и, вдалеке, остров, который он теперь называл домом. Затем он заметил два больших орудия, выдвинутых из башен под ним и направленных вперед.

«Смотрите, ребята, пушки!» — воскликнул Шон. «Это же судно времен Второй мировой войны».

Они оба подошли и выглянули в окно.

Билли увидел их и сказал: «Отлично! Пойдем посмотрим».

Но Тимми был слишком низеньким. Шон поднял его, чтобы он мог видеть. «Ух ты!» — воскликнул он. «Можем ли мы пойти поиграть на них?»

«Конечно», — сказал Шон. «Но мы не будем торопиться и будем...»

«Осторожно», — оба мальчика закончили фразу в унисон.

Затем Тимми добавил: «Да, мы знаем. Мы не забудем».

Шон улыбнулся, когда дети сбежали с мостика и начали спускаться по лестнице через надстройку. Шон последовал за ними, стараясь не отставать. Пройдя двадцать футов, дети свернули на другую дорожку слева. После пары быстрых поворотов налево они нашли ружья. Они были около восьми футов длиной, с каналом ствола чуть больше кулака Шона. Они располагались ниже и по обе стороны мостика, где их не было видно ни с океана, ни с главной палубы.

Они попытались взломать дверь каждой башни, но ни одна не открылась. Тогда младшие мальчики забрались на них и сделали вид, что сбивают все виды самолетов, лодок и кораблей.

Когда Шон увидел, что ребята устали от пушек, он предложил: «Эй, ребята, давайте спустимся вниз и посмотрим, что там». Два взволнованных лица ответили согласием.

Они спустились на главную палубу, и, пока они шли на корму, Шон подумал, что еще одно предупреждение было бы уместным. «Теперь

слушайте, крайне важно, чтобы мы держались вместе. Если кто-то из вас отклонится и потеряется, вы останетесь умирать ужасной, отвратительной смертью». Шон намеревался сделать это серьезным заявлением. Его смысл был там, но угроза не сработала. Оба мальчика знали, что он сделает все возможное, чтобы найти их.

Они перепробовали несколько ржавых дверей и люков на уровне палубы, которые не двигались, пока не нашли одну дверь, которая, к удивлению Шона, действительно открылась на дюйм с тяжелым металлическим визгом. После хрюканья и рывков в течение пяти полных минут трое парней наконец открыли дверь на фут, а затем на восемнадцать дюймов.

Шон просунул голову и взгляделся в темноту. После небольшой площадки лестница вела вниз, в темноту. Они заставили дверь открыться еще на несколько дюймов, и все трое протиснулись внутрь и остановились на площадке, пока их глаза не привыкли к темноте. Сначала Шон подумал, что будет слишком темно, чтобы спуститься, но света было достаточно, чтобы спуститься на следующую площадку. Еще через несколько мгновений они спустились по лестнице.

Ужасная, мокрая вонь поднималась по лестнице, морща их носы. Это было не то чтобы похоже на то, что кто-то умер, но это был запах смерти — нечто среднее между водорослями, гниющими на горячем пирсе, мертвой рыбой и той старухой, которая сидела рядом с Шоном в кино в тот раз — с резким металлическим запахом в придачу.

Они спустились на первую палубу. Она была на удивление хорошо освещена, потому что солнце пронзало сотни крошечных щупалец света через многочисленные ржавые отверстия в корпусе. Но смотреть было особо нечего. Ничего, кроме, казалось бы, бесконечных коридоров, тянувшихся вечно. Примерно каждые сорок футов была дверь. Шон попробовал несколько, но не смог сдвинуть ни одну.

Итак, они рискнули спуститься по следующей лестнице. По мере того, как они спускались, воздух становился гуще и вонючее. Конечно, здесь было не так уж много кислорода. Эта вторая палуба была темной, сырой и затхлой. Множество маленьких комнат выстроились по обе стороны коридора. Шон попросил мальчиков остаться на месте на мгновение, пока он спускался на следующую площадку, ведущую на палубу ниже этой, и

ничего не мог разглядеть. Он взбежал обратно по ступенькам и сказал мальчикам, что это все, до чего они дошли, и почему.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

"Пачка"

Шону вдруг пришло в голову, что лучше убедиться, что они не потеряют лестницу, ведущую обратно на главную палубу. Он боялся, что они могут бродить вокруг, пока не найдут ее снова, и что все остальные пути наверх могут оказаться заржавевшими.

«Эй, ребята, оставайтесь здесь». Шон помчался обратно по обоим пролетам лестницы на главную палубу. Дверь была такой же, какой они ее оставили, но он хотел, чтобы она была открыта шире, если это возможно.

Он прислонился спиной к стене, поставил правую ногу на дверь и толкал ее, пока не смог поднять левую ногу и тоже поставить ее на дверь. Затем он толкнул ее так сильно, как мог. Медленно дверь скрипнула, открываясь еще на двенадцать дюймов, подняв облако красной пыли, которое заполнило площадку. Солнечный свет залил лестницу и пронесся на палубу внизу с таким количеством света, что они не могли не найти его позже. Уверенный, что дверь не закроется сама по себе, Шон присоединился к своим молодым друзьям внизу.

Они бродили по этой палубе некоторое время, бродя по всем комнатам, в которые они попадали. Чем дальше они продвигались, тем выше и суше становилось. Почти все двери были заморожены и открыты настолько, что можно было пройти.

Эта палуба, очевидно, была каютой экипажа. Четыре проволочные койки были разложены, по две на каждой стене, одна над другой в тесном пространстве. В некоторых каютах были остатки матрасов, которые представляли собой не более чем кучи толстой, зеленой, твердой плесени, напоминавшей что-то похожее на панцирь черепахи. В задней части каждой комнаты была крошечная ниша, выстланная проволочными полками. В некоторых из этих шкафов были какие-то свободные нитки, которые когда-то могли быть одеждой, но были настолько сгнившими, что невозможно было определить, чем именно они когда-то были. В одной из комнат они

наткнулись на старую пару ботинок. Также повсюду валялись грязные металлические чашки и несколько погнутых металлических блюдец. Иногда небольшая комната оказывалась головой. Довольно неинтересное зрелище. Все покрывал толстый слой пыли. Воздух казался достаточно густым, чтобы выдержать ложку.

Они оставляли следы везде, куда бы ни пошли, и старались не поднимать клубы вонючей пыли. По крайней мере, мы всегда можем найти дорогу обратно к двери, подумал Шон. Просто следуй по следу, который мы оставляем.

Однако в одной комнате что-то привлекло внимание Шона. Это было похоже на кучу бумаги, но его внимание привлекло то, что эта куча белесого материала не покрылась плесенью и грибком.

Он ткнул его своим мечом. Острие проникло в материал на дюйм, и к своему удивлению он услышал глухой металлический звон. Что-то металлическое было завернуто в какой-то древний, шелушащийся материал. Что это могло быть?

Он выудил его на середину пола своим мечом. Он оказался на удивление тяжелым и гораздо более громоздким, чем казалось поначалу. Сверток был около четырех футов в длину, восемь дюймов в толщину, фут в ширину на большом конце и сужался к закругленному кончику на другом конце, как длинный треугольник. Он наклонился, чтобы получше рассмотреть его в тусклой темноте, и ткнул в него пальцем.

Кожа. Вот что это было.

Он очистил пятно на полу ботинком, сел на чистое место и начал осторожно слой за слоем снимать старую, разлагающуюся кожу с этого... чего бы это ни было. По мере того, как каждый слой кожи разворачивался, следующий слой оказывался в лучшем состоянии. Вскоре он добрался до того места, где кожа была хорошо сохранена маслом. Что бы это ни было, оно было хорошо завернуто.

Наконец любопытство взяло верх. Он хотел узнать, что было завернуто с такой тщательной заботой, и он хотел узнать это прямо сейчас. Он встал, держась за хороший конец промасленной кожи, и вещь начала разворачиваться, падая вниз. Он держал кожаный лоскут над головой, пока что-то не упало на пол с громким лязгом. Глаза Шона вылезли из орбит, а

челюсть отвисла, когда он наконец увидел то, что было завернуто с такой заботой.

Билли и Тимми зашли в комнату посмотреть, что происходит.

Шон посмотрел на мальчиков, и они в изумлении посмотрели на него. То, что лежало на полу, сверкая даже в слабом свете, было большим, богато украшенным палашом, прекрасно сохранившимся на протяжении многих лет. Он был великолепен. Около четырех футов длиной, с великолепной и богато украшенной рукоятью и гардой, с замысловатой резьбой по всей длине трехдюймового клинка. Без единого пятнышка ржавчины на нем.

Наслаждаясь моментом, Шон медленно поднял его, чтобы почувствовать вес и баланс. Он коснулся большим пальцем края и обнаружил, что он очень острый. Он не мог бриться им, но он почти порезал большой палец. Завороженный, он вышел в коридор, где было больше места, и несколько раз взмахнул им над головой.

Внезапно покалывание пробежало по его рукам, пока все его тело не завибрировало от энергии, как будто этот меч передавал ему электрический ток. Шон почувствовал себя бесстрашным, неукротимым. Когда он поднял его перед своим лицом, глядя на него, металл, казалось, светился, очень слабо, ритмичными циклами. Это было завораживающе. Затем начало происходить что-то невероятное. Энергетические линии вырастали из меча светящимся зеленым светом, создавая тот же узор, который образуют металлические опилки на бумаге над магнитом, но в трех измерениях.

Должно быть, он живой и излучает сознание, подумал Шон. Он задавался вопросом, переливает ли этот меч силу в него, или он переливает силу в меч?

Он моргнул, и линии электропередач исчезли.

Что случилось? Сегодня у него уже дважды были галлюцинации. Видел ли он вещи? Или все это было лишь его воображением. Должно быть.

Или это было так?

Он потряс головой, чтобы прочистить ее, и огляделся. Он обнаружил, что стоит там, держа меч, а двое молодых людей смотрят на него с озадаченным выражением лица.

Билли спросил: «Могу ли я поддержать его минутку?»

«Конечно», — сказал Шон и передал его.

Билли схватил его обеими руками и тут же бросил. Он лязгнул о палубу. Билли подул на руки.

«Что случилось?» — спросил Шон.

«Это меня потрясло», — ответил он, потирая руки.

«Тебя это шокировало?»

«Я не знаю. Это было странно».

Он тоже это почувствовал, подумал Шон, пораженный. Но у меня было покалывание. У него был болезненный шок. Здесь определенно происходило что-то странное. Он снова поднял меч. Он ощущался как кусок природного металла в его руках. «Попробуй еще раз». Он протянул его Билли, рукояткой вперед. Подросток взял его с трепетом. На этот раз ничего не произошло. Он взмахнул им несколько раз, очень впечатленный.

« Вот. Дай-ка я попробую. Дай-ка я попробую», — сказал Тимми.

Билли передал меч Тимми, и маленький мальчик едва смог поднять его над головой. Шон подошел и выхватил меч, боясь, что тот уронит его себе на голову или ногу.

Шон вернулся в комнату, взял остатки хорошей кожи, завернул меч обратно и нес его под мышкой, пока они шли по остальной части палубы. Они нашли еще несколько лестниц, ведущих вниз, но света было недостаточно, чтобы спуститься ниже.

Вскоре им наскучили каюты экипажа, и они поднялись по лестнице на главную палубу. Солнце грело, а воздух был свежим. Шон сделал несколько глубоких вдохов . Какое облегчение было снова дышать чистым воздухом. Он проверил каноэ. Оно было там, где они его оставили, слава богу.

Они еще немного полазили по надстройке, потом попытались найти способ спуститься в трюмы, но безуспешно. Люки, к которым они подошли, не двигались с места.

К полудню металлическая палуба стала такой горячей, что Шон мог чувствовать ее сквозь обувь. Пора было уходить. Они осторожно спустились по наклонной лестнице на внешнем корпусе, поднялись на борт « *Линды*», отвязали ее, выскользнули в море и направились домой.

«Билли, ты помнишь, как мы прошли через рифы?» — спросил Шон.

«Как мы приплыли сюда сегодня утром, капитан ».

Шон улыбнулся. «Отвези нас домой, Приятель ».

«Да, да».

Шон положил меч в кожу на колени, чтобы он оставался сухим, пока они направлялись к острову. Полностью уверенный в способности своего первого помощника благополучно привести их домой, он нашел время подумать. У него был целый день странных происшествий, и ему нужно было время, чтобы разобраться в них. Он рассеянно греб, размышляя.

Все началось тем утром, когда он был на самом деле полностью бодрствующим в тот момент, когда проснулся. Затем, когда он вышел из своей хижины, его чувства взорвались, перегрузив его мозг. Он видел то, чего не было, и чувствовал то, чего не могло быть. Было это пребывание во всех этих странных эмоциях. Видение лица Линды в облаках. А затем снова с мечом сегодня днем, и электрическим током, и этими зелеными, светящимися линиями электропередач. Что, черт возьми, он увидел? И почему? Сегодня определенно циркулировали странные энергии.

Энергии?

Хм.

Шон знал, что существует множество видов энергии, о которых человечество ничего не знает. Световая энергия, тепловая энергия, все виды излучения. Что такое гравитационные волны? Что такое солнечные ветры? Что-то достаточно мощное, чтобы начать плавить комету в миллиардах миль отсюда, создавая хвост длиной в миллионы миль. Что, черт возьми, такое кварк?

И гравитация. Эйнштейн сказал, что гравитация влияет на время. Как это может быть?

«Какую энергию я черпал?» — задавался он вопросом.

Он как-то слышал, что есть четыре способа, которыми человек может реагировать на энергию. Непрозрачные — они просто отскакивают от вас. Прозрачные — они проходят сквозь вас, не оказывая никакого воздействия. Вы можете поглощать их или действовать как призма и преломлять их. Это имело какой-то смысл. Может быть, он каким-то образом изменился, превратившись из непрозрачного для энергий в того, кто поглощает или преломляет их.

Итак, если я могу поглощать энергию, то я могу и излучать ее, рассуждал он. Это правдоподобно.

Возможно, эти странные события были реальностью, и моя способность воспринимать изменилась.

Так что, возможно, я на самом деле тоже вижу Линду в облаках.

Он поднял глаза, чтобы посмотреть, не мелькнуло ли в облаках лицо маленькой Линды. Он был разочарован, что ее там не было.

Билли обогнул рифы, и они наконец-то совершили последний заход к острову. Шон был рад, потому что он так устал. У него был долгий день, как в моральном, так и в физическом плане.

Именно тогда ему в голову пришла опасная, но неотразимо хорошая идея, и он некоторое время размышлял над ней. Чем больше он думал об этом, тем лучше становилось. Он устал жить в страхе. Пришло время выяснить это наверняка. Да. Он осуществит план как можно скорее.

Они были в нескольких сотнях ярдов от берега, когда Шон нарушил тишину. «Слушайте, ребята. Пожалуйста, не говорите ни слова о мече, который мы нашли. Никому, ладно? Давайте сохраним это в тайне». Оба мальчика с готовностью согласились.

Они подплыли и вытащили каноэ на берег. Никто не заметил их прибытия. Хорошие новости.

Шон попросил мальчиков вытащить каноэ на берег и перевернуть его, пока он тащил новый меч в хижину. Он был уверен, что его не упустили. Он проверил свой старый меч. Он все еще лежал там, где закопал его. Он прислонил его к двери хижины. Он закопал его там, где лежал старый, под несколькими дюймами песка. Он решил. Он осуществит свой план завтра. А пока ужин и хороший ночной сон.

Ужин оказался обычным. Обычная еда с обычными людьми и Гарольдом Пинкертоном, который жаловался как обычно, но сегодня вечером он был в лучшей форме, чем обычно. Он жаловался во весь голос и не останавливался. Он перечислил, пересчитывая на пальцах, все, что его не устраивало: промокание под дождем, песок в еде, жаркое солнце целый день, как он скучает по любимому ресторану, пользование туалетом, отсутствие горячей воды. Список продолжался и продолжался.

Наконец что-то щелкнуло, и Шону это надоело. «Мистер Пинкертон!» — резко сказал Шон, заставив пожилого мужчину мгновенно замолчать. «Ты бы предпочел лежать на дне Тихого океана вместе с самолетом, в котором мы потерпели крушение?»

«Ну, честно говоря, нет. Но...»

«Ну, тогда», — прервал его Шон, — «почему бы тебе не перечислить свои благословения вместо жалоб? Ты бы обнаружил, что ты очень богатый человек здесь, на этом острове, и тогда, может быть, — Шон вдохнул и закричал, — «заткнешься и дашь нам поесть в мире для разнообразия!»

Пинкертон съёжился с подлым выражением лица. Он отпрянул ещё больше и сидел с раздражением, когда почти все разразились аплодисментами и смехом. Выплеснув свой гнев, Шон тоже рассмеялся. Он даже встал и слегка поклонился.

Это был последний раз, когда Шон слышал, как Гарольд Пинкертон на что-либо жаловался.

Шон молча доел остаток ужина, пока вносил последние штрихи в свой план. Он провел час, как и каждый вечер перед сном, со своим мечом и камнем. Он был так уверен в своей правоте, что вместо того, чтобы заточить его, он использовал камень, чтобы притупить лезвие настолько, насколько мог. Через некоторое время они с Тимми отправились в свою хижину на ночь. Завтра может быть просто адский день.

Когда Шон проснулся на следующее утро, он мгновенно проснулся, был бодрым и отдохнувшим, как вчера.

Значит, что-то произошло.

Он не будет подвергать это сомнению. Ему могут понадобиться все его силы. Сейчас он будет выжидать, держать глаза открытыми и мозг включенным.

Сообщество разбредалось на рассвете, чтобы заняться своими общими и индивидуальными обязанностями. Шон внимательно наблюдал, как Гарри и его приятели уходили с остальными рыбаками. Обычно они отсутствовали всего час или два.

В это время Шон руководил разведением костра и пополнением запасов дров, то есть сидел на своем козле и наблюдал, как дети выполняют всю работу. Час спустя, когда рыбаков все еще не было видно, он заставил детей подтащить большое бревно к огню. Пришло время начинать приготовления.

Он начал рубить бревно старым мечом, пока не образовалась большая выбоина. Затем он вонзил меч в бревно и стал ждать.

Ему не пришлось долго ждать.

Когда рыбаки вернулись и отдали свой улов поварам, Шон снова принялся рубить бревно. Ему было все равно, достигнет ли он какого-либо прогресса, лишь бы все видели, как он использует меч. Он не торопился, не желая утомлять себя. Сегодня мог быть тот самый день.

Большинство рыбаков остались в деревне, включая Гарри и его троих друзей.

Через несколько минут сборщики фруктов и овощей вернулись в деревню и отдали то, что нашли, поварам. Девушки из женского студенческого общества, включая Стефани Энгаллс, были среди этой команды. Большинство из них остались в деревне. Шон даже видел, как Гарри украдкой бросил на Стефани долгий взгляд. Сцена была готова.

Шон усилил свою активность на бревне с мечом. Он дошел до крещендо хрюканья, пока не погрузил меч в бревно с долгим, громким вздохом.

«Нет ничего хуже тупого меча», — тихо сказал он, надеясь, что Гарри это услышал. Он выпрямился, потянулся и помассировал мышцы на пояснице. Затем он повернулся спиной к бревну, и меч, и Гарри, побрели к хижине, притворяясь, что у него болит спина от всех этих усилий. Он даже слегка прихрамывал под влиянием момента.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«Смертоносная ненависть»

Шон был на полпути к хижине, когда оглянулся через плечо. Он не удивился, увидев, как Гарри бросился к мечу. Это зрелище было почти облегчением. Больше не будет никаких беспокойств, никакого ожидания в страхе. Это закончится сегодня, так или иначе.

Гарри вытащил меч из бревна и поднял его, чтобы полюбоваться. Огромная, жаждущая власти ухмылка расплылась по его лицу. Он начал истерически смеяться, затем смех перешел в ужасное, радостное шипение. Он повернулся к Шону, его глаза светились похотью. «Меч мой, мальчик, и сила тоже». Он развернулся и обратился ко всем. «И теперь этот остров мой. Моя воля и только моя воля будут править здесь. Все на этом острове — моя собственность и подчинены моим прихотям».

Пока Гарри разглагольствовал, Шон отступал назад, пока не оказался у двери своей хижины.

Гарри снова повернулся к Шону и сказал: «Я разберусь с тобой, мой мальчик, в свое время. У меня есть для тебя кое-что особенное. Что-то, что тебе обязательно понравится». Он повернулся и направил меч на Стефани: «Но сначала, моя девочка, у нас с тобой есть одно незаконченное дело». Он начал топтать к ней, буквально облизывая губы.

Стефани в ужасе отпрянула. Ее друзья разбежались, стараясь отойти от нее как можно дальше.

Двое из дружков Гарри встали за ним в ногу с гротескными ухмылками на лицах. «Я получаю неряшливые секунды», — пропыхтел Керли.

«Пока я получу кусок, мне все равно, где я закончу», — выдохнул Мо.

Только Ларри не последовал за Гарри к девушке. На самом деле он встал перед Гарри, поднял руку и сказал: «Не делай этого. Она этого не заслуживает».

Гарри резко остановился и посмотрел на Ларри так, будто тот таял. «Ты с ума сошел? Это тот момент, которого мы ждали. Подумай об этом, мужик, теперь мы короли».

«Это неправильно », — взмолился Ларри.

«Ты можешь либо помочь и получить свою очередь, либо уйти с дороги», — прорычал Гарри. «Что это будет?»

«Я не могу позволить тебе сделать это, Гарри. Я остановлю тебя любым способом, каким смогу», — Ларри поднял голову, словно был готов к драке.

Шон ухмыльнулся. Он гордился Ларри.

Гарри пристально посмотрел на своего друга, а затем спросил: «Ты серьезно, мальчик?»

«Как недельная метель».

Гарри на мгновение бросил взгляд влево, затем, как стрекоза, шагнул вперед и вонзил меч в грудь Ларри, пронзив его сердце. Ларри упал, как марионетка с перерезанными нитями, мертвый еще до того, как коснулся земли.

Это зрелище потрясло Шона и остальную часть общины. Последовали вздохи, стоны и рвота.

«Давайте, ребята», — сказал Гарри своим оставшимся приятелям.
«Давайте повеселимся!» Они двинулись на Стефани.

Стефани нашла взглядом Шона и закричала: «Шериф, сделайте что-нибудь. Помогите мне!»

«Не волнуйся, Стефани, он тебя и пальцем не тронет», — сказал Шон с мертвенным спокойствием, которого он не чувствовал. Его слова пронзили тишину.

Гарри остановился на месте. В голосе Шона было что-то, уверенность, которую он не упустил. Он повернулся, посмотрел на Шона и увидел легкую улыбку молодого человека.

«Ты ничего не забыл?» — спросил Шон.

Гарри на секунду смутился, а затем усмехнулся: «И что это будет?»

«Твои приоритеты. Ты же знаешь, я не позволю тебе тронуть эту девушку».

«Знаешь, ты прав». Теперь настала очередь Гарри улыбаться. Он провел большим пальцем по лезвию меча и целеустремленно и медленно направился к Шону. Мо и Кёрли были прямо за ним. «Сначала ты, потом девчонка, потом все ее маленькие друзья- пирди ». Он остановился примерно в двенадцати футах от Шона и бросил быстрый взгляд сначала через левое плечо, потом через правое, словно пытаясь понять, почему Шон ухмыляется.

Несмотря на внешнюю уверенность Гарри , Шон заметил в его глазах проблеск сомнения.

«Брось этот меч, уходи и никогда не возвращайся в эту деревню», — сказал Шон. «Это единственный способ пережить следующие пять минут».

Гарри прищурился. «Ты же знаешь, я никогда этого не сделаю», — прошептал он.

Шон понизил голос. «Я знаю, но, будучи шерифом, я должен был попытаться».

Гарри поднял меч перед лицом. Он посмотрел сквозь него, сосредоточившись на Шоне. «Я действительно устал от тебя». Он двинулся на Шона, делая один медленный шаг за раз.

«Угадай, что я нашел?» — спросил Шон.

Гарри остановился. «Что это может быть?»

Шон потянулся в хижину, схватил новый меч за рукоять, вытащил его и направил в сердце другого мужчины.

Гарри замер. Воздух с шипением вырвался сквозь стиснутые зубы, когда он втянул воздух.

«Красота, не правда ли?» — сказал Шон.

Двое мужчин на мгновение уставились друг на друга. Момент, который длился для Шона пять жизней. Он никогда не представлял, каково это — столкнуться с другим человеком на остриях мечей, и он испугался.

По-настоящему испугался. Хотя он однажды случайно убил человека, он никогда в жизни не участвовал ни в какой драке. Не в настоящей драке.

Шон ничего не знал о мечах, стратегии или тактике. Он знал только, что человек умрет или будет серьезно покалечен, прежде чем умрет, в течение нескольких секунд, может быть, нескольких минут, если бой продлится так долго. Он также знал, что если он падет, то невообразимое царство ужаса обрушится на всех на этом острове, начиная со Стефани и ее друзей.

Он должен был победить. Должен был.

Пришло время убивать или быть убитым. Он не думал о том, что происходит, а только реагировал на обстоятельства. Шон подпрыгнул, скакнул и перепрыгнул расстояние между собой и Гарри и со всей силы ударил мечом по шее Гарри .

Замах застал Гарри врасплох, но коренастый мужчина вовремя поднял меч, чтобы отразить удар. Он отшатнулся на два шага назад, но сохранил равновесие.

Резкий удар почти выбил клинок из рук Шона, но он сумел удержаться. Оцепеневшее покалывание пробежало по обеим рукам. Теперь он жалел, что не мог каким-то образом внести изъян в старый меч, чтобы тот сломался при ударе о другой меч. Сейчас об этом можно было не беспокоиться.

Шон переместил руки на рукояти, чтобы лучше ухватиться, и атаковал. Он подбежал к другому мужчине и взмахнул мечом, пытаясь разрубить Гарри надвое.

Гарри без труда отразил этот удар.

Шон попробовал провести апперкот.

Гарри отступил назад и отбил этот удар в сторону.

Затем Шон обрушил на Гарри удар за ударом, пытаясь измотать его, полагая, что если он не даст врагу шанса перейти в наступление, то и сам не пострадает. Шон вложил все, что у него было, в каждый удар. Гарри каждый раз отступал на шаг назад, отскакивая от ужасающих ударов. На данный момент все, что мог сделать Гарри, это защищаться, а затем готовиться к следующей атаке Шона.

Резкий звон разнесся по джунглям, когда мечи встретились. Даже при свете дня, когда металл встречался с металлом в тот момент, высекались крошечные искры. Солнечный свет отражался от клинков, когда они проносились в воздухе.

Шон не думал, он просто наносил удары так быстро и вкладывал в каждый удар столько силы, сколько мог. Он громко рычал с каждым взмахом. Ярость заменила разум; гнев и страх свели на нет любую попытку стратегии.

И он стал предсказуемым.

Гарри выжидал. В нужный момент, вместо того, чтобы встретить один из ударов Шона, он аккуратно уклонился от него. Меч Шона рассек только воздух, и он полностью потерял равновесие. Его импульс развернул его на 180 градусов и опустил на одно колено.

Гарри набросился на Шона и попытался отрубить ему голову сзади.

Краем глаза Шон увидел приближение удара. Он едва успел перекинуть меч через плечо и закинуть его за спину, чтобы вовремя поймать удар за правым ухом. Но удар вонзился мечом в мясо спины между лопатками, разрезав мышцу. Шон вскрикнул от боли, быстро встал, резко развернулся и ударил мечом так сильно, как только мог, по корпусу Гарри. Он промахнулся на два фута.

Но вместо того, чтобы отстраниться и нанести еще один мощный удар, что было его привычкой до сих пор, Шон запинаясь шагнул вперед и попытался нанести быстрый выпад острием своего меча. Гарри попытался парировать и уклониться одним быстрым движением, но острие клинка Шона попало ему в левую щеку на дюйм ниже глаза, прорезав ее до кости двухдюймовой раной.

Гарри отшатнулся и закричал от боли.

Мужчины на мгновение остановились и оценивающе посмотрели друг на друга с расстояния десяти футов, оба тяжело дышали, их дыхание было

частым. Шон чувствовал, как кровь свободно течет по его спине, а его правая сторона начала деревенеть. Левая сторона лица и шеи Гарри была залита кровью.

Гарри взревел и бросился бежать на Шона. Их мечи встретились один раз, когда Гарри попытался провести круговой удар, проносясь мимо. Гарри развернулся и снова бросился на Шона. Их мечи столкнулись еще раз, когда Гарри проносился мимо.

Они снова столкнулись. Гарри начал кружить слева от Шона. Гарри был правой рукой, поэтому его меч находился с другой стороны тела от Шона. Шон увидел его уязвимость и пошел на это. Он бросился вперед и замахнулся клинком в голову Гарри. Гарри поднял свой меч достаточно быстро, как Шон и предполагал. Шон рассчитал, что удар отбросит Гарри на шаг назад, что и произошло. После того, как их мечи встретились, Шон шагнул вперед и нанес сильный удар левой кулаком, который пришелся прямо в правую щеку Гарри. Удар заставил его растянуться.

Шон бросился вперед, пытаясь воспользоваться преимуществом. Но вместо того, чтобы приземлиться и попытаться встать, Гарри сделал сальто назад на песке и вскочил на ноги, прежде чем Шон смог до него дотянуться и воспользоваться преимуществом.

«Ловкий ход», — признал Шон, резко остановившись на рыхлом песке.

Пытаясь сбить его с толку, Шон бросился на Гарри, размахивая мечом по восьмерке. Когда они сблизились, Шон в последний момент изменил схему и обрушился прямо сверху. Гарри вовремя поднял меч, но под плохим углом. Его клинок принял на себя основную тяжесть удара, но меч Шона скользнул по клинку Гарри, пока рукоять не остановила его, но не раньше, чем отрубил половину правого уха Гарри. Кровь хлынула по правой стороне его головы и потекла по шее.

Но Гарри, казалось, этого не замечал.

Шон бросился вперед, рыча. Несколько долгих минут они стояли лицом к лицу, рубя и парируя удары друг друга; но ни один из них не добился никакого прогресса.

К этому времени вся деревня собралась, чтобы посмотреть на происходящее, зная, что будущее общины висит на волоске. Ни слова не было сказано, пока Гарри и Шон были заперты в своей отчаянной борьбе. Они не образовали круг вокруг сражающихся, но наблюдали оттуда, где бы

они ни находились. Поскольку битва двигалась в разных направлениях, люди быстро расступались с их пути.

Гарри медленно отступал каждый раз, когда удары Шона становились все сильнее и быстрее. Оба мужчины тяжело дышали. Шон чувствовал, как силы покидают его после каждого усилия. Он думал, что Гарри тоже устал; он, конечно, терял много крови, но не показывал никаких признаков усталости. Шон чувствовал, что если он сможет поддерживать такой темп, то, возможно, сможет выиграть этот бой через истощение.

Но злобная интенсивность текла из глаз Гарри с неослабевающей яростью, когда Шон обрушивал на него удар за ударом. Время от времени Гарри пытался нанести удар сам, прежде чем снова защищаться. Через некоторое время Гарри увидел еще один шанс и уклонился от одного из диких взмахов Шона. Но на этот раз Шон был готов к этому и не потерял равновесия. Вместо этого он просто сделал дополнительный шаг и резко развернулся с вытянутым мечом. Меч был нацелен прямо в живот Гарри и разрубил бы его пополам, но коренастый мужчина сумел в последний момент поставить свой меч на пути. Но запястья Гарри были под слабым углом, и удар снова заставил его растянуться.

Шон повернулся лицом к врагу, и к его ужасу Гарри приземлился прямо рядом с Тимми. Шон не знал, как парень оказался так близко к месту боя, но он был там.

"Тимми! Берегись!" - выпалил Шон, не подумав. Он тут же пожалел об этом, потому что его предупреждение привлекло внимание Гарри к присутствию Тима.

Тимми попытался отступить с дороги

Шон бросился вперед, чтобы привлечь внимание Гарри .

Но Тимми был слишком медлителен, Шон слишком далеко, а Гарри слишком быстр. Гарри схватил Тимми за запястье и дернул мальчика перед собой. Он встал и приставил клинок к горлу Тимми, прежде чем Шон успел вмешаться. Лицо Гарри сменилось от паники к радости за два удара сердца.

Шон резко затормозил и отступил на два шага.

«Ну, ну, крутой парень», — сказал Гарри между глубокими вздохами. «Посмотрите, кто теперь в кресле кошачьего лебеда».

Ярость и разочарование бушевали в мозгу Шона. Он сделал шаг вперед.

Гарри поднял Тимми на цыпочки, держа лезвие под подбородком. «Оставайся на месте, или я разрежу этого мальчишку от уха до уха». Он начал хихикать. Хихиканье перешло в смешок, который превратился в резкий садистский смех. «А теперь брось свой меч». Его глаза светились в окончательном, непреходящем триумфе.

Шон не мог в это поверить. Он решил, что, вероятно, должен позволить Гарри убить его сейчас одним чистым ударом, чем терпеть то, что произойдет. Но он просто не мог сдаться этому ублюдку; он не должен был. Имея оба меча в своем распоряжении, Гарри заставит Иосифа Сталина выглядеть довольно милым парнем. Шон умрет мучительной смертью; Тим будет сделан рабом; женщины будут изнасилованы; мужчины будут убиты ради удовольствия.

Нет! Тимом придется пожертвовать.

Шон понятия не имел, что он собирается делать, пока это не произошло. Он сделал еще один шаг вперед, пока не оказался примерно в пяти футах. Он посмотрел Гарри прямо в глаза, сделал еще один маленький шаг к ним обоим, пока не оказался в четырех футах.

Гарри сжал мальчишку сильнее. Тонкая струйка крови потекла по шее Тима. Глаза мальчика выпучились, готовые лопнуть. Он застонал от ужаса.

Шон держал меч у правого бока. Он поднял его перед собой по длинной дуге драматическим жестом.

Когда она оказалась у него над головой, он отпустил ее.

Он пролетел по воздуху и где-то приземлился с грохотом.

Шон понятия не имел, где; это не имело значения. Ничто больше не имело значения, когда он стоял там, опустил руки по бокам, лицом к своему ненавистному врагу, безоружный.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

«Мечта»

У Гарри отвисла челюсть, когда его глаза и глаза всех на острове следили за движением меча, который пролетел по воздуху и приземлился по ту сторону кустов на окраине деревни. Затем Гарри посмотрел на Шона с выражением полного изумления, запечатленным в его чертах, и ему

потребовалось несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями. Он огляделся, словно ожидая, что кто-то или что-то подкрадется к нему. Когда ничего опасного не появилось, он оттолкнул мальчика от себя. Тимми приземлился так сильно, что отскочил.

Гарри начал смеяться. Он покрепче схватил меч обеими руками и сказал: «Какой идиот. Не знаю, что ты задумал, но это не сработает». Он двинулся на Шона. «Это будет так весело».

Гарри медленно, осторожно сделал один шаг вперед, а затем, пролетев последние пару футов, с воплями безумца поднял меч высоко над головой и за спиной, чтобы разрубить Шона надвое.

Когда Гарри двинулся на него, Шон сделал один маленький шаг назад, пытаясь выглядеть испуганным, но вместо того, чтобы съежиться или убежать, он прыгнул вперед. Он бросился на Гарри и бросился под его толстые руки, прежде чем Гарри успел опустить меч. Их тела столкнулись.

В полном усилии спасти себя, Тима и все сообщество, Шон ударил лбом в нос Гарри с ужасным хрустом, когда Шон схватил Гарри в медвежьи объятия и продолжал качать ногами, чтобы отбросить Гарри назад. Когда Гарри оторвался от земли и полетел назад, Шон потянулся за плечи Гарри и обхватил его лицо с обеих сторон, схватил подбородок Гарри обеими руками и потянул назад и вниз так сильно, как только мог, заставив голову Гарри откинуться далеко назад. Затем Шон уперся обеими ногами и прыгнул со всей своей силой.

Они оба полетели.

Шон приземлился на макушку, почти сбив его с ног. Неопределенное количество времени его разум плыл сквозь мутный туман, пытаясь найти что-то знакомое. Его единственным воспоминанием был громкий треск, словно удар молнии раскалывал могучий дуб. Его разуму хватило здравого смысла задаться вопросом, не был ли это звук его собственного черепа.

Туман наконец рассеялся, и его разум выбрался из грязи. Его охватила паника. Что случилось? Что делал Гарри? Что случилось с Тимми?

Ему потребовалось мгновение, чтобы понять, где верх. Он перевернулся, попытался встать, поскользнулся и упал. Он попытался снова, и на этот раз ему удалось встать, шатаясь, истекая потом и кровью, своей и Гарри. Он сделал два шага, прежде чем смог повернуться. Он

выплюнул песок и посмотрел вниз. Его разуму потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить то, что он увидел.

Гарри лежал на земле, неподвижно. Казалось, он не дышал.

Но он, должно быть, мертв, подумал Шон. Никто не может быть жив, если у него отрублена голова и шея под таким углом. Затем воздух запузырился и вышел через лужу крови в открытом рту Гарри, подтверждая диагноз Шона. Шон не стал проверять тело, чтобы убедиться.

Шон, ошеломленный, изнуренный и слабый, согнулся, почти рухнул и вытащил меч, который был использован против него, из крепко сжатого кулака. Он выпрямился и огляделся, чтобы увидеть, не видно ли где-нибудь двух друзей Гарри. Их не было.

Где был Тимми?

В отчаянии он обернулся и, наконец, нашел Тимми, который, как оказалось, стоял прямо рядом с ним.

«Тимми», — прохрипел Шон. «Ты видел, куда приземлился другой меч?»

«Конечно, дядя Шон».

«Получишь, ладно?»

Тимми бросился бежать и быстро вернулся с мечом.

Шон тяжело опирался на Тимми, когда они медленно вышли из деревни. Они не останавливались, пока не достигли места, где заканчивался северный пляж, примерно в миле к западу.

Шон рухнул лицом вниз на песчаную дюну, издав низкий стон. Все его тело ужасно дрожало. Он ничего не сделал, чтобы остановить это. Дрожь была приятной, каким-то образом необходимой разрядкой. Он позволил всей боли, ненависти, давлению и мучительной тошноте от того, что он убил кого-то голыми руками, вытечь из его тела и разума через судороги. Он не хотел, чтобы они заканчивались. Они наконец утихли, оставив его с ужасной головной болью от удара головой о песок и ужасно больной спиной.

Когда Шон собрался с силами, он спросил: «Тимми, посмотри на мою спину, ладно?» Песок вылетал из его рта, пока он говорил.

«Подожди», — Тимми поднял разорванную и окровавленную рубашку.

«Насколько все плохо?» — спросил Шон.

«Трудно сказать. Там повсюду много крови».

«Промой рану, пожалуйста. Используй морскую воду. Соль пойдет ей на пользу».

«Держись, дядя Шон. Я сейчас вернусь». Тимми бросился на пляж, собрал две самые большие ракушки, которые смог найти, спустился к кромке воды, наполнил ракушки водой и помчался обратно к Шону. Он полил рану водой и нежно вытер засохшую кровь рукой.

Шон застонал, когда соленая вода попала ему на спину, и продолжал стонать, пока Тимми вытирал кровь.

Тимми помчался обратно в прибой и повторил процедуру несколько раз. Пока Тимми промывал порез соленой водой и пытался игнорировать боль, Шон думал о том, как ему повезло. Он сражался с сильным, бесстрашным и хитрым человеком до смерти. Гарри был мертв, а он был жив, и все же... ему было от этого дурно. Этот человек заслуживал всего сочувствия, как муха, которую прихлопнули, и все же это съедало Шона изнутри.

Ход его мыслей прервался, когда Тимми заявил: «Твоя спина выглядит хорошо, гораздо лучше, чем я думал. Порез не слишком глубокий. Он уже почти не кровоточит. По краям уже образуется струп».

Какое облегчение, подумал Шон. Он не двигался три часа.

Остаток дня Шон сидел, прислонившись к пальме, опираясь то на одно плечо, то на другое, чтобы не тереть рану. Тимми сидел рядом с ним, глядя на дядю с благоговейным выражением. Между ними почти не было разговоров.

Шон посмотрел в обожающие глаза Тима и слегка покачал головой. Ему было так жаль, что кто-то, а тем более милый маленький Тимми, должен был видеть, как он сражается с Гарри. Теперь, на всю оставшуюся жизнь Тимми будет помнить тот день, когда его дядя убил того человека на том острове, и это было последнее, чем Шон хотел быть известен.

Однако он испытал огромное чувство удовлетворения от того, что Гарри так и не изнасиловал девушку и не общался ни с кем на острове, не говоря уже о Тиме или с самим собой.

Легкая улыбка тронула лицо Шона, когда он подумал о том, что прямо сейчас Гарри, возможно, корчится на седьмом уровне своего персонального ада, где его окружают люди, не обращающие на него никакого внимания. Настоящая пытка для такого человека.

Тимми и Шон весь день бездельничали на своем частном пляже, никого не видя и ничего не делая. Дважды Шон просил Тима принести еды, на что тот с радостью согласился. Тимми помчался в джунгли и нашел спелые бананы, кокосы и папайю — то, что не нужно было готовить, — и принес их обратно.

В это время Шон глубоко погрузился в свои мысли. Ему отчаянно нужно было разобраться с тем, что произошло. Тот факт, что он убил этот жалкий мешок дерьма, не так его беспокоил, как то, что он теперь снова был убийцей. Он поклялся себе, вернувшись домой, что ничто и никогда не заставит его прибегнуть к насилию, что бы ни случилось.

Теперь, всего несколько месяцев спустя, он снова убил. Причины не имели значения. Возможно, он спас жизни. Он, безусловно, спас Стефани и ее друзей от судьбы, которая была хуже смерти. Он, безусловно, уберег все сообщество от жестокости этих порочных ублюдков. Кто знает, до какой распущенности они бы дошли, попробовав чистой власти.

И он спас Тимми... и себя.

Шон задавался вопросом, сколько еще людей, особенно женщин, которых Гарри оставил изнасилованными и сломленными, или еще хуже, после себя. Скольких людей Шон спас от будущих издевательств со стороны Гарри и его дружков. Сколько еще людей будут рады, что мир избавился от этого скользкого ублюдка?

Эти мысли немного его воодушевили. Но когда он увидел, как Тим сейчас на него смотрит: широко раскрытыми от благоговения, шока и удивления глазами — именно так, как он меньше всего хотел, чтобы на него смотрели, он снова впал в депрессию.

Люди забудут обстоятельства. Они будут помнить только факт. Вот он. Убийца.

Как он сможет снова встретиться с людьми в деревне?

Раз за разом он перебирал в памяти, что произошло, пытаясь выяснить, что же на самом деле произошло, и должен ли он был или мог ли сделать что-то по-другому. И раз за разом ответ оказывался тем же.

Он не знал.

Причины казались такими ясными, пока это происходило. Хороший парень против плохого парня. Никто не мог отрицать, что он был прав,

сражаясь за то, что было справедливо, против злого человека, который хотел сделать плохо.

Тогда почему он чувствовал себя таким грязным, таким использованным, таким...

Он попытался сфокусировать свои точные чувства. Почему, собственно, он чувствовал себя плохо из-за того, что произошло?

Плохо, да, но также и облегчение от того, что отвратительное дело наконец-то закончилось. Больше не нужно оглядываться через плечо, ожидая, что Гарри подкрадется к нему. Каким-то образом он знал, что двое других не пойдут за ним. Они потеряли своего лидера и свой желудок для изнасилования, убийства и хаоса.

Позже в ту первую ночь усталость, боль и костная усталость наконец одолели его разум. Он мысленно тащился по одной и той же земле весь день и, наконец, погрузился в странный, прерывистый, преследующий сон.

И он видел яркие сны.

Посреди яркого небытия что-то появилось. Серая фигура. Что бы это ни было, оно не представляло для него угрозы. Он попытался прикоснуться к нему, но оно оставалось вне досягаемости.

Он задавался вопросом, что это такое. Его любопытство переросло в жгучую потребность узнать. Он искал это в пустоте, раздвигая туман, размахивая руками перед собой, пока он бродил вокруг, пока, наконец, не коснулся этого.

И оно двинулось.

Он был живой!

Это было не оно, это был кто-то. Он не мог сказать, кто, потому что не мог видеть так далеко; его руки исчезали в густом тумане у локтей. Кто-то был там, прямо перед ним, потом прямо рядом с ним, потом позади него, потом снова перед ним.

Фигура начала пульсировать. Сначала тускло, потом ярче, циклами. Каждый раз, когда человек становился ярче, он становился все более отчетливым. Когда Шон смог видеть достаточно хорошо, он понял, что это был не он, а она. Затем, к своему изумлению, Шон узнал ее.

Это была Линда, одетая в развевающееся белое одеяние, которое ветер развеивал позади нее. Теперь он мог ясно видеть ее лицо. Оно было очень расстроенным, и он видел глубокую печаль внутри нее. Она смотрела

прямо ему в глаза, ее руки были протянуты к нему с мольбой, пытаясь прикоснуться к нему. Ее губы двигались; она звала его, но он не мог ее услышать. Казалось, она повторяла одну и ту же короткую фразу снова и снова. Он пытался прочитать по ее губам, но не узнал слов.

Потом она начала уменьшаться.

Он бежал к ней так быстро, как только мог, и когда он почти касался ее, она ускользала. Он бежал быстрее, напрягаясь изо всех сил, чтобы дотянуться до нее, но ее все больше утаскивала какая-то невидимая сила. И все это время она повторяла одну и ту же фразу снова и снова. Наконец, после того, как он бежал так быстро, как только мог, он начал сокращать расстояние. Когда он подошел достаточно близко, он протянул руку, и они соприкоснулись кончиками пальцев. В этот момент ее унесло, и все, что он мог сделать, это смотреть, как она становилась все меньше и меньше, а затем она исчезла.

В тот момент, когда она скрылась из виду, он проснулся, весь в поту и дрожа от поразительного осознания того, что он узнал слова, то, что она пыталась ему сказать.

«Чистый сердцем».

Эта фраза крутилась у него в голове, пока он пытался ее осмыслить. Чем больше он думал об этом, тем больше она приобретала сюрреалистический оттенок.

Он просидел там все утро, а потом весь день, размышляя над этим. Что бы это могло значить?

Чистое сердце.

Сон был таким реальным.

Чистое сердце?

Он знал без сомнения, что Линда приложила большие усилия, чтобы донести это до него, где бы она ни была. Что это должно было что-то значить, но он не мог понять этого, хоть убей.

Чистое сердце.

«Ты в порядке, дядя Шон?»

Шон поднял руку, чтобы прикрыть глаза от солнца, и, подняв глаза, увидел силуэт Тимми. «Надеюсь. По крайней мере, я буду».

Он бросил взгляд мимо Тимми и увидел лицо Линды в облаке. У нее был умоляющий, обеспокоенный взгляд, почти как если бы она была напугана. Шон моргнул, и она исчезла, а он закрылся.

Тимми наклонился и прошептал ему на ухо: «Я так горжусь тобой, дядя Шон».

Шон разрыдался. Он схватил Тимми, крепко прижал его к себе и обнял так, словно это был их последний момент на Земле. Его слезы превратились в неконтролируемые, сотрясающие рыдания. Через несколько мгновений Тимми плакал так же сильно, как и он сам.

Они крепко держались друг за друга, лежа на песке, и каждый не хотел первым отпустить друг друга. Наконец слезы прекратились, и мальчики сели, немного смущенные собой.

Шон прислонился к пальме и почувствовал себя... таким опустошенным. Как будто он потратил всю свою жизнь впустую и только сейчас это понял. Он мгновенно впал в глубокую депрессию, когда долго и пристально посмотрел на свою жизнь. Да, он повеселился. И да, у него было много хороших друзей. В целом, ему было за что быть благодарным. И дело не в том, что он не был счастлив; он был счастлив.

Но это было бесполезное существование. Он был так сосредоточен на развлечениях всю свою жизнь.

Теперь это казалось таким пустым.

Он понял, что, кроме получения второго черного пояса по Вадо Кай и степени бакалавра по истории, он ничего не добился. Что он просто существовал, а не жил по-настоящему; что счастье и удовлетворенность — это две совершенно разные вещи.

Наконец солнце скрылось за западными горами. Вскоре стало темно, совсем темно. Сквозь невидимую дымку не было видно ни одной звезды. Ни одной луны. Он слышал, как в двадцати ярдах от него бьются волны о берег, но не мог его увидеть.

Шон провел всю ночь, сидя там, борясь со своими мыслями, которые стали такими же темными, как и его окружение. Часы пролетали, но это были всего лишь несколько бесполезных часов, добавленных к бессмысленной жизни.

Еще одна ночь одиночества.

Ну и что?

Депрессия поглотила его. Как он собирался найти то, что искал, если он понятия не имел, что это могло быть?

Когда кончик солнца выглянул из-за края моря и залил мир светом и теплом, он нашел Шона с подбородком на груди и закрытыми глазами. Он не спал, это точно. Он был просто слишком измотан, чтобы держать голову поднятой и держать глаза открытыми. Но внезапной яркости было достаточно, чтобы разбудить его.

Он осмотрел небо, надеясь, что лицо Линды даст ему какое-то руководство. Ни единого облачка не было на небе. Он покачал головой и потер глаза, сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Он огляделся и обнаружил, что Тимми не видно.

По крайней мере, ночь была продуктивной, в некотором роде. Теперь он знал, что искал. Ему нужно было добавить содержание в свою жизнь, найти смысл в своем жалком существовании.

Он сжал кулак и громко выдохнул: «Но как?».

Как только он задал себе этот вопрос, ответ пришел к нему, как далекий церковный колокол, звонящий через холмы. И он был на удивление прост.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

«Правильно с миром»

Он резко сел и моргнул, полностью проснувшись, зная наверняка, что одинокая жизнь бесполезна. Жизнь, посвященная веселью, пуста. Единственный способ найти личное удовлетворение для себя — помогать делать жизнь других людей лучше, разделять их проблемы, облегчать страдания, кормить голодных, давать кров бедным.

Ага.

Он посвятил свою жизнь помощи людям.

Для Линды.

Но как?

Опять этот вопрос.

Его первым побуждением было заработать много денег. Тогда он мог бы купить то, что ему нужно, чтобы помочь людям. Но он быстро отбросил это. Деньги не были ответом. Самые могущественные люди в истории — Иисус,

Мухаммед, Будда, Махатма Ганди, доктор Мартин Лютер Кинг-младший — могли использовать новые идеи, воодушевляющее послание и себя в качестве примера, чтобы сделать как можно больше добра для людей, и они сформировали судьбу миллионов на протяжении всей истории.

Он был захвачен моментом и фантазировал о том, как станет героем для миллионов, как целое поколение будет благодарно ему и его вдохновляющей мудрости, как войдет в историю как человек, который существенно изменил жизни многих людей.

Аплодисменты. Восхищение.

Он улыбнулся этой мысли.

Потом он понял, что это была мечта мальчишки. Возможность спасти мир ему еще не представилась.

Так что, может быть, он мог бы сохранить небольшой кусочек. Хорошо думать о великих вещах, но с терпением и решимостью он, безусловно, мог бы изменить жизнь окружающих.

Потом он понял всю тщетность этого. Что он мог предложить кому-либо? Ему повезет, если он сможет изменить жизнь хотя бы одного человека.

Правда этого немного его поразила.

Как я могу помочь другим, когда я в таком беспорядке? — спросил он себя. Черт, может, мне стоит начать с того, чтобы помочь себе.

Правда этого очень его поразила.

Его мысли метались. Его пульс участился. Он чувствовал, что находится на грани откровения.

Почему кто-то должен позволять мне, такой развалине, влиять на себя. Я должен сначала быть... достойным уважения.

Эта мысль полностью его поразила. Он понял, что наткнулся на великую истину.

Так как же стать достойным уважения? — спросил он себя.

Чтобы быть достаточно достойным помогать другим людям, я должен сначала стать...

Ой!

Ответ взорвался в его голове, и все его существо пошатнулось. Он почувствовал головокружение и откинулся на песок.

Он зажмурил глаза, но яркий белый свет прожег его мозг. Затем, словно вдохновение, ответы на все его вопросы поманили его. Чтобы быть достаточно достойным, чтобы помогать другим людям, я должен быть...
ЧИСТЫМ СЕРДЦЕМ.

Вот что Линда пыталась мне сказать! Вот почему она выглядела такой обеспокоенной и испуганной.

Сначала стань чистым сердцем, чтобы стать достойным. Достаточно достойным, чтобы помогать другим людям.

Эта мысль его значительно успокоила.

Так что же это значит? Как стать чистым сердцем?

Пока он задавал вопросы, ответы текли рекой.

Чтобы обрести чистое сердце, нужно сначала найти свой истинный путь в жизни.

Но как человек находит свой собственный истинный путь. Где вы ищете что-то подобное?

Он рассуждал так: «Это определенно не где-то там».

Значит, это должно быть «здесь». Он указал на свою грудь.

Конечно.

Он отправится на поиски себя, пройдет внутренние мили, потратит необходимое время, чтобы определить, кем он является. Он продолжит это путешествие, пока не найдет человека, которым он хотел бы быть. Затем он примет осознанное решение сделать этот шаг от человека, которым он был, к человеку, которым он хотел бы быть. Он вспомнил фразу, которую он слышал однажды: «Совершенство — это путь, а не пункт назначения». Теперь он знал, что это значит. Он также знал, что если он споткнется, отклонится от пути, потеряется, споткнется и упадет в канаву — что бы ни случилось — секрет жизни в том, чтобы вернуться на свой истинный путь и следовать по нему до конца.

Жизнь — это путешествие. Пункт назначения у всех один. Счастье.

Итак, если я последую своему истинному пути, то чистота сердца обязательно последует за мной, как день следует за ночью.

Да!

Пока он лежал на боку в позе эмбриона, обхватив голову обеими руками, Шон чувствовал, как большая часть депрессии, тревоги, ненависти и раскаяния ускользает от него, словно ручей по каменистой насыпи.

Он снова почувствовал себя хорошо, впервые живым. Как будто грязный слой греха и маслянистая пленка сожаления были сняты с его души, и солнечный свет знания и прощения омыл его. Его интерес к жизни вернулся, как приливная волна.

Странное ощущение пронзило его, как будто кто-то смотрел на него. Он открыл глаза. Белые пушистые облака заполнили все небо. В одном из них он увидел лицо Линды, и на этот раз она улыбалась. Ее лицо излучало счастье и довольство. Ее руки снова были вытянуты вперед, ее белый халат развевался за ней на легком ветерке. Затем она откинула голову назад и рассмеялась тем милым маленьким смехом, который у нее был. Он ясно услышал ее.

Ее смех был таким заразительным, что Шон начал хихикать, а затем громко рассмеялся. Тимми промчался через дюну и посмотрел в лицо Шона, чтобы увидеть, что вдруг на него нашло. Затем Тим тоже начал смеяться. Вскоре оба мальчика катались по песку, смеясь во весь голос. Было так чудесно выплеснуть все напряжение, которое они накопили за последние несколько жалких недель.

Шон, чувствуя себя в гармонии с миром, плюхнулся на спину. Не обращая внимания на боль, он потянулся и вздохнул, длившийся десять секунд. Он поискал в небе Линду, но знал, что ее уже не будет. Он посмотрел на Тимми. «Пойдем поплаваем». Он поднялся на ноги. «Кау -ва -банга ».

Тимми ухмыльнулся. «Да. Последний — тухлое яйцо». Затем он помчался к лагуне и нырнул в прибой.

Шон был тухлым яйцом.

Они играли в воде, пока солнце не стало садиться. Они сидели на самой высокой дюне и смотрели, как солнце скользит за горы.

«Думаю, пора возвращаться в деревню. Я скучаю по нашей хижине. Что ты думаешь?» — спросил Шон.

«Конечно, дядя Шон. Как скажешь».

«Теперь я чувствую себя намного лучше. Мы не можем вечно отлынивать от своих обязанностей». Они схватили свои рубашки, мечи и направились по пляжу.

По дороге Шону пришло в голову, что он оставил всех с трупом, который нужно похоронить. Нет, даже два. Интересно, чем они вырыли могилу?

К тому времени, как они приблизились к деревне, уже совсем стемнело. Шон не слышал шума и не видел никого, кто бы слонялся вокруг. К этому времени он должен был уже видеть огонь сквозь деревья. Что случилось? Это было странно. Передав свой старый меч Тимми, он побежал по тропинке в центр города. Он остановился на месте и обернулся, ошеломленный. Тимми подбежал к нему, тяжело дыша.

Они были одни.

Деревня была совершенно безлюдна. Костер, обычно поддерживаемый в сильном огне, теперь превратился в еле тлеющие угли.

«Давайте разожжем огонь и посмотримся», — сказал Шон. Они с Тимми подбросили в угли листьев и несколько кусков дерева, и вскоре разгорелось большое пламя.

Они не могли много увидеть в круге света, отбрасываемом огнем, но достаточно, чтобы понять, что произошло что-то ужасное. Общий обеденный стол был опрокинут и разбит вдребезги. Предметы одежды были разбросаны вокруг. Кухонные и столовые приборы были наполовину зарыты в песок.

«Что, черт возьми, здесь произошло?» — спросил Шон, не ожидая ответа.

Они быстро пробежали по общине, крича, но никого не нашли. Их хижина была разграблена, но все еще стояла. Все ушли, не оставив ни единого намека на то, почему, по крайней мере, это можно было бы обнаружить в темноте.

Первой мыслью Шона было, что прилетел корабль и спас всех. Но ведь они наверняка послали бы кого-нибудь, чтобы найти их, не так ли? Он и Тимми увидели бы этот корабль или услышали бы его туманный горн, не так ли?

Чтобы убедиться, Шон послал Тимми на утесы, чтобы проверить, зажжены ли сигнальные костры. Мальчик рванул со всех ног и вернулся через несколько минут. «Костры не зажжены, дядя Шон. Я никого не видел, пока меня не было».

«Хммм». Шон потрогал свою постоянно растущую бороду, которая к этому времени уже отросла на полдюйма. «Ну, сегодня слишком темно, чтобы искать их или находить какие-то улики. Давайте немного поспим и попробуем еще раз утром».

Они нашли немного травы, переделали свои коврики и свернулись в своей хижине. Шону потребовалось несколько часов, чтобы заснуть. Он не мог отделаться от мысли, что какая-то ужасная гибель постигла общину, и всплыло чувство вины. Он мог бы спасти их, если бы был здесь.

Во всяком случае, это было возможно.

С первыми лучами солнца Шон встал и обшарил деревню, не зная, что искать. Что-то. Что-нибудь необычное. Он плохо спал, ему снились всякие странные вещи, которые он не мог вспомнить, когда проснулся.

Вся деревня была в беспорядке. Разграблена. Перевернута вверх дном.

Но почему?

С переплетенными за спиной пальцами Шон прогуливался по деревне, и ему не потребовалось много времени, чтобы найти нечто действительно странное. Казалось, были десятки, если не сотни маленьких босых следов, идущих и идущих только в двух направлениях — к восточной лагуне и от нее.

Проследив за следами до лагуны, он увидел, что там было множество других следов обуви всех размеров, ведущих только в одном направлении — к восточной лагуне.

Достигнув кромки воды, Шон увидел, что все, по-видимому, вошли в воду.

Что?

Он обыскал береговую линию и обнаружил десятки длинных, глубоких бороздок на песке.

Какого черта?

Конечно. Должно быть, так оно и есть.

О, нет.

Он помчался к северной бухте, где хранил свое каноэ. Оно было перевернуто и все еще в хорошем состоянии. Он вернулся к восточной лагуне и снова изучил подсказки на песке. План медленно сформировался в его голове. Ему не нравилась ни одна его часть.

Тимми мчался по пляжу. «Дядя Шон. Никого нет нигде. Куда они все могли деться?»

Шон рассеянно покачал головой, игнорируя Тимми. Его мысли были где-то за водой.

Через минуту он повернулся к Тимми, опустился на одно колено и посмотрел ему прямо в глаза. «Послушай, парень, пора тебе стать храбрым».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ «Долгий путь»

«Почему? Что случилось?» — спросил Тимми с большой тревогой.

Шон указал, пока говорил. «Видишь все эти следы босых ног, идущие туда-сюда, все эти следы обутой ног, идущие в этом направлении, и все эти колеи на песке, вверх и вниз по пляжу».

"Да."

«Каное, сынок, много их выбросило на берег две ночи назад».

"Что это значит?"

«Это значит, что туземцы пришли с другого острова и забрали всех. И если мэр Флеминг был прав, то люди, которые забрали всех, скорее всего, каннибалы».

«Каннибалы?» Глаза Тимми расширились.

«Да, и нельзя терять времени. Я возьму наше каное и попытаюсь найти всех».

«Но, но... куда ты пойдешь?» — Тимми не мог сдержать дрожь в голосе.

«Если туземцы высадились в восточной лагуне, я полагаю, они пришли с востока. Оттуда», — Шон старался говорить уверенно, указывая на кончики трех других островов, усеивающих горизонт.

Лицо Тимми вытянулось, когда он осознал это. «Как ты найдешь, на какой остров они их отвезли?»

«Хороший вопрос». Шон задумался. «Мне придется обыскать их все и надеяться на удачу... я полагаю».

«Я пойду с тобой», — уверенно сказал Тимми.

«Нет!» — резко ответил Шон. «Вот почему я сказал, что ты должен быть храбрым. Я... должен оставить тебя здесь, пока я это делаю, Тим. Я вернусь. А пока меня не будет, ты должен поддерживать огонь, несмотря ни на что, следить за кораблями и разжигать сигнальные костры, если увидишь их». Он вытащил зажигалку из кармана и протянул ее мальчику. «Я рассчитываю на то, что ты сохранишь голову и доберешься домой. Ты меня понимаешь?»

Озадаченный, пустой взгляд был единственным ответом, но парень был близок к слезам. «Но почему я не могу пойти с тобой?» — выдавил он. «Тебе понадобится помощь в гребле на каноэ».

«Я сам с этим разберусь», — тихо сказал Шон.

«Но почему я не могу пойти с тобой?» — взмолился он.

«Потому что!» — сказал Шон, повысив голос, затем спохватился и спокойно продолжил. «Потому что, если *мы* пойдем туда и потерпим неудачу, *мы* оба умрем. Но если я пойду туда и потерплю неудачу, умру только я, и у тебя все еще будет шанс вернуться домой. Если я пойду туда и добьюсь успеха, то я вернусь, и все будет как прежде. Если ты останешься здесь, это будет лучшим шансом, *чтобы* хотя бы один из нас вернулся домой. Хорошо?»

Слезы потекли по щекам Тимми, его нижняя губа задрожала.

«Ты большой и умный мальчик. Если тебе придется остаться здесь одному на некоторое время, ты сможешь это сделать. Здесь есть убежище и много еды. Можешь взять старый меч. Держи его острым, как я тебя учил. А теперь помоги мне подтянуть каноэ к лагуне».

Они подтащили каноэ к воде, оттолкнули его на несколько футов, затем Тимми спросил: «Ты собираешься взять с собой еду?»

Шон улыбнулся. «Боже мой, ты гений. Я бы не подумал».

«Подожди здесь». Тимми помчался прочь и вернулся с плетеной циновкой, полной еды. Он положил ее в каноэ.

Шон собирался забраться в машину, размышляя, что сказать Тиму на прощание, когда мальчик крикнул: «Дядя Шон!»

Шон повернулся вовремя, чтобы поймать стремительное движение мальчика, когда тот бросился обнимать дядю. «Будь осторожен», — прошептал Тимми, — «и возвращайся ко мне».

«Я сделаю это, сынок. Береги себя, пока я этого не сделаю».

Шон разорвал объятия, забрался в каноэ и оттолкнул его последним шагом. Он сел и сделал несколько гребков, затем повернулся и помахал Тиму веслом. Он видел, как по щекам мальчика текли слезы. Слезы тут же брызнули из глаз Шона и потекли по его лицу. Он повернулся так, чтобы Тим их не видел, и погреб к северному берегу, направляясь в открытый океан.

Пока он греб, Шон думал обо всех ужасных вещах, которые произошли после авиакатастрофы. Казалось, все было в заговоре против него. Когда все это закончится? Когда они смогут почувствовать себя в достаточной безопасности, чтобы расслабиться и насладиться своим щедрым островом? Среди неисправных самолетов, рифов-убийц, погоды, болезней и травм, циклонов и цунами, извержений вулканов, убийц и насильников, а теперь и враждебных туземцев с соседних островов, было чудом, что он и Тим вообще были живы и здоровы.

Он пересмотрел свое решение оставить Тимми и остался им доволен. Парень был сильным и смелым, но что он мог сделать, кроме как помогать грести? Как только Шон найдет остров, который он искал, мальчик станет большой обузой, и ему придется тратить большую часть своего времени и энергии на его защиту.

Нет. Он чувствовал, что поступает правильно, уходя и оставляя мальчика в безопасности.

Шон прошел мимо защитных рифов и вышел из лагуны, и взял курс. Он мог видеть вершины трех островов на востоке, один из которых был немного больше двух других. Надеялся, что он сможет добраться до ближайшего до того, как разразятся дневные грозы. Он мог бы затаиться там, укрыться от шторма, а затем двинуться дальше, если это не тот остров, который он искал.

Но что, если это был остров? Что, если большая колония каннибалов собиралась сварить его друзей? Что он мог с этим поделать? Зачем он вообще отправлялся в морское путешествие на маленьком каноэ?

Серьёзные тревоги волнами накатывали на него, и он задавался вопросом, стоит ли ему повернуть назад. Он сомневался в своей способности сделать что-либо, чтобы помочь своим друзьям, если и когда он вообще сможет их найти. Может быть, ему стоит выбрать лёгкий путь и

остаться на острове с Тимми, пока на них каким-то образом не наткнётся корабль.

Но как он мог жить с собой, оставив своих друзей умирать какой-то невыразимой смертью, не пошевелив рукой, чтобы помочь им. Нет. Он решил, что сейчас самое время применить свои новые принципы на практике. Что бы ни случилось, он попытается найти их и помочь им.

Линда гордилась бы им.

Его взгляд охватил небо. Пока что совершенно ясно. Пока что никаких грозowych туч, но это может измениться через десять минут. Он ускорил темп веслом.

Солнце неуклонно поднималось. С каждой минутой становилось все жарче. Он вошел в ритм с веслом, и гребки держали ритм. Пять гребков по левому борту, затем пять по правому борту и повторять, чтобы нос продолжал идти прямо к самому большому острову.

Пот струился по его лицу. Он скользил по всему его телу. Не было ни единого ветерка, который помог бы ему охладиться.

Когда солнце почти взошло, он перестал грести, чтобы размять спину. Она ужасно болела. Он сгорбился уже около шести часов. Ему нужен был перерыв и что-нибудь поесть. Он отрубил верхушку небольшого кокоса новым мечом и вылил из него молоко. Затем он положил себе папайю.

Он поднял глаза и заметил, что ближайший остров не вырос. Он все еще приседал низко на горизонте с потоками облаков, тянущимися от вершин. Он надеялся быть там к середине дня. Теперь же было около полудня, и он не приблизился к нему.

Он чувствовал себя беззащитным и уязвимым. Штормы или любая непогода были его смертельными врагами. Пока что ему везло. Ему пришлось бороться только с легким волнением, которое лишь изредка переливалось через борт. Лужа внутри каноэ в основном образовалась из-за воды, которая капала с весла, когда он менял сторону.

Он обернулся и посмотрел на то, что было его домом в последние недели. Он отдалился от него на некоторое расстояние. Он не мог видеть ни лагуну, ни пляж. Но горы маячили. Он выпрямился, рыгнул и продолжил свой путь.

Минуты тянулись медленно. Солнце было раскаленным добела глазом, безжалостно глядящим вниз, высасывающим его энергию. Час неохотно сменялся другим часом. И все это время остров перед ним, казалось, не становился больше. Может быть, было какое-то сильное, невидимое течение, препятствующее его продвижению, наконец, решил он. Он ничего не видел, но это ничего не значило.

Он снова усомнился в своем решении отправиться в столь опасное путешествие и перестал грести, думая, что, возможно, ему стоит повернуть назад, пока не стало слишком поздно. Он не был уверен, что поступает правильно.

Внезапно показалось таким безрассудным оставить Тимми одного на этом райском острове, который так щедро удовлетворял все их потребности, и отправиться на это дурацкое дело. Что заставило его подумать, что он сможет спасти всю деревню от того, что могло легко оказаться несколькими сотнями или несколькими тысячами враждебных дикарей? Какой идиот.

Сильный ветер дул ему в спину. Это было чудесно. Он оглянулся через плечо и замер, уставившись вдаль. Разразился огромный шторм, полностью затмивший его родной остров. Он принял решение. Он изо всех сил греб на восток.

Примерно через час он увидел еще один огромный шквал на севере. Затем он заметил, что шторм, который был позади него, сместился на юг. Он был почти окружен. Ветер усилился. Волна плескалась через борта, но не слишком сильно. Каждые десять минут или около того он использовал полый кокос, чтобы вычерпывать воду, чтобы не захлебнуться.

Штормы не стали ближе, когда солнце начало садиться. Наконец, Шон увидел некоторый прогресс. Ближайший остров, казалось, поднимался из моря. Он должен быть огромным, подумал он. Клубящиеся облака теперь скрывали самые высокие пики.

Солнце наконец скользнуло за облака, затем за горизонт, и стало темно. Но пока он все еще мог различить остров, Шон выбрал одну из самых ярких звезд в отличительном маленьком созвездии, которое висело над островом, чтобы указать ему путь. Он хотел бы знать больше о созвездиях в южном полушарии. Он знал много созвездий в северном полушарии, но ни одного здесь.

Его терзал голод. Он не ел с полудня и весь день напрягался. Он вычерпал воду, скопившуюся в каноэ, и покопался в своих запасах еды. Кокос, два банана и папайя составили его ужин.

После скромной трапезы он схватил весло и стал искать свою звезду. К своему полному ужасу он обнаружил, что небо прояснилось и яркие звезды заполнили небеса. Его путеводная звезда и маленькое созвездие теперь затерялись среди тысяч. И, пока он ел, каноэ дрейфовало, и теперь он смотрел... он понятия не имел, в каком направлении.

Абсолютное отчаяние пропитало его уставшие кости. Что, черт возьми, он собирался делать теперь?

Его настроение резко упало, и ситуация стала безнадежной. Сможет ли он продержаться здесь, посреди океана, до утра? Он опустил голову и закрыл глаза, размышляя, сможет ли он как-нибудь заснуть.

Он откинулся назад и попытался подумать и...

Он даже задремал на мгновение.

Каноэ качнулось, заставив его сесть прямо. Он огляделся и увидел великолепное зрелище внутриоблачной молнии на горизонте. Массивные молнии пронзали огромное облако, неоднократно освещая большие его участки. Это было красивое зрелище, но Шон был так обеспокоен своим затруднительным положением, что не мог его оценить.

Он оглянулся через плечо. Становилось ли светлее?

Детали на дне каноэ, похоже, стали более отчетливыми.

Шон улыбнулся и хлопнул себя по лбу открытой ладонью. Все эти беспокойства напрасны. Он вспомнил, что луна восходила примерно через два часа после заката в последнее время. Он так устал, что это не пришло ему в голову. Его настроение воспарило. Он все равно победит!

Шон минут пятнадцать наблюдал за горизонтом, пока из-за облака не выскользнул кусочек луны. Но он был настолько мал, что ничего не освещал. Он попытался сообразить. С какой стороны в это время года в южном полушарии восходила луна? Он понятия не имел. Страх терзал его изнутри.

Он осмотрел небо со всех сторон. Он не увидел ничего, кроме крошечных молний внутри облаков .

Может ли это быть облаком на вершине горы, которое он видел перед закатом? Может ли это быть облаком на вершине горы на его родном

острове? Может ли это быть шквалом в открытом океане? Усталость затуманила его рассудок.

И тут на него свалилось. Как глупо! Солнце и луна, и, если подумать, звезды всегда всходят на востоке.

Он повернул нос и начал грести к луне.

Каждая минута казалась часом. Каждый час — недель. Он стал более чем уставшим, более чем истощенным. Каждый удар, казалось, разрывал мышцы на его руках и плечах. Рана на спине была словно в огне.

Его мысли блуждали.

Он подумал о том, с чем он на самом деле столкнулся, и это ударило его, словно разбитая коленная чашечка. Как он собирался найти нужный остров, пробраться сквозь рифы вокруг него посреди ночи, незаметно высадиться на обитаемый остров, который наверняка будет заполнен вооруженными воинами, украсть у них из-под носа более сотни человек, вернуться на свой остров, чтобы дикари не последовали за ними и не схватили их?

Это было самоубийство!

Он перестал грести и начал дрейфовать, споря с самим собой, оставаться ли ему там до утра, а потом повернуть обратно. Он представлял себе Тимми, тридцать лет спустя, совершенно дикого, бегающего по острову, голого и грязного, сидящего на корточках в грязи, пускающего слюни и бормочущего что-то себе под нос.

Затем ему пришло в голову, что если он вернется и Тимми станет диким, это значит, что его тоже не спасут. Так что он мог бы продолжать. Кроме того, они могли бы израсходовать все ресурсы на этом острове и им нужно было бы перебраться на другой остров в один из этих дней, так что было бы полезно провести разведку.

Но, по крайней мере, если он вернется, они с Тимми будут живы и вместе.

Но как он мог когда-либо радоваться этому, зная, что он должен был хотя бы попытаться помочь всем?

Он продолжал грести, пока его пальцы не онемели, а руки не стали казаться готовыми отвалиться. Его гнала вперед абсолютная решимость. Несколько гребков с левой стороны, несколько с правой, чтобы он двигался по прямой.

Время стало бессмысленным. Взошла луна.

Он открыл глаза в какой-то момент, когда ему показалось, что он что-то услышал, и понял, что плыл с закрытыми глазами, чтобы сэкономить энергию. Он сел, вытащил весло из воды, чтобы оно не производило шума, и напряг слух в ночи. Все, что он слышал, это плеск воды о лодку и шелест ветра в воде. Слава богу, он не попал в плохую погоду.

Он покачал головой, не уверенный, услышал ли он что-то необычное или это были просто шумы, которые издавало беспокойное море. Он снова начал грести и посмотрел вверх, пытаясь найти молнию, которая была его ориентиром последние несколько часов, но вокруг него не было ничего, кроме бесконечной темноты. Луна была почти прямо над ним, но больше не было никаких молний.

Паника схватила его за горло. Он мог быть направлен в любом направлении и быть где угодно к этому моменту. И его родной остров, и три острова, к которым он греб всю ночь, могли быть где угодно за горизонтом, в любом направлении. Все, что он мог сделать сейчас, это ждать рассвета, чтобы подтвердить свои худшие опасения, или шторма, который поглотит его, и акул, которые его прикончат.

Усталость затопила каждую клетку его существа. Он прикинул, что сейчас, наверное, около полуночи, может, немного позже. Это означало, что он находился в этом каноэ около восемнадцати часов.

Он вычерпал всю воду, которую мог, затем лег на дно каноэ, вытянулся и помассировал поясницу. Каждая мышца болела, даже пальцы ног. Он закрыл глаза и попытался расслабиться, но был слишком устал, чтобы спать. Если этого было недостаточно, каноэ покачивалось, заставляя его чувствовать тошноту. Он сел и открыл глаза.

Не было ничего, что можно было бы увидеть, поэтому он ни на что не смотрел, но что-то было странным. Он моргнул несколько раз и понял, что было странным. Звезды исчезли. Отлично, вот и все, подумал он, конечно, приближается еще одна буря. Но никаких признаков бури не было. Ни ветра, ни молнии, ни грома, ни запаха дождя.

Он посмотрел вверх. Полумесяц был ясным и ничем не заслоненным. И теперь, когда он это заметил, позади него, справа и слева были звезды. Но ни одной перед ним.

Это было странно.

Тщательно изучив, он определил, что звезд не было перед ним, только на небольшом участке неба, прямо впереди, на горизонте. И этот участок пустого неба имел форму треугольника с вершиной примерно в тридцать градусов над горизонтом. Резко очерченный треугольник. Что-то заслоняло звезды в резко очерченном треугольнике прямо впереди.

Облако не может иметь такую форму. Оно может быть только...

Гора.

Какая удача!

Каким-то образом, каким-то образом, он сохранил прямой курс, который привел его так близко к острову, что его горы заслонили звезды у горизонта. Он схватил весло и начал вспенивать воду в каноэ. Ему было все равно, какой это был остров. Будь то дом, или большой остров, или один из маленьких островов на востоке, он собирался причалить к нему, отдохнуть, поспать и что-нибудь съесть.

Он услышал звук, перестал грести и дрейфовал. Что это было? Сначала он боялся, что это может быть прибой на рифе. Но нет.

Он погреб еще немного. По мере того, как треугольник рос, мерцало все больше звезд.

Новая сила охватила его. Пять ударов по левой стороне, пять по правой. Повторить.

Он снова услышал этот странный звук, перестал грести и поплыл. Его уши впились в темноту. Он был там несколько секунд, а затем исчез на ветру, прежде чем снова появиться на короткое время.

Неужели его разум сыграл с ним злую шутку? Может, у него снова галлюцинации?

Нет. Теперь он вернулся, принесенный ветром. Звук становился сильнее и страннее, но он не мог его узнать. Это был не звук, издаваемый морем. Он был ритмичным, пульсирующим, с человеческим происхождением.

Что бы это ни было, Шон был убежден, что оно пришло с этого соседнего острова. Теперь вопрос был в том, как ему к нему приблизиться? Он живо помнил, что случилось с тем плотом в ночь, когда самолет потерпел крушение и приземлился.

Он встал так высоко, как только осмелился, и ничего не увидел. Шансы были пятьдесят на пятьдесят, поэтому он решил обойти остров справа,

чтобы проверить возможные места высадки, в надежде избежать рифов и, возможно, разобраться с этим звуком.

Тридцать минут спустя он был достаточно близко к острову, чтобы распознать этот звук. Это был яростный стук барабанов, волнообразно двигавшихся по воде с гипнотической силой. Это должно было быть то место, которое он искал. Туземцы были настолько любезны, что передали ему свое местоположение.

Он повернул налево и направился к земле. Было бы неплохо иметь что-то твердое под ногами после всего этого времени. Он не знал, сколько времени осталось до восхода солнца, но решил, что теперь это не может быть слишком далеко, и он хотел оказаться на берегу до рассвета.

Барабаны его бодрили. Мышечная усталость с него сходила, когда он обретал второе дыхание. Он делал большие броски из воды веслом, направляясь к земле.

Ему не потребовалось много времени, чтобы увидеть огни на острове, много огней. Чтобы они были такими большими и такими многочисленными с такого расстояния, это должны быть огромные костры. Очевидно, там была огромная деревня. Он греб изо всех сил.

Остров постепенно рос, заслоняя все больше неба. Он попытался изучить планировку острова; где была деревня, а где ее не было, где он мог бы высадиться на берег — когда внезапно его подхватило злобное течение, которое было одновременно сильным и широким. Он попытался выплыть из него, но застрял. Он попытался использовать весло в качестве руля. Это не имело абсолютно никакого значения. Огромное течение подхватило каноэ, словно спичку в потоке.

Он поднял глаза и увидел подводный риф прямо по курсу и еще один, еще больше, немного дальше слева. В ужасе Шон мог только наблюдать, как течение уносит его в сторону от первого рифа.

Шон проглотил свое сердце. Он может выжить в конце концов.

Течение отнесло его влево, затем вправо, и казалось, что он промахнется и мимо другого рифа, когда течение понесло его и каноэ прямо над вторым рифом. Шону казалось, что он мчится со скоростью не менее тридцати миль в час, когда каноэ врезалось в риф, с ужасающим хрустом вырвав дно. У него было достаточно времени, чтобы схватить меч, прежде чем он взлетел в воздух.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

«Дикая деревня»

Шон так сильно ударился о воду, что чуть не потерял сознание. Он был настолько дезориентирован, что не знал, насколько глубоко он находится под водой или даже в каком направлении находится поверхность. Потребовалась огромная умственная дисциплина, чтобы прекратить метаться и позволить себе всплыть на поверхность, где он жадно глотнул воздух. Меч ощущался как десятитонный груз, пытающийся утащить его на дно лагуны, но ему удалось удержаться на поверхности, молотя всеми четырьмя конечностями.

Закрыв глаза, он сумел перевернуться на спину, положить меч на грудь и живот, чтобы использовать ноги и обе руки, чтобы оставаться на поверхности, пока он переводит дыхание. Как только он перестал быть в непосредственной опасности утонуть, и его дыхание стало под контролем, он направил голову в сторону острова и заработал ногами и руками, чтобы набрать обороты. Он медленно понял, что он уже вдали от рифа, и он больше не представляет для него никакой опасности.

Он не торопился и плыл медленно. Эта лагуна была не такой уж большой, но он беспокоился об акулах. Он порезался? Он истекал кровью?

Может, там был еще один риф и еще одно течение, которые могли бы его туда унести?

Скоро он все узнает.

Он оценил свое положение. С уничтоженным каноэ он теперь был заперт на этом острове с небольшой надеждой на спасение. Могут ли туземцы найти его разбитое каноэ, узнать, что среди них чужак, и начать его искать? Он мог бы украсть каноэ у островитян, но тогда они бы поняли, что захватчик сошел на берег и ушел. Они могли бы снова напасть на его родной остров, на этот раз захватив Тимми и его самого.

Кроме того, обломки его каноэ могли вынести на берег. Тогда туземцы поняли бы, что на их острове находится чужак, и стали бы его искать, пока не нашли.

Теперь у него был один вариант: плыть на берег и надеяться на лучшее.

Когда он был примерно в ста ярдах от берега, Шон схватил меч за рукоять и перевернулся, чтобы хорошенько рассмотреть деревню, прежде чем сойти на берег. Одной из хороших сторон крушения каноэ, мрачно подумал он, было то, что ему не нужно было беспокоиться о том, что он будет выделяться на фоне других, приближаясь к острову.

Он не мог много видеть, держа над поверхностью только голову, но он мог сказать, что это было старое и устоявшееся место. Параллельные ряды куполообразных, глиняных и травяных хижин с соломенными крышами выстроились вдоль пляжа и уходили вглубь острова, насколько он мог видеть. Их разделяли широкие, прямые, грунтовые улицы, которые шли перпендикулярно пляжу.

Но он не мог обнаружить никакой жизни. Никто не ходил по пляжу или около него, или по улицам, которые он мог видеть. Но он видел много больших каноэ, выстроенных вдоль и поперек пляжа.

Хотя сама деревня выглядела заброшенной, там были десятки, может быть, даже сотни барабанов, отбивающих этот непрерывный ритм, рассказывающий другую историю. Все сообщество, должно быть, находится глубоко в джунглях или где-то за деревней. Может быть, пируют моими друзьями, мрачно подумал он. Мне нужно поторопиться.

Он направился к левому краю пляжа, чтобы не сойти на берег около деревни. Там он нашел небольшой ручей, впадающий в лагуну. Он проплыл по нему несколько сотен ярдов, уверенный, что его никто не видит. Он вылез на правый берег, затем, осторожно ступая, осторожно пробирался через джунгли к деревне. К этому времени барабаны затихали. Теперь их было всего несколько, и ритм был гораздо медленнее. Вечеринка, должно быть, подходит к концу, подумал он.

К тому времени, как Шон приблизился к хижинам, которые образовывали внешний край деревни, он остановился и присел в чаще подлеска, где он мог слышать веселье человеческих жителей. Дикие крики и вопли вызвали бурный шум. Вперемешку с человеческими шумами и гудением больших бревенчатых барабанов, другой звук нашел свой путь к его ушам. Это был какой-то струнный инструмент, который щипали и

бренчали беспорядочным образом, что не добавляло ничего музыкального к звуку. Все это, казалось, доносилось слева.

Оставаясь в джунглях, он пробрался к самому дальнему краю деревни и пробрался туда, где джунгли заканчивались и открывался вид на большое травянистое поле, занимавшее много акров. Оно, должно быть, было добрых полмили в диаметре и было почти идеально круглым. Земля постепенно опускалась примерно на двадцать футов равномерно со всех сторон, образуя симметричную чашу. В чаше на регулярных интервалах разводили огромные костры, освещая жуткую сцену.

В центре чаши небольшой холм резко поднимался до уровня окружающей местности. На этом холме находился большой каменный алтарь. Из алтаря возвышался высокий, толстый и неровный деревянный кол с многочисленными торчащими из него копьями.

Возле столба человек, одетый в птичьи перья и человеческие черепа, танцевал так, будто его язык застрял в патроне. Он яростно дергался и беспрестанно кричал. Какой-то верховный жрец, догадался Шон.

Вокруг холма невысокие смуглые люди танцевали в лунном свете с дикой и безрассудной самоотдачей. Десятки туземцев, легко одетых или полностью голых, топтали ногами в пыли, поднимая облако. Некоторые мужчины были одеты так же, как и священник, только менее роскошно. У них также было несколько человеческих черепов, нанизанных на привязь вокруг шеи.

Женщины, однако, носили простые юбки из травы и были топлес выше талии. Когда они дергались в свете костра, их груди болтались, что выглядело как очень болезненный способ. Все танцевали, все, кроме тех, кто уже спал. Сотни распростертых тел усеивали чашу. Казалось, они потеряли сознание там, где упали.

С одной стороны чаши рядами стояли десятки бревенчатых барабанов. Только у четырех или пяти барабанщиков еще хватало энергии, чтобы отбивать ритм. Несколько мужчин сидели за барабанами, держа между колен какой-то коробочный струнный инструмент, по которому они бренчали смычком. Какая-то местная цитра, предположил Шон. Они издавали низкий, жалкий звук. С другой стороны центрального холма была почерневшая яма, из которой исходило тусклое оранжевое свечение. Шон не мог видеть ее дна.

Затем Шон заметил их. По другую сторону чаши от его позиции находился огромный загон, построенный из бревен и досок. Все люди с его острова сбились в кучу внутри, казалось, спав в одной большой куче друг на друге. Никакой активности там не было видно. По крайней мере, Шон надеялся, что они спят. Они могли быть мертвы.

Шон внимательно изучил всю сцену, особенно частокол, где держали в плену его друзей. Казалось, что они могли легко оттуда вырваться, но куда они могли пойти? Их схватят, как только они сбегут, что, несомненно, ускорит их гибель.

Его внимание снова привлек центральный алтарь, где он увидел танцующего воина, который метнул копье вверх по холму в священника. Но оно было не в священника, а в кол. Затем под ударом кол обвалился. К своему леденящему кровь изумлению Шон понял, что к колу привязан человек, и что именно в него торчали многочисленные копья. Шон не мог сказать, кто это был, на таком расстоянии.

Справа от загона, где держали его друзей, стояло строение, отличавшееся от всех остальных в деревне. Оно выглядело как большой двухэтажный вигвам с остроконечной крышей, покрытой ярким брезентом. Это было единственное похожее строение, которое он видел.

Пока он смотрел, оттуда появился старый, тощий человек. Он был покрыт от шеи вниз самыми большими и красочными перьями. Его головной убор состоял полностью из человеческих черепов, сложенных высоко. Как только он появился, все, кто еще был в сознании, прекратили свои дела, повернулись в его сторону, поклонились так низко, как только могли, держа ноги прямыми, и пробормотали в унисон какое-то приветствие.

Мужчина что-то пробормотал им в ответ, махнув рукой, и вернулся в свой типи. Двое довольно крупных охранников остались снаружи и сидели на корточках по обе стороны от входа. Это, должно быть, дом вождя, предположил Шон, или, может быть, он был королем.

После этого вечеринка быстро сошла на нет. Появление вождя, должно быть, стало сигналом к концу вечернего веселья. Те, кто еще стоял, начали падать лицом в грязь и так и оставались. Через несколько минут он не мог видеть никакого движения.

Теперь настал его шанс.

Он понятия не имел, что именно делать.

Стоит ли ему попытаться пообщаться с друзьями?

Осторожно, оставаясь в глубине листвы джунглей, Шон пробирался к другой стороне чаши. Примерно на полпути свет от костра был таким, что он мог разглядеть лицо бедняги, привязанного к столбу. Это был Гарольд Пинкертон, жалобщик, мертвый, как маринованная селедка, с копиями, торчащими из его толстого, голого тела во всех углах. Это было ужасное зрелище. Шон был рад, что ему не придется смотреть, как он умирает.

Когда он приблизился к загону и вигваму, он увидел, что находится внизу, внутри почерневшей ямы. Целые стволы деревьев были сложены, как дрова, и горели на дне. Прямо над ними, огромная железная решетка светилась красным посередине. Очевидно, эта яма готовилась приготовить очень много людей. Шон вздрогнул. Завтра должен был быть праздник.

Он думал о том, чтобы спуститься к загонам и сказать всем, что он там, но не видел в этом никакого смысла. Если бы кто-то издал звук или его увидели, это был бы конец всему. Кроме того, в траве по обе стороны загона спали несколько крепких на вид мужчин. Он хотел, чтобы они продолжали спать.

Частокол, в котором были заточены его друзья, находился в тридцати ярдах слева от королевского типи. По крайней мере, некоторые из них были живы, он видел, как двое или трое дышали или переворачивались. Он слышал, как кто-то храпел, а кто-то бормотал во сне.

Шон пробрался через джунгли к задней части вигвама и подкрался к нему. У него все еще не было плана, он надеялся на вдохновение. Но вождь был внутри; он держал ключ. Он нежно ощупал покрытие вигвама пальцами. Оно было похоже на мешковину. Просто мешковину. Казалось, что у него нет никакой подкладки.

В этот момент Шон услышал шарканье ног слева от себя. Он тут же сел на корточки, стараясь не двигаться в темноте, когда один из пернатых воинов обошел вигвам, нащупывая свою набедренную повязку, и остановился в пяти футах от него. Это был невысокий человек, чуть ниже пяти футов ростом. Он был тощим, каждое ребро проступало сквозь его кожистую шкуру. Его черные, жесткие волосы образовали огромное афро, которое удвоило размер его головы.

Шон затаил дыхание, надеясь, что его не заметят.

Воин начал мочиться, когда оглянулся и увидел Шона, и его глаза расширились.

Шон подпрыгнул и взмахнул клинком. Он попал воину над левым ухом и глубоко вошел в его череп с куском. Мужчина тут же упал без звука, если не считать глухого удара его тела о землю. Шон снова присел в тени на случай, если кто-то придет проверить шум или тот факт, что дикарь пропал, и остановился, чтобы подумать.

Если он не будет осторожен, завтра его поджарят. Если он не сделает что-нибудь драматичное, завтра всех его друзей поджарят. Поэтому ему нужно было что-то сделать прямо сейчас.

Безумный план овладел им. Он отреагировал, не задумываясь.

Он встал и поднял меч. Он сверкнул, как сверкающая сосулька в лунном свете, и быстрым, низким движением прорезал аккуратный четырехфутовый срез мешковины вигвама вождя, не производя больше шума, чем быстро перелистываемая колода новых карт. Он нырнул в отверстие, ожидая, что вождь начнет кричать или на него набросятся охранники.

Но к удивлению Шона, он был один со стариком, который лежал на спине, глубоко зарывшись во множество мехов, и тихонько похрапывал. Старик, должно быть, крепко спит, подумал Шон.

Это дало ему еще одну возможность подумать. Он сел, скрестив ноги, рядом с вождем и положил меч на колени. Пока все хорошо. Теперь ему нужен был хороший план, а его не было. Он не спал всю ночь и весь предыдущий день и так устал, что не мог думать.

Он заметил через щель, которую он сделал в стене из мешковины, что рассветает и быстро светает. Деревня скоро проснется, тогда они наверняка начнут жарить его друзей в этой яме.

Что делать?

В голове крутились разные сценарии. Он мог попытаться взять всех в заложники, используя начальника как щит.

Он мог бы попытаться убедить короля, что, возможно, все это ошибка. Верно.

Он мог бы попробовать магию. Что-то вроде представления, которое бы сбивало их с толку на долгое время, пока он и его друзья будут уходить. Шон яростно пытался придумать способ напугать этих туземцев, которые

наверняка были суеверными, и ничего не придумал. У него даже зажигалки больше не было. Он отдал ее Тимми. Черт! Жаль, что у него не было нескольких динамитных шашек.

Шон сидел там целый час, уставившись на распростертое тело короля, размышляя о том, что он будет делать, когда старик проснется, или если будет найден убитый им человек, или если кто-то придет. Он знал, что у него мало времени, но понятия не имел, что делать или как спасти людей с его острова. Но он решил, что, что бы ни случилось, он рад, что пришел.

А что, если они начнут жарить его друзей, пока этот старик еще спит? Может, он отдал приказ, чтобы его пленники были среднепрожаренными, очень розовыми в середине, но хорошо прожаренными, к тому времени, как он проснется, но он почему-то был уверен, что празднества не начнутся без их короля, или вождя, или кем бы он ни был.

Что делать?

И все это время день тянулся, а король спал. Старик был ужасно тощим. Его ребра растягивали морщинистую и обветренную кожу на груди с каждым вдохом.

Усталость овладела Шоном энергичными пальцами. Он не хотел ничего, кроме как свернуться калачиком и проспать хотя бы двенадцать часов. Но до этого он бы с удовольствием съел большую гору подливки из свиной отбивной на желтом рисе, большую миску яблочного соуса с корицей — нет. Вместо этого он хотел большую гору картофельного пюре своей матери, обмазанного ее подливкой из жареной курицы. Да.

Он оторвал подбородок от груди, поняв, что задремал на секунду. Он все еще был один с вождем. Ни один звук не нарушал утреннюю тишину. Он задавался вопросом, что произойдет в течение следующих нескольких часов.

Он наконец определился с планом действий, или бездействия, как оказалось. Шон позволил старику проснуться и обнаружил его парящим над его кроватью, надеясь сверх всякой надежды, что если он увидит, что незнакомец мог легко убить его во сне, то подумает, что этот иностранец считает его совершенно неважным, и будет настолько унижен, что отпустит всех. Это звучало нелепо даже для его утомленного ума, но он решил дать ему проснуться и позволить судьбе взяться за дело.

Мысль о том, что человек, ответственный за будущее убийство его друзей, лежит прямо перед ним и Шоном, делала его злее с каждой минутой. Он был готов убить кого-нибудь, и этот ублюдок собирался это сделать.

Но, несмотря на провокацию, Шон не смог хладнокровно убить его.

Поэтому он сидел там и наблюдал, как медленно шли минуты, а затем и часы.

Было около полудня, когда барабаны начали. Сначала один выбивал асинхронный ритм. Сначала медленно и тихо, затем начали несколько других. Им потребовалось еще несколько минут, чтобы синхронизироваться. Затем к ним присоединились другие, пока они не достигли жесткого и тяжелого ритма.

Они будили всю общину. Шон слышал, как люди снаружи занимались своими делами. Шарканье ног и тихий шепот. Он был удивлен, что человек, которого он убил, не был найден, и что сработала сигнализация. Теперь он жалел, что не оттащил этого мертвеца в кусты.

Наконец король пошевелился, перевернулся и потер лицо. Он зевнул, вздохнул и начал громко чмокать губами. Если барабаны не разбудили всех, подумал Шон, то эти губы наверняка разбудят.

Шон сел в позу лотоса и подождал, пока вождь его заметит. Это не заняло много времени. Король открыл глаза и сел. Он очень медленно повернул голову и заметил Шона, и старик сначала никак не отреагировал. Затем он несколько раз моргнул, пытаясь смыть странное видение из своего разума. Его глаза быстро сфокусировались на Шоне.

Шон изобразил самую злобную гримасу, на какую был способен.

Король медленно протянул руку и слегка коснулся плеча Шона указательным пальцем правой руки, видимо, убеждаясь, что этот молодой белый человек в его хижине достаточно реален. Затем он начал задавать вопросы на гортанном языке. Шону хотелось бы говорить на его языке, может быть, они могли бы заключить какую-то сделку. Но вместо того, чтобы что-то сказать и показать, что он не знает языка, Шон молчал и продолжал смотреть на него. Он старался не моргать.

Вождь прекратил свою тарабарщину и на мгновение уставился на Шона. Затем его лицо застыло в свирепом выражении. Он указал на лицо

Шона и заговорил тихим и зловещим тоном. Его глаза говорили о мудрости, которая была старше его земного тела.

Шон не двигался. Он продолжал смотреть на старого, морщинистого человека, размышляя, что, черт возьми, он несет и стоит ли ему убить его сейчас, пока преимущество неожиданности все еще у него.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

" Тонга "

Внезапно вождь быстро встал и выпятил грудь, словно бросая вызов.

Шон вскочил на ноги. Он положил меч на сгиб левого локтя, сделал шаг к старику и остановился, пытаясь использовать свое преимущество в росте как психологическое оружие.

Начальник не был впечатлен. Смелая самоуверенность исходила из каждой поры. Они смотрели друг другу в глаза, пытаясь получить ментальное превосходство.

Когда он посмотрел в эти угольно-черные глаза, Шон не увидел ничего, кроме безжалостной дикости и беспощадной самоправедности. Он инстинктивно знал, что этот старик видел смерть во всех мыслимых формах, и что он ничего не боялся.

Шон внезапно понял, что его судьба теперь предрешена, что ему суждено умереть на этом отдаленном клочке острова, и не останется никого, кто бы знал, что с ним случилось. Поэтому он был полон решимости сделать так, чтобы произошло две вещи: этот кровожадный старый ублюдок умрет первым и падет, сражаясь. Он не собирался сгореть заживо.

Король взялся за маленький мешочек, висевший у него на шее на кожаном ремешке, обеими руками, закрыл глаза и начал произносить какое-то заклинание. Оно началось как шепот и переросло в хриплое бормотание.

Шон стоял на своем, стараясь не показывать страх, который терзал его изнутри. Он понял, что его преимущество неожиданности теперь исчезло, и что он оказался в очень слабой позиции.

Затем из чаши раздался голос — что-то похожее на «Тхонг- га ». Вождь прекратил бормотать и повернул голову на звук. Через несколько секунд сотни, возможно, тысячи голосов начали нараспев повторять «Тхонг - га » снова и снова.

«Тонг -га , Тонг -га ».

Шон решил, что это, должно быть, имя короля. Его люди зовут его, чтобы начать фестиваль.

Пришло время. Время сражаться. Время умирать.

Легкая улыбка изогнула губы короля. Он откинулся назад и оглядел Шона с ног до головы с аурой абсолютного удовлетворения, словно предвкушая, каким Шон будет на вкус.

Этот взгляд полностью вывел Шона из себя. Казалось, будто колония муравьев ползает по каждому квадратному дюйму его тела.

Король подошел к стене, где висел его пернатый костюм, и начал его надевать.

Шон был сыт по горло. Хватит бездействия. Разочарованный и взбешенный, он подошел и выбил костюм из рук короля. Старик посмотрел на него с такой ненавистью, что можно было растопить ледник. Было очевидно, что никто никогда не подвергал сомнению его авторитет.

Шону было все равно. Он схватил старика за волосы на затылке, и они направились к двери. Вождь брыкался, хрюкал и бормотал, пока Шон подталкивал его. Шон понимал, что король не может быть замечен своим народом без своего королевского наряда, и это вполне устраивало Шона.

Когда они подошли к двери, состоявшей из двух слегка наложенных друг на друга лоскутов мешковины, Шон вытолкнул старика между ними и крепко держал короля снаружи, надеясь, что его рука не будет видна.

Люди тут же начали кричать: "Тонг- га , Тонг -га ", но было также много бормотания. Они, вероятно, никогда не видели его без перьев.

Барабаны перестали бить. Шон выглянул в узкую щель в двери и увидел, что дикари перестали танцевать и смотрят на своего голого государя, широко раскрытыми и подозрительными глазами. Резким движением руки Шон отправил короля в пыль. Затем он шагнул через откидные створки вигвама на солнечный свет. Он вскинул меч над головой и выпустил его с собственным первобытным криком. Все племя сжалось как один и испустило громкий коллективный вздох.

Ликование вспыхнуло среди друзей Шона в загоне. Они поднялись на ноги, подняли кулаки и закричали. Шон ответил на их приветствие испуганной улыбкой и легким кивком.

Каждый дикарь закричал от удивления, ярости и потрясения при виде своего голого короля, лежащего в грязи, и огромного белого человека, выходящего из резиденции короля.

«Что бы ни случилось, — крикнул Шон своим друзьям в загоне для рабов, пытаясь перекричать шум, — вырывайтесь и бегите со всех ног, и, может быть, кто-то из вас успеет. К западу отсюда много каноэ. Они собираются зажарить вас живьем и съесть на ужин».

Они все одновременно кричали что-то разное, и Шон не мог понять ни слова.

Шон подошел к королю, схватил его за волосы на макушке и рывком поднял на ноги, пока только кончики пальцев ног не коснулись земли. Пятьдесят воинов, одетых в основном в перья, в деревянных масках с нарисованными на них ужасными лицами, двинулись вперед, неся копья и украшенные щиты.

Они остановились примерно в двадцати футах и образовали полукруг вокруг Шона и короля. Они хрюкали, топали ногами и потрясали копьями, ожидая приказов.

В течение следующих нескольких секунд Шон думал, что лучшее, что он может сделать сейчас, после того как он убил короля, это броситься в вигвам и выскочить из него через щель в стене из мешковины, затем бежать как угорелый через джунгли и в конце концов добраться до пляжа, украсть каноэ и отправиться в море так быстро, как только сможет. Может быть, кто-то из его друзей сможет спастись во время этой суматохи.

Король собрался с духом. Он указал на Шона и рявкнул своим воинам трехсложный приказ.

Шон меньшего и не ожидал.

С безумным воем воины ринулись вперед.

Меньше, чем им потребовалось, чтобы сделать один шаг, Шон уперся ногами и со всей силы ударил мечом по этой тощей шее. Тело короля откинулось от его головы, оставив за собой багровый след бьющей крови, дугой устремляющейся в воздух. Тело шлепнулось о землю с влажным стуком.

Шон повернулся лицом к воинам, поднял голову короля и издал крик.

Каждый воин остановился и отпрянул. Многие упали на землю. Еще большее число вскинуло руки перед лицом и съежилось.

А потом произошло нечто совершенно необъяснимое.

Каждый дикарь — каждый мужчина, женщина и ребенок — рухнул на землю, перевернулся на спину и дико забился, словно ребенок, устроивший истерику. Их руки и ноги молотили воздух, и они жалобно вопили. Казалось, что люди приняли на себя боль своего короля.

Это зрелище на мгновение ошеломило Шона и заставило его замереть. Он стоял на краю чаши, держа в одной руке капающий меч, в другой — капающую голову короля, и смотрел на акры и акры бьющихся темно-коричневых конечностей, торчащих и извивающихся, и тела, шлепающиеся в пыли. Это была самая странная сцена, которую он когда-либо видел.

Поняв, что открылось окно возможностей, Шон отреагировал. Держа голову короля в левой руке, он скакал вниз по склону, уклоняясь от распростертых тел. Он подбежал к деревянной клетке и приказал всем отступить. Четырьмя или пятью ударами меча он прорубил дыру в деревянных планках загона.

«Выходи скорее. За мной», — рявкнул Шон. Он побежал к деревне. Он оглянулся и увидел мэра Флеминга, помогающего всем пройти через проход.

«Вперед, Шон!» — закричал Флеминг. «Мы последуем за тобой».

Шон рванул вверх по склону и побежал прямо по широкой улице к пляжу. Круглые хижины с куполообразными крышами проносились мимо. Все ринулись через дыру в загоне и следовали за ним, как могли.

Деревня была пустынна. Все, должно быть, были в чаше, на спинах, и визжали, как бешеные собаки, предположил Шон.

Не прошло и пяти минут, как мы промчались через деревню и прибыли на пляж. На протяжении ста ярдов в обоих направлениях на песке лежали на боку десятки каноэ.

Шон бросил голову короля на берег, радуясь, что избавился от нее.

«Спускайте все каноэ в воду», — кричал Шон, когда люди подходили. «Не оставляйте ни одного, чтобы они не последовали за нами».

Все каноэ были сброшены в воду. Каждое весло оторвалось от песка. Каноэ наполнялись, пока каждый не нашел себе место. Оказалось, что мэр Флеминг и Билли Томпсон делили каноэ Шона. Мэр крикнул: «Все следуйте за нами гуськом. И держитесь вместе».

Шон порекомендовал: «Возможно, нам стоит попробовать пройти по южному краю лагуны, чтобы избежать рифов».

«Нет, идите в эту сторону», — сказал мэр, указывая пальцем. «Я помню, как дикари принесли его в эту лагуну». Они повернули в направлении, указанном Флемингом, и армада образовала за ними неровную линию.

Через несколько минут Шон украдкой оглянулся на деревню. Пока никаких признаков погони. Он задавался вопросом, сколько времени им понадобится, чтобы пережить смерть своего короля и отправиться на поиски мести. Он надеялся, что когда островитяне действительно придут за ними, голова их короля в песке даст им паузу, чтобы подумать.

Шон задавался вопросом, сколько у них было других каноэ? Были ли у них другие способы переправы на остров? Он решил, что это был всего лишь вопрос времени, прежде чем они снова вторгнутся на их остров.

Флеминг направил всю партию мимо барьерных рифов в открытый океан, не потеряв ни одного каноэ. Но сегодня вода была гораздо бурнее, чем вчера, и постоянно переливалась через борта всех каноэ. Это создавало у них ощущение, будто они пытаются грести по валунам через клей.

Семь раз в то утро и в течение долгого дня каноэ наполнялись водой и тонули, оставляя своих людей-жителей барахтаться в море. Вместо того чтобы остановить весь конвой, чтобы выправить каноэ, мэр Флеминг приказал, чтобы те, кто оказался в беде, подхватили каноэ или два позади них. Дважды нескольким каноэ пришлось разворачиваться, чтобы помочь спасти застрявших людей.

Было уже далеко за полдень, когда силы Шона иссякли. Он греб на корме, когда пробормотал: «Извините, ребята. Я выбился из сил. Вам придется справляться самостоятельно». С этими словами он сполз в каноэ на спину, пока не оказался наполовину погруженным в морскую воду, плещущуюся на дне.

«Все в порядке», — бросил Билли через плечо. «Отдыхай. Мы доставим тебя домой. Не бойся».

«Спасибо, приятель». Шон закрыл глаза и попытался расслабиться. Хотя он так и не заснул, ему удавалось время от времени задремать на несколько секунд, прежде чем снова проснуться, когда вода хлынула ему в лицо.

В течение дня на горизонте надвигалось несколько шквалов, но ни один из них не представлял угрозы плавучему каравану.

Шесть часов спустя Шон почувствовал себя достаточно сильным, чтобы грести снова. Он не спал и пяти минут, но отдохнул достаточно, чтобы сделать свою долю.

Заходящее солнце в тот день стало свидетелем того, как несколько десятков каноэ вытянулись в одну линию более чем на милю, покачиваясь на поверхности моря с белыми крапинками. Пару часов спустя полумесяц начал свой ночной подъем, и море успокоилось до зеркального блеска, к большому облегчению всех. Вскоре их родной остров поднялся из воды перед ними. Еще десять часов утомительной гребли привели к восходу солнца, и флотилия пронеслась мимо барьерного рифа в восточную бухту, с Шоном, Билли и мэром Флемингом во главе, чтобы показать всем путь.

Наконец, момент, который, как Шон был уверен, никогда не наступит, настал. Его каноэ скользнуло на пляж и забуксовало, чтобы остановиться. Ему удалось вытащить свои ноющие кости из каноэ и плюхнуться на песок. Тимми подбежал и крепко обнял его, как дома.

Когда каждая команда вытаскивала свое судно на берег, они выходили из него, сразу же рухнули на песок и принялись массировать ноющие мышцы.

Тимми помог Шону подняться на ноги. Тяжело опираясь на племянника, Шон медленно побрел к хижине на резиновых ногах, которые восставали против каждого шага. По дороге его мозг и желудок боролись за контроль над его волей. Его мозг требовал немедленного сна. Его желудок хотел сначала что-нибудь съесть.

Его мозг победил. Не было ничего, что можно было бы съесть, не найдя этого сначала.

Ноги Шона наконец отказали, когда он стоял на своем травяном коврике в хижине. Он помнил, как падал на него, но уснул еще до того, как

приземлился. Шон спал глубоко и крепко. Если он и видел сны, образы исчезали из его мозга в тот момент, когда они формировались.

Его разум стал сознательным задолго до того, как его тело было готово принять какие-либо сигналы двигательного ответа. Поэтому он лежал там с закрытыми глазами, счастливый от того, что он жив.

Он думал обо всех трудностях и всех тех случаях, когда его чуть не убили. Каким-то образом он сумел все это пережить. Он улыбнулся глубоко внутри, но это не отразилось на его лице.

Это был Рай — ничего не делать. Наконец настал момент, когда ему не нужно было постоянно быть начеку, чтобы кто-то не пытался его убить.

Шон не двигался еще час. К этому времени его желудок уже требовал, а мозг слушался. Когда он наконец набрался сил, он открыл один глаз. Вскоре за ним последовал его брат. Ему потребовалось не менее пятидесяти морганий, чтобы заставить их сфокусироваться на одном и том же объекте одновременно.

Он чувствовал себя так, будто просыпается под водой. Все было темным и размытым. Объекты то попадали в фокус, то выплывали из него. Судя по положению солнца, которое проникало сквозь множество отверстий в хижине, казалось, что сейчас около полудня.

Полдень?

Затем ему пришла в голову странная мысль. В деревне не было ни шума, ни человеческих звуков. Казалось, что их всех снова поймали, и он чуть не вскочил. Затем он понял, что это невозможно по трем причинам. Шум, который бы это вызвал, наверняка вырвал бы его даже из самого крепкого сна. Кто-то разбудил бы его, чтобы помочь защитить общину. И если бы эти дикари вторглись, они бы взяли его в плен.

Нет, была другая причина. Он задавался вопросом, что происходит.

Он осторожно сел. Казалось, мир вращается. Он чувствовал, что может упасть в любую секунду. Он потер глаза тыльной стороной ладони, чтобы прогнать сон, и заметил, что Тимми уже покинул хижину. Он сцепил пальцы за головой и потянулся, громко зарывав. Он медленно встал, почти падая лицом вниз.

Он вывалился наружу и был разбужен громом аплодисментов и смеха всех в деревне. Они собрались вокруг хижины, тихо ожидая, когда он появится. На него не обращали столько внимания с тех пор, как он

поскользнулся на пролитом желе в своей средней столовой, и он вместе со своим обедом полетел в воздух, чтобы бесцеремонно приземлиться по всему полу. Все двести пятьдесят голов повернулись и посмеялись над ним в тот день, когда он поднялся и вернулся в очередь за новым обедом.

Пока Шон стоял, разинув рот, мэр Флеминг, одетый в капитанский костюм, вышел из толпы с левой рукой за спиной. Он подошел, положил правую руку на плечи Шона и по-отечески обнял молодого человека одной рукой.

"Спокойной ночи?"

«Да, спасибо».

«Вся деревня сегодня утром старалась соблюдать максимальную тишину, чтобы вы могли поспать подольше — а это, как оказалось, заняло около двадцати шести часов».

«Ты, ты имеешь в виду...?» — спросил Шон.

«Да, ты проспал целый день, и даже больше», — сказал ему Флеминг.

«Ого». Шон слабо кивнул, чувствуя, как его лицо краснеет.

Неудивительно, что он был так голоден.

Затем, повернувшись к толпе, Флеминг с достоинством прочистил горло и начал: «Дамы и господа, мальчики и девочки. Для меня большая честь, как для вашего мэра», он слегка поклонился под разрозненные аплодисменты, «выделить одного из наших».

На это все захлопали и закричали. Мэр продолжил: «Кто отличился, проявив героическое мужество, невероятную силу характера и невероятную самоотверженность. Без сомнения, и я уверен, что никто не будет оспаривать этот факт, он спас нас всех. Снова!»

Это заявление было встречено еще одним шквалом аплодисментов. Шон заметил, что даже два бывших друга Гарри хлопали. В конце концов, их поймали, а затем спасли вместе с остальными.

«Без дальнейших промедлений», — продолжал Флеминг, пытаясь заставить толпу замолчать, размахивая свободной рукой, — «я хотел бы представить вам это, мистер Шон Эриксен ». Он вытащил левую руку из-за спины.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Наблюдение»

Мэр оторвал несколько банановых листьев от связки, которую держал в руке, и обнаружил старинный ключ-отмычку длиной около восьми дюймов, вырезанный из дерева.

«Ключ к нашей деревне».

Все разразились аплодисментами, криками «ура» и улюлюканьем.

Мэр продолжил: «И я объявляю сегодняшний день «Днем Шона Эриксона». Хотелось бы, чтобы у нас было немного фанфар, но придется обойтись и этим. Надеемся, вам понравится; мы планировали это все утро, не привлекая слышимости».

Тимми, Билли и еще пять мальчиков вышли вперед, приложили оба больших пальца к губам и дули в травинки, которые были туго натянуты между внутренними сторонами их больших пальцев, и свистели очень громкий, пронзительный звук и пытались превратить его в музыку, напевая во время дуновения — без всякого успеха. Все смеялись над этой попыткой.

Затем толпа расступилась пополам. Стефани Энджелс вышла вперед и просунула руку в сгиб правого локтя Шона. Она повела его по тропинке и встала на упавшее бревно. После некоторого подталкивания Шон встал рядом с ней. Она накинула ему на шею красную женскую шаль. Она слегка коснулась его плеча и сказала: «Я хотела бы выразить свою личную благодарность этому доблестному человеку. За то, что он не только спас меня и нас от ужасной участи, и не один раз, а дважды. Мы никогда тебя не забудем». Она наклонилась и слегка поцеловала его в щеку.

Мэр Флеминг крикнул: «Речь!» После этого вся деревня начала кричать: «Речь, речь!», и так повторялось снова и снова.

Шон задумался на мгновение, а затем наконец сказал: «Я не знаю, что сказать, кроме того, что я очень благодарен всем вам, и для меня большая честь помочь вам, когда вы в этом нуждались». Шон снова замолчал, понимая, что это, должно быть, прозвучало очень неубедительно. Затем он добавил: «Я знаю, что это, должно быть, прозвучало банально, но я ошеломлен и тронут этим празднованием». Он спрыгнул с бревна.

Затем человек, имени которого Шон никогда не знал, провозгласил: «Ты говоришь, что ты удостоен чести? Ну, черт возьми, мужик, я тоже. Для меня

честь знать тебя, и вот моя рука на этом». Он подошел к Шону, схватил его правую руку и энергично потряс ее несколько десятков раз, глядя Шону прямо в глаза и говоря: «Если мы когда-нибудь выберемся из этой скалы и тебе что-нибудь понадобится, что угодно, приезжай в Денвер, найдешь меня — Дэвида Уоррингтона — и это твое. Тебе нужны деньги, тебе нужна работа, тебе что-нибудь нужно, дай мне знать. Я в списке».

Это вызвало толпу. Все подходили, чтобы пожать ему руку или похлопать по плечу. Большинство сердечно благодарили его за спасение от такой ужасной смерти. Некоторые из пожилых женщин обняли его, а одна даже прошептала ему на ухо: «Да благословит тебя Бог, сынок».

Глаза Шона были полны слез, когда все высказались. К счастью, они остались в его глазах и не потекли по щекам.

«Пусть начнется пир», — крикнул в какой-то момент мэр Флеминг.

Стефани подвела Шона к длинному столу, который был снова собран. Ее подруга с огненно-рыжими волосами подошла с деревянным подносом, нагруженным едой, и поставила его перед Шоном. Он так давно не ел, что его рот наполнился слюной при виде этого.

подали немного еды, все глаза обратились к Шону, улыбаясь. Шон улыбнулся в ответ и принялся за еду, и все последовали его примеру. Деревня объедалась до тех пор, пока никто не мог съесть еще кусочек.

Когда все закончилось, люди разошлись. Тимми и Шон прогулялись по пляжу восточной бухты и бездельничали остаток дня в тени, плавая и отдыхая в гамаках над высокой травой, которая местами окаймляла пляж. Это было мирно и спокойно. И если не считать легкого нытья в глубине души, что у каннибалов будет больше каноэ, может быть, даже несколько больших аутригеров, или они смогут построить больше за несколько дней и вернуться, чтобы забрать свою добычу, это была идиллия.

Солнце опустилось за западные горы, но было еще довольно светло, когда Шон и Тимми увидели необычайно красивый закат. Яркие цвета покрывали половину неба от ярко-желтого на горизонте до ярко-оранжевого, красного и фиолетового, поднимающихся над их головами. Это было великолепно.

Когда цвета померкли, Шон поднял глаза и увидел двух детей, мчащихся по пляжу во весь опор. Он не обратил на них особого внимания; они, вероятно, бежали. Оба ребенка добежали до того места, где лежали

Тимми и Шон, затем опустились на колени на песок и попытались заговорить одновременно, но они так запыхались, что их слова выходили искаженными. Наконец одному удалось выговорить слово «Корабль», указывая на север.

«Что!» — крикнул Шон гораздо громче, чем собирался, быстро садясь. «А теперь успокойся, сынок, отдышись и расскажи мне, что ты видел».

Оба ребенка задыхались и пыхтели, но им удалось сообщить, что от северного побережья острова медленно движется корабль, направляясь на восток.

Шон начал выкрикивать приказы. «Вы двое», — сказал он только что прибывшим детям, — «найдите мэра Флеминга. Расскажите ему, что вы видели, и скажите, что Тимми и я собираемся зажечь сигнальный огонь на северном пляже».

Шон и Тим побежали в деревню и к огню так быстро, как только могли нести их ноги, боясь, что корабль скроется из виду прежде, чем удастся разжечь костры. Они оба подобрали ветки размером с руку, которые горели с одного конца и были вне огня и холодными с другого, и побежали к косе земли, которая разделяла северную бухту и восточную лагуну.

Они увидели мэра Флеминга и его летный экипаж на пути. Шон крикнул им, когда они пробежали мимо. «Боб, Бад, Стэн. На севере корабль. Поехали!»

Флеминг крикнул в ответ: «Я прямо за тобой, я принесу сигнальные ракеты».

Шон не знал, что у него есть, но был рад этому. Они могут скучать по огню на этом острове, но уж точно не по факелу.

Шон и Тимми взбежали на самый высокий из небольших холмов на этом полуострове, который называли «Холм Сигнального Огня». Многие жители деревни слышали их крики и последовали за ними на полуостров, где остановились на вершине холма, желая увидеть корабль своими глазами.

Когда Шон достиг вершины, он осмотрел северный горизонт. Вот он, то, что он назвал бы «бродячим пароходом», и притом довольно крупным, медленно двигался на восток, довольно далеко к северу от острова. С каждым мгновением становилось все темнее. Он едва мог его разглядеть.

Дождя не было в последние несколько дней, и штабель дров, который они свалили сюда через несколько дней после прибытия, был сухим, но разбросанным. Им потребовалась минута, чтобы сложить дрова обратно. Еще через минуту у них уже был большой пожар.

Боб Флеминг взбежал на холм и остановился, чтобы перевести дух. Он вставил одну из сигнальных ракет, которая выглядела как большой, толстый патрон для дробовика, в короткий, толстоствольный пистолет и щелкнул ею. Он поднял его над головой и нажал на курок. Абсолютно ничего не произошло. Флеминг тихо выругался себе под нос, открыл пистолет, выдернул патрон и перезарядил его другим. Когда он нажал на курок во второй раз, патрон едва вспыхнул и зашипел. Выругавшись на этот раз громче, Флеминг снова зарядил его и выстрелил. Третий тоже ничего не сделал.

«Я боялся этого». Затем, ругаясь, как пьяный моряк, который только что ударился пальцем ноги, Флеминг взял большой сигнальный веер, сделанный из большого количества пальмовых листьев, сплетенных вместе в деревянной раме, и яростно обмахивал им перед огнем и от него. Когда его руки устали, он передал веер Баду Джонсу, который быстро им управлялся, водя им вперед-назад и вверх-вниз перед огнем, подавая сигнал SOS азбукой Морзе.

Десять минут спустя стало совсем темно, и не было никаких признаков того, что корабль их заметил. Они едва могли различить его ходовые огни, все еще дрейфующие на восток. Надежды Шона таяли, как солнечный свет на глубине ста футов в океане.

Наконец Бад устал и передал вентилятор Стэну Таттлу. Стэн включил вентилятор на полную мощность, и корабль продолжал двигаться вперед. Стэн захрипел от продолжающихся усилий. Шон отступил назад и позволил экипажу подавать сигналы. Он ничего не знал об азбуке Морзе... кроме того, что точка, точка, точка, тире — это V.

Некоторые мальчики принесли свежие дрова и подбросили их в огонь, чтобы он не погас.

Через некоторое время, когда огни корабля скрылись из виду, Шон объявил: «Корабль исчез», и в его голосе послышалось отвращение.

Стэн с ворчанием бросил вентилятор. «Ну, мы сделали все, что могли. Просто не повезло».

«Да, жаль, что мы не приложили достаточно усилий», — проворчал Бад.

Все повернулись и пошли обратно в деревню. Они провели жалкий вечер, обедая в унылом молчании, прежде чем отправиться спать.

Крики и громкие разговоры разбудили Шона на следующее утро. Он и Тимми вышли из хижины и увидели бегающих вокруг людей. Кто-то сказал им: «Этот корабль вернулся. Он стоит на якоре у нашего северного берега», когда она проносилась мимо.

Шон и Тимми помчались к Сигнальному Файер Хиллу. Вот он. Корабль. Маленький с такого расстояния, темный и неподвижный, но Шон никогда не видел ничего столь прекрасного со времен посольства США в Вене.

К этому времени уже собралась вся деревня, и каждый по-своему любовался зрелищем. Затем Шон заметил крошечный, но особенно яркий свет, исходящий от мостика корабля и создающий узор. «Они подают нам сигнал?»

«Возможно», — сказал Флеминг. «Но мои глаза недостаточно хороши, чтобы это разглядеть. Бад, ты это видишь?»

«Да, но он искажен?»

«Шон», — сказал Флеминг. «Разожги огонь. Брось в него все, что найдешь. Бад, подай им еще один сигнал SOS. Черт, жаль, что у меня нет полевого бинокля».

Прежде чем Шон успел сказать хоть слово, дюжина детей разошлись веером и вернулись со всеми сухими дровами в радиусе ста ярдов и сложили их там, где вчера вечером был костер. Он был зажжен, и вскоре у них разгорелся хороший огонь. Бад взял веер и начал двигать им перед огнем и от него через равные промежутки времени.

«Я говорю: «Помогите SOS, помогите SOS», — сказал Бад сквозь зубы.

«Просто пошли SOS, Бад», — сказал Флеминг. «Они могут не говорить по-английски.

"Верно."

Шон увидел, как яркий свет высветил еще один узор с корабля. «Стэн, вот он снова. Теперь ты можешь его прочитать?»

«Я это хорошо вижу, но это должен быть другой язык».

«Бад, вернись к вентилятору. Повторяй им «английский» снова и снова», — приказал Флеминг.

«Правильно», — Бад схватил вентилятор и принялся крутить его изо всех сил.

«Они определенно нас читают, — наконец воскликнул Стэн, — но я все еще не могу их читать».

«Бад, дай им еще одну попытку», — сказал Флеминг. «Мы не можем потерять их сейчас».

Бад отправил семь писем, а затем замер с веером перед огнем.

Корабль не освещался светом в течение минуты, затем двух. К этому времени вокруг собралась почти вся деревня, затаив дыхание, надеясь, что корабль не покинет их. Они начали тревожно оглядываться друг на друга, пока, наконец, не пришло следующее сообщение. Стэн вспомнил о бумаге и карандаше, записал каждую букву и назвал ее по мере поступления: «N . . . O . . . N . . . E . . . E . . . N . . . G . . . L . . . I . . . S . . . H . . . H . . . A . . . B . . . L . . . A . . . E . . . S . . . P . . . A . . . N . . . O . . . L. Посмотрим. Нет ни гли шаб laespa nol. Что? О, как насчет 'None English, habla Espanol . Есть ли среди нас кто-нибудь, кто говорит по-испански?

«Миссис Фуэнтес», — предложил Бад. «Я думаю, она говорит по-испански и по-английски.

Шон крикнул вниз по склону толпе, ожидавшей внизу. «Миссис Фуэнтес там, внизу?»

« Да , я в этом уверен » , — раздался голос.

«Вы говорите по-испански?» — спросил Флеминг.

«Я так понимаю , старший, Йе- ям, испанский», — сказала она.

«Великолепно. Не могли бы вы подняться и помочь нам поговорить по-испански с этим кораблём?»

«Курс голубя, курс голубя», — сказала она, пытаясь преодолеть холм. Шон спустился и встретил ее на полпути. Он протянул ей руку, которую она с улыбкой пожала, и он помог ей пройти остаток пути на холм.

«Йоу», — сказала она, разглаживая юбку, «можно я тебя позову ?»

Мэр Флеминг подвел ее к огню. «Этот корабль говорит по-испански, но не по-английски. Вы переведете для нас?»

« Конечно » , — сказала она с улыбкой. Она была невысокой, пухленькой и очень приятной с заразительной улыбкой.

«Бад», — рявкнул мэр. «Сигнал, си хабла « Испаньол ».

Когда Бад повиновался, Флеминг повернулся к миссис Фуэнтес: «Теперь, дорогая леди, я скажу ему, что сказать. Если вы запишете это по-испански, Бад передаст это на корабль, хорошо?»

«Виноградная лоза».

Пока мэр говорил, миссис Фуэнтес записала это на испанском: «Выжившие в авиакатастрофе, нужен транспорт». Она передала бумагу Стэну, и Стэн назвал надпись Баду, пока тот работал вентилятором перед огнем. Когда он закончил, корабль начал отвечать почти сразу.

Стэн записывал письма по мере их поступления. Когда корабль перестал отправлять письма, он передал бумагу миссис Фуэнтес, и она перевела: «Мы русский траулер. Как мы можем помочь?»

Все в пределах слышимости радостно закричали.

Боб заговорил, и она записала его слова на испанском: «Отвезите нас в следующий порт захода».

Она передала бумагу Стэну, который перечислил буквы Баду, который отправил сообщение.

Корабль спросил: «Сколько вас?»

Бад ответил: «Сто тридцать семь».

Корабль ответил: «Трудно, такое большое количество, такое расстояние».

И тут у Шона возникла мысль. «Мэр, попроси его подъехать как можно ближе, а потом мы выйдем к ним со всеми нашими каноэ, полными свежих фруктов и овощей».

Миссис Фуэнтес написала: «Мы приедем к вам со свежими фруктами и овощами. Подойдите поближе. Много рифов». Бад отправил это.

Пять минут не было ответа. Наконец пришло сообщение. После перевода корабль ответил: «Сегодня мы встаем на якорь. Завтра прибудем ближе».

Когда миссис Фуэнтес закончила читать, все закричали от радости и начали танцевать. Некоторые начали плакать, а некоторые встали на колени и молились. Они ходили, бегали, танцевали и прыгали обратно в деревню. Мэр Флеминг послал нескольких старших детей собрать всю общину. Затем он взял список. Когда все были проверены на присутствие, он улыбнулся и сказал: «Друзья мои, завтра мы отправляемся домой».

Они начали празднество с большого пира. Затем, когда все были полностью сыты, они по очереди рассказывали истории о том, откуда они родом, чего им больше всего не хватало и что они сделают первым делом, когда вернутся домой.

Когда наступил вечер, община собралась вокруг костра тремя concentрическими кругами, обняв людей рядом с собой. Они задирали каблуки и пели песни во весь голос. Это было очень весело. Это продолжалось до тех пор, пока целые цепочки людей не падали от усталости, с громким смехом. Наконец люди добрались до своих кроватей и заснули. Завтрашний день обещал быть насыщенным.

Шон проснулся с рассветом, слишком взволнованный, чтобы спать дальше. Первое, что он сделал, это спустился на пляж, чтобы убедиться, что все каноэ, которые они отобрали у каннибалов, все еще там и в хорошем рабочем состоянии. Он вернулся в деревню как раз вовремя, чтобы увидеть, как мэр Флеминг собирает деревню, чтобы объявить план на день.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Наконец-то домой»

Когда все собрались, был сделан еще один подсчет, чтобы убедиться, что все присутствуют и что никто не может остаться позади. Флеминг забрался на упавшее бревно и поднял руку, пока все не затихли. «В общем, нам нужно дождаться, пока судно бросит якорь. Пока мы говорим, оно приближается. Затем мы собираемся в каноэ и выходим навстречу им. Нам повезло. День прекрасный. Ни облаков. Не так много ветра».

Были сформированы комитеты, чтобы собрать то, что было необходимо. В мгновение ока было собрано достаточно свежих фруктов и овощей, чтобы прокормить армию.

Тимми и Шон поднялись на вершину Сигнального Файер-Хилла. Они сели, устроились поудобнее и наблюдали, как корабль медленно огибает рифы на своем пути. Она нашла удобное место и бросила якорь. Они увидели всплеск, когда он коснулся воды.

Ревел гудок корабля. Некоторые люди на вершине холма махали руками, на случай, если кто-то на корабле направил на них бинокль. Несколько человек поспешили обратно в деревню, чтобы распространить новость о том, что корабль встал на якорь и ждет их.

Судя по положению корабля, Шон решил, что проще всего будет покинуть остров через восточную лагуну, и это было хорошо, потому что теперь им не пришлось бы тащить все эти каноэ в северную бухту.

Каноэ были равномерно загружены едой, оставляя достаточно места для людей, и все собрались на берегу. Был объявлен еще один пережат. Каноэ столкнули в воду, и все схватили весло и встали рядом с каноэ, которое им было назначено, готовые отчалить. Каждый светился от волнения от того, что наконец-то вернулся домой.

Мэр предложил: «Шон, поскольку у тебя в этом больше всего опыта, возможно, ты выведешь нас из лагуны и проведешь мимо рифов.

Шон улыбнулся. «С удовольствием». Он повысил голос. «Ладно, все, пошли. Оставайтесь позади нас».

Все сто тридцать семь человек забрались на борт своих каноэ и отчалили. Два каноэ перевернулись и вывалили еду, когда пассажиры забирались в них. Вода была еще достаточно мелкой, поэтому люди выравнивали свое каноэ, вылили воду, подобрали фрукты и положили их обратно.

Когда все тридцать восемь каноэ были готовы, они осторожно и медленно, с Шоном, Тимми, Билли, Флемингом и Джонсом во главе, вышли из лагуны, прошли мимо рифов и направились к ожидающему кораблю в один ряд. Море было спокойным, никто не затонул, и они добрались до корабля без происшествий. Вблизи он выглядел намного больше, чем с острова.

Шон заметил российский флаг, развевающийся на носу, когда они приблизились, и ледяной поток окружил его сердце. Он надеялся никогда больше не увидеть эту отвратительную вещь.

Неужели он мог быть разыскиваемым русскими беглецом? Неужели? Его не могли арестовать и вернуть в Россию? Неужели? Даже если бы они хотели его, его не могли бы узнать сейчас, с этой всклокоченной бородой и рваной одеждой? Неужели?

К черту все это! Несмотря ни на что, он не собирался позволить чему-либо помешать ему вернуться домой.

Каное Шона первым приблизилось к огромному кораблю. Он не был уверен, с какой стороны сначала подплыть, когда над носом появился человек и криком помахал им в левую сторону. Билли повернул каное в ту сторону, и как только они оказались рядом с кораблем, Шон увидел лестницу, ведущую с главной палубы к кромке воды. Несколько мужчин стояли на небольшой площадке на уровне моря, чтобы помочь им подняться на борт.

Они подплыли к берегу, и матрос на причале протянул длинный крюк, подтянул их к себе и крепко сжал. Когда он увидел, что им принесли, один крепкий матрос крикнул своим товарищам, и вскоре длинная бригада пожарных поднялась по лестнице, чтобы собрать все фрукты, которые передавались с каное, когда они подходили к борту. Прошло три с половиной часа с того момента, как первое каное пришвартовалось, до того, как последнее каное было выгружено и пущено по течению.

Когда все поднялись на борт, был произведен еще один подсчет. Все были учтены.

К ним подошел офицер с двумя матросами и заговорил по-русски. Один из матросов перевел его на испанский. Миссис Фуэнтес перевела с испанского на английский. «Приветствую. Я первый помощник Коромоков. Капитан хотел бы сейчас встретиться с вашей делегацией».

«Отлично», — сказал Флеминг, потирая руки. «Бад, Стэн, Шон и миссис Фуэнтес, если вы пойдете со мной, мы лично поблагодарим капитана за наше спасение». Он переключил свое внимание на русского первого помощника. «Спасибо. Мы последуем за вами».

Миссис Фуэнтес перевела это на испанский. Молодой матрос перевел испанский на русский. Первый помощник кивнул, развернулся и пошел. Боб, Бад, Стэн, Шон и миссис Фуэнтес последовали за ним через надстройку в спартанский офис, который едва мог вместить всех. Шон огляделся, чтобы убедиться, что на стене нет плакатов с его фотографией.

Капитан вышел из-за стола, чтобы поприветствовать всех пятерых сердечным рукопожатием. Он был высоким, худым, лет пятидесяти пяти, с характерной осанкой и большой сединой на висках. Его коротко подстриженная борода не имела усов. Он вернулся за свой черный

металлический стол, сел и заговорил по-русски с распростертыми объятиями. Член экипажа и миссис Фуэнтес перевели русский на английский. «Приветствую и поздравляю. Я капитан Игорь Тортаков . Я рад, что смог вам помочь».

Затем мэр Флеминг, одетый в свой капитанский наряд, ответил за всех. Он посмотрел на капитана, говоря: «Приветствую и поздравляю вас, капитан Тортаков . Меня зовут капитан Флеминг. От имени всех нас я хотел бы искренне поблагодарить вас за наше спасение». Он сделал паузу, пока миссис Фуэнтес переводила это, и пока это переводили капитану.

Капитан Тортаков официально кивнул.

Флеминг продолжил: «Мои люди не доставят вам хлопот, если вы просто высадите нас в следующем порту захода или в ближайшем порту, где вы будете плавать, чтобы мы могли добраться домой».

Когда это перевели, капитан Тортаков спросил: «Какой вы национальности?»

«Мы из разных стран, но большинство из нас австралийцы. Это был австралийский самолет, который потерпел крушение, заставив нас застрять», — ответил Флеминг.

Капитан Тортаков почесал голову в раздумьях, и Шон забеспокоился. Может ли политика все испортить? Могут ли у капитана возникнуть проблемы дома, если он поможет им? Попросит ли Тортаков их уйти сейчас?

Затем капитан Тортаков откинулся на спинку сиденья и вытащил из шкафа за собой скрученную карту. Он посмотрел на Флеминга и жестом пригласил его обойти стол. Он открыл карту, придерживая углы руками. Флеминг переместился за стол и помог придерживать карту. Это освободило одну руку Тортакова , чтобы он мог указать.

«Мы здесь», — сказал Тортаков . Он провел пальцем по карте. «Мы движемся на юго-восток в сторону США, Западное Самоа». Он сделал паузу, чтобы можно было завершить перевод. «Шестьсот пятьдесят миль. Три дня пути. Вам будет тесно, еды будет мало, но вы будете там. Три дня».

Шону было очень странно поддерживать разговор, который должен был пройти через трех человек, прежде чем он услышал английский, но смысл умудрялся доходить. Этот корабль, казалось, должен был доставить их на территорию США.

«Это будет очень хорошо», — сказал Флеминг, сжав руки и широко улыбнувшись. «После всего, что мы пережили, оказаться в тесноте на борту вашего корабля будет просто пикником».

После того, как это было переведено капитану, первый помощник Коромоков обратился по-русски к своему начальнику. Капитан повернулся к Флемингу с улыбкой. «Я так понимаю, что вы привезли нам много свежих фруктов и овощей с острова».

«Да», — ответил Флеминг. «Подарок от нас вам. Я верю, что вы могли бы их использовать».

Когда Тортаков понял русский, он рассмеялся. «Да, да, большое спасибо, что съели их», — вышло по-английски. «Вы», — он махнул всем пальцем, — «присоединитесь ко мне на ужин сегодня в шесть? Мы выпьем за ваше спасение».

Шон глубоко вздохнул, не подозревая, что затаил дыхание.

Флеминг ответил за всех: «Это было бы замечательно».

Тортаков повернулся к своему первому помощнику и рявкнул по-русски. Офицер ответил салютом. Он повернулся к Флемингу и заговорил. Миссис Фуэнтес перевела. «Лейтенант сейчас позаботится о нашем размещении. Размещение не будет роскошным, но он надеется, что мы будем достаточно комфортабельны в течение трех дней. И он просит нас ограничиться либо нашими помещениями, либо главной палубой и постараться держаться подальше от... как это называется?... а ... под ногами».

«Пожалуйста, передайте капитану, что для нас будет честью пообедать с ним в шесть часов, что мы все очень благодарны за возможность оказаться на борту и отправиться в Западное Самоа, и что мы сделаем все возможное, чтобы не мешать».

Когда капитан это понял, он вежливо кивнул и сказал: «Тогда до шести. А теперь извините, мне нужно позаботиться о том, чтобы мы отчалили», — и указал рукой на дверь.

Первый помощник сказал: «Вы последуете за мной, пожалуйста?» и повел их из кабинета капитана вниз через надстройку туда, где на главной палубе их ждали остальные жители деревни.

Флеминг попросил, чтобы его услышали все, и они уделили ему все свое внимание. «Дамы и господа», начал он, «меня попросили сообщить вам, что этот джентльмен», махнув рукой в сторону первого помощника,

«теперь позаботится о наших помещениях. Мы направляемся в Западное Самоа, ближайший порт под юрисдикцией Соединенных Штатов. Капитан подсчитал, что это займет всего лишь...»

Раздался звук туманного горна, заглушивший речь мэра. Все услышали механический скрежет, свидетельствующий о том, что якорь поднимают. Затем раздалось три коротких гудка туманного горна, из трубы вырвался клуб черного дыма, и судно начало дергаться.

Когда он смог, Флеминг продолжил. «И это займет всего три дня. На протяжении всего путешествия нас просят сделать все возможное, оставаться в своих каютах или на главной палубе здесь и стараться не мешаться». Его карие глаза сузились, подчеркивая: «Это русское грузовое судно. Мы не хотим злить наших хозяев. Пожалуйста, следуйте этим простым правилам, и все будет хорошо». Флеминг повернулся к русскому первому помощнику и попросил его с поднятой ладонью принять управление.

Выкрикивая русский язык, который никто не понимал, но с оживленными жестами, четыре младших офицера аккуратно разделили жителей деревни на три группы. Одна группа из примерно шестидесяти человек была размещена в пустом грузовом отсеке. Другая группа примерно такого же числа была согнана в другую большую пустую комнату двумя уровнями ниже главной палубы.

Шон был одним из счастливиц. Им с Тимми выделили комнату поменьше с Флемингом, экипажем и стюардессами. Места было как раз достаточно, чтобы все могли лечь и перевернуться, не толкая локтями других. Но Шону было все равно. Ему было все равно, если он не сомкнет глаз: он направлялся домой. Это будет долгий, кружной путь, но он был рад заплатить эту цену.

И только им дали матрасы — если их можно так назвать — для сна и одеяло, чтобы защититься от холода. Матрасы были сделаны из какой-то соломы, сшитой вместе двумя кусками ткани. Это было не так уж много, но определенно лучше, чем ничего. Шон обнаружил, что стальной пол может быть довольно твердым, даже через тонкий слой соломы. Всем остальным дали только одно одеяло.

По крайней мере, в номере было тепло и не пахло. Ванная комната была на удивление современной и адекватной для размещения большого количества дополнительных пассажиров.

Ужин в тот вечер был очень веселым. Он состоял из какой-то жареной рыбы, которая была приятно приправлена и приготовлена как надо. Ямс был тонко нарезан и обжарен в большом количестве масла с большим количеством соли, перца и паприки. Они были великолепны на вкус. Шеф-повар приготовил свежую фруктовую вазу из всего того, что жители деревни привезли с острова. Для Шона это было уже почти старой новостью, но капитану Тортакову, похоже, понравилось, как и его коллегам-офицерам.

Яркий капитан Тортаков был идеальным хозяином. После ужина Тортаков вынес полупустую бутылку настоящей русской водки и налил всем по стопке в маленькие, желтоватые стаканы. Русские моряки встали и официально протянули стаканы перед своими лицами. Американцы встали и подняли свои напитки, подражая хозяевам. Когда все встали, капитан Тортаков произнес тост, состоящий из четырех хрюкающих слогов.

Матросы выпили и сели.

Шон никогда раньше не пил водку, ни в чистом виде, ни в виде коктейля. Он сделал небольшой глоток и подумал, что сейчас захлебнется, когда прозрачная жидкость обожгла ему горло и послала пламя в нос. Слезы навернулись на глаза, но, к счастью, остались там. Второй глоток был не таким уж плохим, а третий вообще не обжег.

Капитан снова наполнил всем бокалы и продолжил тост, на этот раз за что-то другое. Шону было все равно, за что они будут пить, лишь бы водка лилась, что он и делал.

Когда первая бутылка опустела, капитан открыл другую. Довольно скоро тосты пошли по всему столу. Флеминг, затем все по очереди. Вскоре настала очередь Шона. Он встал, немного пошатываясь, опираясь рукой на стол, поднял свой бокал и сказал: «За свободу». Все выпили под это.

Вскоре горячая вспышка обожгла все тело Шона, заставив его понять, что он уже достаточно выпил. Его желудок скрутило, заставив его надеяться, что еще не слишком поздно. Последнее, что ему хотелось сделать, это блевать на своих хозяев. Он потряс головой, пытаясь ее

прочистить. Это не сработало. Он видел все в двух экземплярах. Он не собирался пить так много, но, боже, эта штука была гладкой.

Ужин закончился, и Шон, спотыкаясь, вернулся в свою каюту и плюхнулся на матрас. Тим лежал рядом с ним. Он закрыл глаза, надеясь заснуть, но был слишком пьян, и корабль качало. «Эй, Тим. Хочешь подняться на палубу и подышать свежим воздухом перед сном?»

"Отлично". Тим вскочил на ноги и последовал за Шоном вверх по лестнице. Они прошли вперед и оперлись локтями о перила носа. Жесткий морской воздух был прекрасен, когда он впивался в лицо Шона. Он уставился в бесконечную черную пустоту облачной, ветреной ночи, размышляя, где же луна.

Они стояли там, мужчина и мальчик, много долгих минут. Мягко покачивающийся корабль был тонизирующим для Шона, отрезвляющим его. Ни слова не было сказано между мужчиной и мальчиком.

Стоя там той ночью, Шон и Тимми не могли знать, что на пути в Западное Самоа их ждет жестокий шторм, который продлится полтора дня, вызывая у всех сильную морскую болезнь. Или что, когда они прибудут в Самоа, они единогласно проголосуют за то, чтобы сесть на другой корабль, который доберется до Гавайев до того, как первый доступный рейс сможет их туда доставить. И что по прибытии на Гавайи авиакомпания бесплатно доставит их обратно в Штаты.

И они не могли знать, что обе поездки будут приятными и без дальнейших происшествий.

Нет, они не знали точно, что их ждет, когда они прислонились к перилам в тот вечер. Все, что они знали наверняка, это то, что они наконец-то возвращаются домой, и это все, что они хотели знать.

Тимми не спросил, что делает Шон, когда он вытащил из кармана деревянный ключ, тот самый, который так заботливо дали ему мэр Флеминг и вся община. Тимми наблюдал, как Шон изучал его, вертел в руках и смотрел в его глубины. И Тимми, казалось, совсем не удивился, когда Шон бросил его через перила в бурлящее море и в необъятную неизвестность.

Слова были не нужны. Каждый знал, о чем думает другой. Это был тот остров, о котором никто из них никогда не хотел думать снова. Там не было ничего, кроме смерти и страданий. Что-то, что они отчаянно хотели забыть.

Они оба одновременно отвернулись от перил. Шон обнял Тимми за плечи. Парень обнял дядю за талию. Пока они медленно шли обратно в свою комнату, Шон размышлял, как он скажет брату и невестке, что у них больше нет дочери.

плавник

Продолжение «*Нет покоя усталым , не там, не там*» уже ждет вас.

www.FitzgeraldLit.com